

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2021. Т. 43, № 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 2

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- Т. П. ЛЁННГРЕН**
д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- Т. РУСЕН**
д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021. Vol. 43, No 2

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŪNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, St. Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	СТАРООБРЯДЧЕСТВО НА РУССКОМ СЕВЕРЕ	
АРХЕОЛОГИЯ		<i>Юхименко Е. М.</i>	
<i>Жульников А. М.</i>		Почитание св. равноапостольного князя Владимира: праздник и Образ всех российских чудотворцев.	71
Стоянка Святилище в контексте датирования и функционирования Беломорских петроглифов	8	<i>Пигин А. В.</i>	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		«Дерево растет от корня»: Иван Никифорович Заволоко и его корреспонденты в Карелии	77
<i>Иванченко М. Р.</i>		<i>Кожурин К. Я.</i>	
Установление авторства дневников моряков 2-й Тихоокеанской эскадры	20	Новонайденные документы для истории старообрядчества села Кушереки Онежского уезда	85
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		<i>Мельников И. А.</i>	
<i>Кожевникова Ю. Н.</i>		Святые Новгорода и Русского Севера в рукописи из собрания Новгородского музея-заповедника	92
Монашество Олонецкого и Каргопольского уездов в эпоху «запретительных» указов	28	<i>Старицын А. Н.</i>	
<i>Ткаченко С. Н.</i>		Уставные правила женского Лексинского общезнательства раннего периода	98
Бои за село Баксан как пример становления тактики крымских партизан	36	ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ	
<i>Шевченко Т. И.</i>		<i>Разумова И. А.</i>	
«Финляндский вопрос» в переписке патриарха Алексия I с председателем Совета по делам РПЦ Г. Г. Карповым	44	О динамике социальных границ: власть в воспоминаниях подневольных тружеников.	106
<i>Бертош А. А.</i>		<i>Салмин А. К.</i>	
Институционализация советской системы туризма на Кольском Севере.	55	Совместная еда как феномен самобытной культуры чувашей	115
<i>Петрова М. И.</i>		Память	
Шведские города и графства Северного Приладожья в XVII – начале XVIII века.	61	<i>Кулагин О. И.</i>	
		Памяти И. Р. Шегельмана.	123
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 26.02.2021. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 17

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор
А. В. Пигин

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В 2020 году исполнилось 400 лет со дня рождения выдающегося русского писателя протопопа Аввакума (1620–1682), автора знаменитого Жития, лидера старообрядческого движения. Этому событию были посвящены научные конференции в разных городах России – от Москвы до Нарьян-Мара. Юбилейная конференция, организованная музеем «Киж», состоялась и в Петрозаводске: «Старообрядчество на Русском Севере (к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума)» (18–19.03.2020). Основу настоящего номера составляют избранные материалы этой конференции. Изучению внутреннего устройства женского монастыря на Лексе в его ранний период (1706–1727) посвящена статья А. Н. Старицына. В статье Е. М. Юхименко поставлен вопрос о восприятии русским религиозным сознанием места князя Владимира, Крестителя Руси, в кругу всех российских чудотворцев; при этом основное внимание уделено памятникам старообрядческой литературы и иконографии. К. Я. Кожурин вводит в научный оборот новые архивные материалы, позволяющие реконструировать историю староверческого поселения в Кушереке на Архангельском Севере. Неизвестный рукописный сборник XVIII века из Новгородского музея, содержащий обширные перечни святых с богослужебными молитвенными текстами, анализируется И. А. Мельниковым. По предположению автора, сборник может рассматриваться как результат агиологических разысканий местных старообрядцев. Статья А. В. Пигина продолжает серию публикаций и исследований эпистолярного наследия известного деятеля староверия XX века, рижанина И. Н. Заволоко (1897–1984). Анализ его переписки с краеведами, поэтами и учеными Карелии позволил сделать вывод о сильном влиянии «рижского старца» на местную интеллигенцию. Несмотря на давнюю и очень богатую историю изучения, старообрядчество остается одним из приоритетных объектов для современных гуманитарных наук.

Кроме данной тематической подборки, в этом номере публикуются статьи по традиционным для журнала направлениям: «Археология», «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», «Отечественная история», «Этнография, этнология и антропология».

Рубрика «Память» посвящена безвременно ушедшему И. Р. Шегельману, сыгравшему важную роль в развитии научно-исследовательского потенциала Петрозаводского государственного университета.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

rockart@yandex.ru

СТОЯНКА СВЯТИЛИЩЕ В КОНТЕКСТЕ ДАТИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЕЛОМОРСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ

А н н о т а ц и я . На основе анализа материалов исследованной в 2017 году экспедицией Петрозаводского госуниверситета древней стоянки Святилище рассматривается проблема соотношения Беломорских петроглифов и близлежащих поселений в контексте их датирования и функционирования. Необходимость уточнения данных о высотных диапазонах бытования различных типов керамики, обнаруженных в низовье р. Выг рядом с петроглифами, а также более детального изучения динамики заселения островов и участков берега реки, находящихся в непосредственной близости от наскальных изображений, обусловлена наличием среди исследователей разных подходов по датировке Беломорских петроглифов, в том числе с использованием материалов близлежащих поселений. Проведенное исследование показало, что группа древних памятников, состоящая из петроглифов Бесовы Следки (северная группа), расположенных рядом стоянок, и местонахождения артефактов в русле р. Выг, образуют отчасти взаимосвязанный, возможно, хронологически близкий, а временами единовременный комплекс.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Беломорские петроглифы, стоянка, неолит, энеолит, ямочно-гребенчатая керамика, ромбоямочная керамика, пористая и асбестовая керамика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Жульников А. М. Стоянка Святилище в контексте датирования и функционирования Беломорских петроглифов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 8–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.579

ВВЕДЕНИЕ

История изучения Беломорских петроглифов и древних стоянок в низовье р. Выг насчитывает уже почти столетие. С момента открытия А. М. Линевским в 1926 году петроглифов в низовье р. Выг¹ и исследований А. Я. Брюсовым в 1927–1929 годах неолитических поселений, расположенных рядом с наскальными изображениями, возникает идея об их взаимосвязи и хронологической близости². Во второй половине XX века, по мере открытия и изучения новых групп наскальных гравировок и древних поселений в Юго-Западном Беломорье, среди специалистов-археологов возникло понимание, что вследствие изменений в природно-климатических условиях Прибеломорья многие эти памятники функционировали не одновременно, поэтому для установления их хронологии и соотношения необходимо комплексно использовать как чисто археологические, так и палеогеографические методы [5], [8], [9], [10].

Особое значение для датирования археологических памятников приустьевой части р. Выг

имеет процесс послеледникового поднятия Балтийского щита, который приводил к перемещению стоянок древних людей вслед за отступающим берегом моря. Подобные изменения в размещении мест обитания древних охотников и рыболовов отнюдь не означают, что отдельные возвышенные участки побережья моря и в дельте р. Выг не посещались древними людьми в более позднее время, что создает существенные трудности в датировании поселенческих комплексов, формирующихся с перерывами иногда на протяжении нескольких тысячелетий. С постепенным выходом из воды участков скал в приустьевой части реки Выг у древних охотников и рыболовов появлялись новые «полотна» для создания наскальных гравировок. Результаты датирования материалов древних поселений и палеогеографические исследования, проведенные Ю. А. Савватеевым, Э. И. Девятовой, А. А. Лийва в Юго-Западном Беломорье в 60–70-х годах XX века, позволили обосновать хронологическую шкалу, благодаря которой возникла воз-

возможность определять периоды, когда те или иные участки скал в дельте р. Выг выходили из воды, в какой период происходило формирование пригодных для заселения береговых террас. Вышеуказанными исследователями установлены основные этапы в изменении природно-климатических условий в Юго-Западном Беломорье, выявлено существование сухих (благоприятных для создания петроглифов) и увлажненных периодов, которые могли сказаться на размещении наскальных изображений и промысловых поселений [1], [10]³.

Большая часть исследователей петроглифов Карелии, в том числе автор настоящей статьи, опираясь на сопоставления высотных отметок петроглифов и близлежащих поселений, имеющие радиоуглеродные даты по этим памятникам, отличия в стилистике гравировок и их композициях, полагают, что петроглифы в низовье р. Выг выбивались в течение довольно продолжительного периода – не менее двух тысяч лет – от среднего неолита и минимум до конца энеолита [2], [4], [5], [9], [12], [13]. С этим тезисом не согласна археолог Н. В. Лобанова, которая, не видя различий в сюжетах и стилистике наскальных изображений Белого моря [7: 19], высказывает предположение, что Беломорские петроглифы созданы в относительно краткий засушливый период конца атлантического периода – примерно во второй половине V тыс. до н. э. [7: 27]. Видимо, понимая возникающее противоречие высказанного суждения с данными о существенной разнице групп Беломорских петроглифов по высоте над уровнем моря, исследователь делает допущение, что первоначально петроглифы были выбиты на низких скалах, а затем древними людьми могли быть освоены более высокие скальные участки [7: 27]⁴. Дискуссионным является также вопрос: могли ли древние люди в момент создания петроглифов проживать на участке берега, вплотную примыкающем к полотну с наскальными гравировками, а также использовать их в ритуальных целях в период, например, проведения промысла [11: 44]? В этой связи возникает необходимость уточнения данных о высотных диапазонах бытования различных типов керамики, обнаруженных в низовье р. Выг рядом с петроглифами, более детального изучения динамики заселения островов и участков побережья в этом районе Беломорья.

Среди археологических памятников низовья р. Выг, примыкающих к скалам с петроглифами, особо выделяется объект, открытый и частично раскопанный в 1928–1929 годах А. Я. Брюсовым. В естественном углублении в скале размерами 6–7 x 8 м, глубиной до 1,7 м,

примыкающем с запада к петроглифам Бесовы Следки (северная группа), исследователем было выявлено два культурных слоя, разделенных метровой прослойкой чистого песка. Близость раскопанного углубления к скале с петроглифами, наличие между ними крупного валуна (по А. Я. Брюсову – алтаря), невозможность использования естественного западания для длительного проживания (во время сезонных подъемов воды в реке углубление заливают вода) являются, по предположению исследователя, признаками культового характера раскопанного объекта – святилища⁵. Выводы А. Я. Брюсова о расположении рядом с петроглифами культового объекта, содержащего керамику, каменные орудия и отходы их производства, в последующие годы получили неоднозначную оценку у других археологов и дали начало дискуссии о возможности функционирования первобытных петроглифов в непосредственной близости от поселения или кратковременного стойбища. Так, В. И. Равдоникас в своей публикации, посвященной петроглифам Белого моря, отмечает важность исследований А. Я. Брюсова для датирования наскальных гравировок, но трактует исследованное в 1928–1929 годах углубление как часть более крупного поселения, отмечая, что существенных различий в составе находок между Святилищем и стоянками, известными на небольшом островке Бесовы Следки, не наблюдается⁶. Ю. А. Савватеев, подводя итоги исследований в районе Бесовых Следков, согласился с трактовкой углубления в скале как святилища [9: 48], но отметил наличие рядом с ним культурного слоя (от кратковременных поселений), периодически размываемого при подъемах воды в реке. Петроглифы, соседствующие с подобными стоянками, по мнению ученого, «не были окружены мистическим страхом. Они “оживали” лишь во время обрядов, проводившихся с определенной периодичностью» [9: 46]. Таким образом, Ю. А. Савватеев допускает создание и использование петроглифов в ритуальных целях охотниками и рыболовами, которые в период промысла обитали в непосредственной близости от наскального полотна с гравировками.

Результаты раскопок стоянки Святилище, проведенные в 2017 году экспедицией Петрозаводского государственного университета под руководством автора данной статьи, позволяют высказать ряд новых суждений о характере этого памятника и рассмотреть полученные материалы в контексте изучения вопросов хронологии и особенностей функционирования Беломорских петроглифов.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СТОЯНКИ СВЯТИЛИЩЕ И БЛИЗЛЕЖАЩИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В раскопе, заложенном А. Я. Брюсовым на стоянке Святилище в 1928–1929 годах (56 кв. м), в нижнем культурном слое были выявлены фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой, нео-энеолитической ромбоямочной и энеолитической асбестовой керамики (около 1000 экз.), многочисленные орудия из камня и отходы их производства. На дне углубления было расчищено три очага из камней и кострище. В верхнем культурном слое, в западной части раскопа, были расчищены два очага. На выступе скалы у края углубления был найден запас чистой красной охры. По мнению А. Я. Брюсова, находки, обнаруженные в верхнем слое, отличаются от черепков нижележащего слоя только большим процентом орнамента мелкими вдавлениями.

В 1936 году исследования в низовье р. Выг проводит В. И. Равдоникас, который обнаружил

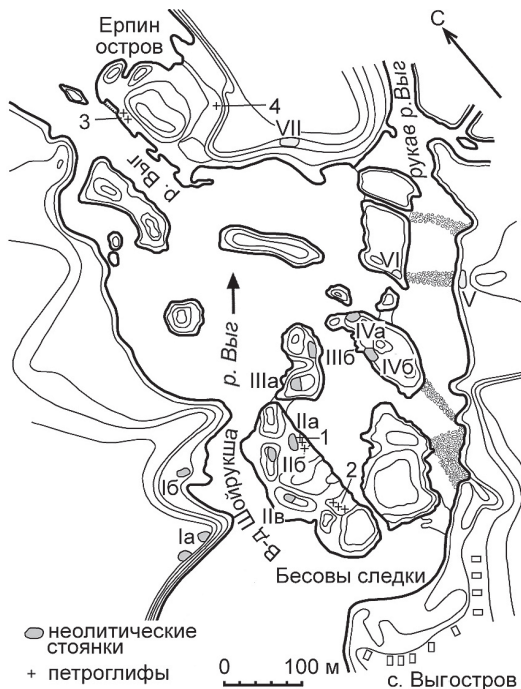

Рис. 1. Схема расположения групп петроглифов и стоянок на р. Выг в районе д. Выгостров до строительства ГЭС (по данным В. И. Равдоникаса). 1–2 – петроглифы Бесовы Следки (северная и южная группы), 3–4 – петроглифы Ерпин Пудас I, II; I–VII – стоянки в районе д. Выгостров, открытые или обследованные В. И. Равдоникасом в 1936 году (IIa – стоянка Святилище)

Fig. 1. Disposition plan of petroglyph groups and ancient sites on the Vyg River in the vicinity of Vygostrov village before the hydroelectric power station building (according to V. I. Raudonikas). 1–2 – Besovy Sledki petroglyphs (the northern and the southern groups); 3–4 – Erpin Pudas I and II groups petroglyphs; I–VII – sites in the vicinity of Vygostrov village discovered and studied by V. I. Raudonikas in 1936 (IIa – Svyatilishche site)

на острове Бесовы Следки (по Ю. А. Савватееву, это остров Шойрукшин) «пятна» культурного слоя трех неолитических стоянок (рис. 1). Одна из выявленных в 1936 году стоянок (IIa) располагается вплотную к раскопу А. Я. Брюсова (на удалении около 15 м от петроглифов Бесовы Следки) (рис. 2)⁷. Особо отметим находку В. И. Равдоникасом на стоянке IIa обломка подвески из почти необработанного куска янтаря. Подобные украшения появляются в Карелии не ранее первой половины IV тыс. до н. э. на поселениях с ромбоямочной керамикой [3: 68].

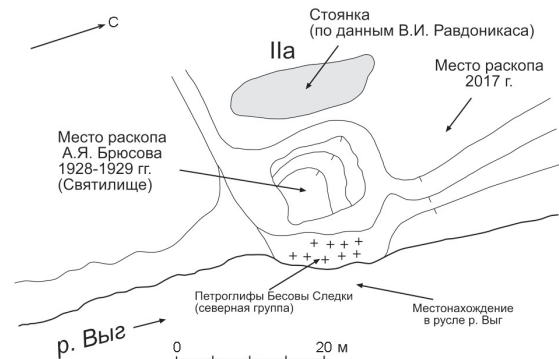

Рис. 2. Место расположения раскопов 1928–1929, 2017 годов и иных объектов в районе петроглифов Бесовы Следки (северная группа) на схеме В. И. Равдоникаса (1936 год)

Fig. 2. Location of 1928–1929 and 2017 excavation sites and other objects in the area of Besovy Sledki petroglyphs (the northern group) according to V. I. Raudonikas (1936)

Стоянка Святилище располагается в непосредственной близости от группы петроглифов Бесовы Следки (северная группа) (см. рис. 1), открытой А. М. Линевским. В 1928–1929 годах А. Я. Брюсов в ходе раскопок стоянки Святилище, находящейся у петроглифов, расчистил верхний край скалы ото мха, где обнаружил несколько выбитых изображений. В 1936 году группы древних гравировок на острове Бесовы Следки обследовал В. И. Равдоникас. В 60-х годах петроглифы Бесовы Следки исследовались Ю. А. Савватеевым [9].

В 1964 году Ю. А. Савватеевым севернее раскопа А. Я. Брюсова было заложено несколько шурфов [9: 48–49]. В результате этих разведочных работ было установлено более широкое, чем исследованное А. Я. Брюсовым углубление в скале, распространение культурного слоя, в том числе к северу от группы петроглифов (рис. 3). Судя по опубликованным Ю. А. Савватеевым данным, состав находок, обнаруженных в 1928–1929 и 1964 годах, оказался сходен. В начале 60-х годов XX века, в связи со строительством дамбы водохранилища Выгостровской ГЭС, над значительной частью скалы, на которой находились древние изображения, был возведен

защитный павильон. Часть скалы, на которой изображения не были выявлены, осталась за пределами павильона. Во время строительства защитного павильона ниже скалы с петроглифами, в русле р. Выг, на глубине от 0,6 до 1,4 м от уровня дна Ю. А. Савватеевым [9: 40–47] и Э. И. Девятовой [1: 42–48] было выявлено местонахождение древних артефактов и кусков древесины, интерпретированное как «следы пребывания людей, оставленные на скале и смытые затем водой» [9: 46]. Среди находок на дне реки преобладают фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и куски дерева, иногда со следами обработки. Изредка встречались обломки ромбоямочной и асбестовой посуды. Наиболее поздним типом

керамики в слое местонахождения является плоскодонная асбестовая посуда типа палайгуба, датируемая по радиоуглеродным данным, с учетом калибровки, второй половиной III тыс. до н. э. – началом II тыс. до н. э. [6: 32].

В 2012 году А. М. Жульниковым севернее павильона, у края скального выступа, был заложен шурф, в котором выявлен участок сохранившегося культурного слоя стоянки Святилище. В этом же году при проведении разведочных работ рядом с павильоном была получена информация от старшего преподавателя Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета М. Б. Успенской, что севернее стоянки Святилище на скале имеются неизвестные ранее петроглифы. В ходе выполнения графитных копий и изучения обнажения скалы путем создания эффекта бокового освещения (под черной пленкой) было выявлено две фигуры лосей и одно изображение, видимо, лосенка. Это открытие, с учетом данных А. Я. Брюсова, показало наличие неизвестных ранее петроглифов за пределами павильона (рис. 4).

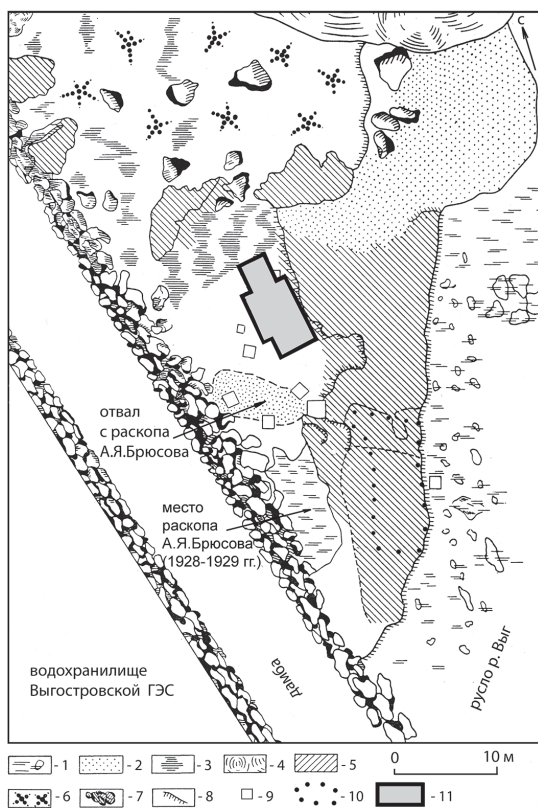

Рис. 3. Схема расположения раскопа 2017 года и группы петроглифов Бесовы Следки (северная группа) на схеме Ю. А. Савватеева, составленной по результатам обследования стоянки Святилище в 1964 году (до строительства павильона «Бесовы Следки»).

1 – завалуненные участки, 2 – песок, 3 – заболоченные участки, 4 – строительный отвал грунта, 5 – скальная поверхность, 6 – кустарник, 7 – глыбы гранита, 8 – граница прибрежной скалы, 9 – шурфы 1964 года, 10 – граница размещения петроглифов, 11 – раскоп 2017 года

Fig 3. Location of 2017 excavation site and Besovy Sledki petroglyphs (the northern group) according to Yu. A. Savvateev's inspection of Svyatilishche site in 1964 (before the pavilion building). 1 – boulder sections, 2 – sand, 3 – boggy sections, 4 – building dump, 5 – rock surface, 6 – bushes, 7 – granite blocks, 8 – border of the bank rock, 9 – 1964 pits, 10 – border of the petroglyphs location, 11 – 2017 excavation site

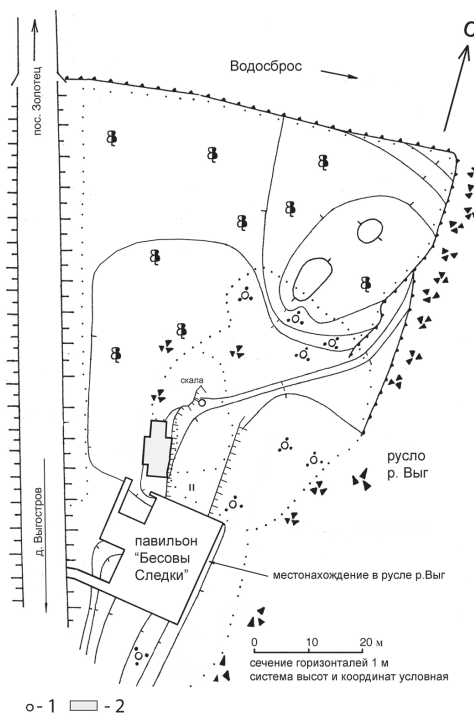

Рис. 4. План расположения раскопа 2017 года. 1 – подгруппа II петроглифов Бесовы Следки (северная группа), расположенная за пределами павильона, 2 – раскоп 2017 года Fig. 4. 2017 excavation site plan. 1 – subgroup II of Besovy Sledki petroglyphs (the northern group) located outside the pavilion, 2 – 2017 excavation site

Сохранившаяся часть стоянки Святилище с юга ограничена искусственной насыпью у северной стенки павильона Бесовы Следки, с востока – краем скального уступа, западная граница

проходит по основанию насыпи дамбы водохранилища, где наблюдается заметное понижение рельефа и признаки заболачивания. Северная часть стоянки примыкает к скоплению крупных валунов и выходам скал (см. рис. 4). Размеры сохранившегося участка культурного слоя стоянки составляли примерно 4–5 x 10 м. Высота стоянки в пределах раскопа – около 20,5–21 м над уровнем моря.

На стоянке в 2017 году был заложен раскоп (36 кв. м), ориентированный восточным краем вдоль скального уступа (см. рис. 4). Исследования стоянки были проведены тремя условными горизонтами по 5–7 см с фиксацией находок в трехмерной системе координат. Было проведено промывание перебранного в раскопе культурного слоя.

В раскопе было обнаружено 855 находок, среди которых преобладают изделия из камня (739 экз.) и фрагменты лепной керамики (102 экз.). На стоянке было найдено также 14 кальцинированных косточек (1-й горизонт – 9 экз.; 2-й горизонт – 5 экз.), не считая мелкой костной трухи, которая встречалась повсеместно, совпадая по расположению с полосой иных находок на центральной оси раскопа. Косточки из раскопа довольно мелкие, видимо, принадлежат млекопитающим (небольшого размера) или птицам.

Керамика, собранная в раскопе, разделена на четыре группы: ямочно-гребенчатая (13 крупных и 14 мелких фрагментов), ромбоямочная (1 мелкий и 7 крупных фрагментов), пористая и асбестовая (21 крупный и 29 мелких фрагментов), сетчатая (3 крупных и 14 мелких фрагментов). Найдено 24 каменных орудия, включая их обломки. Остальные категории каменных изделий относятся к отходам производства орудий из кварца, кремня и сланца.

Полоса находок (керамика и изделия из камня) вытянулась вдоль длинной оси раскопа параллельно кромке бывшего берега реки (рис. 5, б). Показательно почти полное отсутствие находок у западной, удаленной от кромки скального уступа стенки раскопа, примыкающей к заболоченной низине. Находки были обнаружены в основном в первом и втором условных горизонтах. Культурный слой в первом и втором горизонтах на многих участках раскопа имел признаки прокала, однако четких цветовых пятен, указывающих на места расположения кострищ, выявить не удалось. Не были обнаружены в раскопе и очаги из камней. В третьем горизонте находки немногочисленны, встречены лишь в южной и центральной частях раскопа. Каких-либо пятен, указывающих на наличие древних хозяйственных ям, у подошвы третьего горизонта не зафик-

сировано. Особых различий в составе находок по горизонтам не отмечено. Петроглифы на расчищенной в раскопе скале выявлены не были.

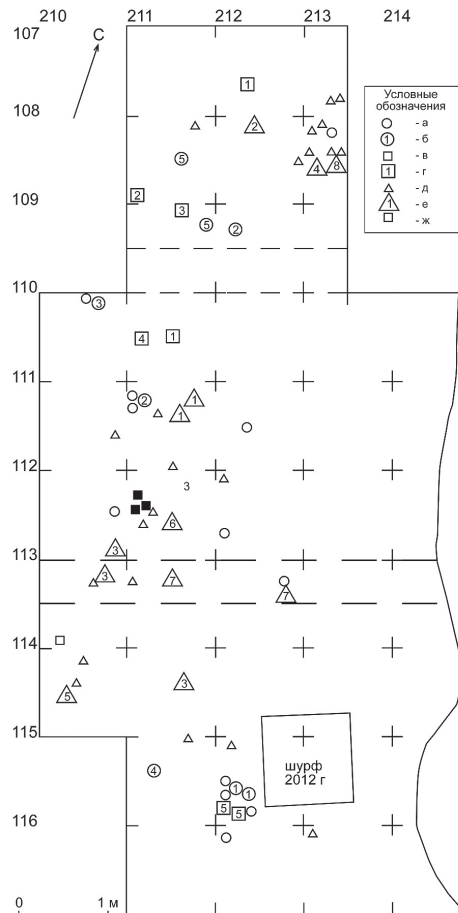

Рис. 5. План распространения фрагментов керамики в раскопе на стоянке Святыхище. а – мелкие фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, б – крупные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, в – мелкие фрагменты ромбоямочной керамики, г – крупные фрагменты ромбоямочной керамики, д – мелкие фрагменты пористой и асбестовой керамики, е – крупные фрагменты пористой и асбестовой керамики, ж – фрагменты сетчатой (?) керамики

Fig. 5. Distribution of different types of pottery in the excavations at Svyatilishche site. а – small fragments of pit-comb ware, б – large fragments of pit-comb ware, в – small fragments of rhomb-pit ware, г – large fragments of rhomb-pit ware, д – small fragments of organic- and asbestos-tempered ware, е – large fragments of organic- and asbestos-tempered ware, ж – fragments of netted (?) ware

Стратиграфическая колонка в разных частях раскопа имеет некоторые отличия. В юго-западной части раскопа выявлена следующая стратиграфия: 1) дерн (5–9 см); 2) слой наброса (оползший с дамбы слоистый смешанный грунт) – песок, гравий и камни (3–19 см); 3) темно-серая слоистая супесь (7–14 см); 4) белесая супесь (0–17 см); 5) темно-коричневая ожелезненная супесь или скала – подстилающий слой. Стратиграфия в центральной части раскопа:

1) дерн (7–9 см); 2) темно-серая супесь (4–7 см); 3) белесая супесь (3–9 см); 4) коричнево-красная супесь (0–9 см); 5) коричневая супесь с белесыми и красноватыми пятнами или скала – подстилающий слой. У западной стенки раскопа, западнее которой наблюдалось существенное понижение рельефа, под дерном наблюдался мощный (до 50 см) слой белесой супеси, что указывает на высокий уровень грунтовых вод на участке берега реки, удаленном от края скалы на 5–6 м.

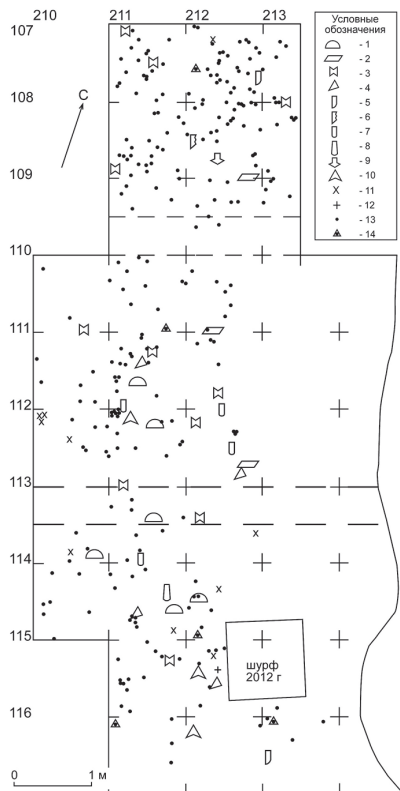

Рис. 6. План распространения каменных артефактов в раскопе на стоянке Святилище (горизонты 1–3). 1 – скребок, 2 – точильный брусок, шлифовальная плита, 3 – нуклеус, 4 – отщеп с ретушью, 5 – нож, 6 – пила, 7 – отбойник, 8 – сланцевое рубящее орудие (обломок), 9 – якорь, 10 – наконечник стрелы, дротика, 11 – кремневый отщеп, 12 – сланцевый отщеп, 13 – кварцевый отщеп, 14 – скопление кварцевых отщепов

Fig. 6. Distribution of stone artifacts in the excavations at Svyatilishche site (horizons 1–3). 1 – scraper, 2 – grind-stone, 3 – core, 4 – flake with retouch, 5 – knife, 6 – saw, 7 – cutting stone, 8 – slate cutting tool, 9 – anchor, 10 – arrow or dart head, 11 – flint flake, 12 – slate flake, 13 – quartz flake, 14 – accumulation of quartz flakes

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ПОЛУЧЕННЫХ В 2017 ГОДУ НАХОДОК И ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Неолитические и энеолитические фрагменты керамики, собранные в раскопе 2017 года, не образуют четко выраженных скоплений, представлены в разных частях исследованной площади стоянки, совпадая по расположению с полосой

(шириной 3–3,5 м) находок каменных артефактов, вытянутой вдоль края скалы (см. рис. 5, 6). Разнообразие типов керамики, представленных в раскопе 2017 года, указывает на многократный характер заселения древними людьми участка древнего островка в низовье р. Выг, расположенного рядом со скалой с петроглифами. На одном из фрагментов, обнаруженных в раскопе, округлая ямка нанесена поверх горизонтального ряда из овальных гладких вдавлений (рис. 7: 8, 9) – такой прием орнаментации характерен для ранне-неолитических типов керамики Карелии сперрингс и Сяр I (сярясниеми 1). Один подобный фрагмент, видимо относящийся к типу Сяр I, имеется и в коллекции В. И. Равдоникаса с острова Бесовы Следки, где известно несколько пунктов находок, расположенных на высоте до 21,5 м над уровнем моря. Можно допустить, что первые посещения острова начинаются древними людьми уже в конце первой половины V тыс. до н. э. Ямочно-гребенчатая керамика, обнаруженная в раскопе (фрагменты от четырех сосудов, украшенных ямками конической формы и оттисками гребенки) (рис. 7: 3, 10–13), относится к средней фазе неолита (вторая половина V тыс. до н. э.), ромбоямочная посуда с ямками подромбической и овальной формы (5 сосудов) (см. рис. 7: 1, 2, 4–7) – к поздней фазе неолита – началу энеолита (первая половина IV тыс. до н. э.). Особо выделим окатанный фрагмент неолитической ямочно-гребенчатой керамики (рис. 7: 10), тогда как на других, более поздних, фрагментах керамики следы окатанности не отмечены. Энеолитическая асбестовая и пористая керамика (фрагменты минимум от 8 сосудов, орнаментированных оттисками гребенки) (рис. 7: 14–21) принадлежит к ранней и поздней фазе развития типа оровнаволоков, датируется по радиоуглероду концом IV – первой половиной III тыс. до н. э. [6]. Сосуды, относящиеся к ранней фазе развития керамики типа оровнаволоков, украшены диагональными или горизонтальными рядами из оттисков гребенки, в последнем случае ряды оттисков штампа сочетаются с широкими неорнаментированными зонами (рис. 7: 17, 19–21). Для поздней керамики типа оровнаволоков характерна орнаментация торца венчика линиями из состыкованных оттисков гребенки (рис. 7: 15). Невыразительные фрагменты стенок сосуда со штрихованной поверхностью, без орнамента, изготовленного из глины с примесью дресвы и органики, отнесены предположительно к типу сетчатой керамики. Она может быть датирована второй половиной II – началом I тыс. до н. э.

Рис. 7. Керамика, обнаруженная на стоянке Святителище в 2017 году. 1, 2, 4–7 – ромбоямочная керамика (1, 4 – сосуд № 1; 2 – сосуд № 2; 5 – сосуд № 3; 6, 7 – сосуд № 5); 3, 8–13 – ямочно-гребенчатая керамика (3, 13 – сосуд № 1; 8, 9 – сосуд № 2; 10 – сосуд № 3; 11 – сосуд № 4; 12 – сосуд № 5), 14–21 – пористая и асбестовая керамика (14 – сосуд № 2; 15 – сосуд № 5; 16 – сосуд № 1; 17, 20 – сосуд № 3; 18 – сосуд № 6; 19 – сосуд № 4; 21 – сосуд № 8)

Fig. 7. Pottery found at Svyatilische site in 2017. 1, 2, 4–7 – rhomb-pit ware (1, 4 – vessel No 1; 2 – vessel No 2; 5 – vessel No 3; 6, 7 – vessel No 5); 3, 8–13 – pit-comb ware (3, 13 – vessel No 1; 8, 9 – vessel No 2; 10 – vessel No 3; 11 – vessel No 4; 12 – vessel No 5); 14–21 – organic- and asbestos-tempered ware (14 – vessel No 2; 15 – vessel No 5; 16 – vessel No 1; 17, 20 – vessel No 3; 18 – vessel No 6; 19 – vessel No 4; 21 – vessel No 8)

Как и на многих других нео-энеолитических поселениях низовья р. Выг, на стоянке Святителище представлены категории орудий, характеризующие различные стороны хозяйственной деятельности древних охотников и рыбаков, – это метательные орудия охоты (обломок кремневого наконечника дротика, обломок кремневого наконечника стрелы, обломок сланцевого наконечника стрелы без черешка) (рис. 8: 6, 14), скребущие и режущие инструменты для обработки шкур или дерева (два кремневых ножа (рис. 8: 3, 8), пять кремневых скребков, включая их обломки (рис. 8: 9, 10, 11, 13), кварцевый скребок (рис. 8: 16), два кварцевых отщепов с ретушью, два кремневых отщепов с ретушью (рис. 8: 12, 17)), орудия для обработки камня, кости, дерева (брусок точильный из глинистого сланца (рис. 8: 5), брусок точильный из песчаника (рис. 8: 4), гранитный отбойник, кварцевый отбойник (рис. 8: 19), кварцитовый отбойник (рис. 8: 20), обло-

мок кварцитовой пилы (рис. 8: 1), обломок лезвия сланцевого тесла (рис. 8: 7), обломок шлифовальной плиты из песчаника (рис. 8: 2)). С рыболовством связан обнаруженный в раскопе якорь, изготовленный из подпрямоугольного гранитного валуна путем выбивания на его торцевых сторонах желобков (рис. 8: 18). Отходы производства каменных орудий в раскопе довольно многочисленны: шесть кварцевых нуклеусов (рис. 8: 15), пять кварцевых нуклеидных кусков, кварцевая галька со следами раскалывания, 562 кварцевых отщепов, 104 кварцевых чешушки, 21 кремневый отщеп, 15 кремневых чешушек, сланцевый отщеп. По выявленным в раскопе хронологическим комплексам керамики каменный инвентарь не разделяется, за исключением сланцевого наконечника, который уверенно соотносится с энеолитической керамикой типа оровнаволоков. Обилие в раскопе отщепов и чешушек свидетельствует о производстве ряда каменных орудий непосредственно на стоянке. Нетрудно заметить, что в отходах камнеобработки преобладают кварцевые предметы, которые нехарактерны для энеолитических поселений этого региона с пористой и асбестовой посудой, однако многочисленны на стоянках с ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамикой.

Беспорядочное размещение кальцинированных косточек в культурном слое раскопа позволяет предполагать, что здесь, вдоль края береговой террасы, древними людьми периодически разводились костры, служившие в том числе для приготовления пищи. О многократном разведении огня на исследованной площадке свидетельствуют зафиксированные в раскопе довольно обширные красно-коричневые пятна прокаленной супеси. По сути, исследованные нами участки прокаленного грунта представляют собой, вероятно, линзы разновременных кострищ, слившиеся в единое цветное пятно.

Отмечу ряд отличий в характере культурного слоя в раскопах 1928–1929 и 2017 годов. В первом случае культурный слой стоянки представляет собой песчаные отложения, во втором – супесь, в том числе ожелезненную. В раскопе 2017 года не обнаружено очагов из камней, тогда как в раскопе А. Я. Брюсова их расчищено не менее трех только в нижнем культурном слое. Явные признаки перекрытия культурного слоя поздними наносами в раскопе 2017 года не выявлены.

По составу каменного инвентаря и типам керамики коллекция, собранная в 2017 году, сходна с материалами, полученными ранее на этой стоянке А. Я. Брюсовым и Ю. А. Савватеевым. Таким образом, с запада, северо-запада и севера

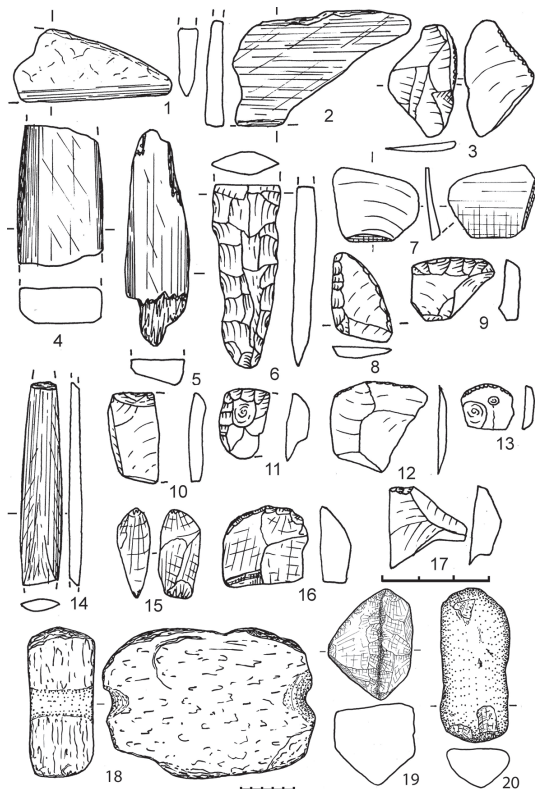

Рис. 8. Изделия из камня со стоянки Святилище. 1 – пила, обл., кварцит (?); 2 – шлифовальная плита (обломок), песчаник; 3, 8 – нож, кремнь; 4 – брусок точильный (обломок), песчаник; 5 – брусок точильный (обломок), глинистый сланец; 6 – наконечник дротика (обломок), кремнь; 7 – тесло (обломок), сланец; 9, 13 – скребок, кремнь; 10, 11 – скребок (обломок), кремнь; 12, 17 – отщеп с ретушью, кремнь; 14 – наконечник стрелы (обломок), сланец; 15 – нуклеус, кварц; 16 – скребок, кварц; 18 – якорь, гранит; 19 – отбойник, кварц; 20 – отбойник, кварцит

Fig. 8. Stone artifacts from the excavations at Svyatilishche site. 1 – saw fragment, quartzite (?); 2 – grinding plate fragment, sandstone; 3 – knife, flint; 4 – grind-plate, sandstone; 5 – grind-stone, slate; 6 – dart head fragment, flint; 7 – adze fragment, slate; 9, 13 – scraper, flint; 10, 11 – scrapers fragments, flint; 12, 17 – flakes with retouch, flint; 14 – arrow head fragment, slate; 15 – core, quartz; 16 – scraper, quartz; 18 – anchor, granite; 19 – cutting stone, quartz; 20 – cutting stone, quartzite

от петроглифов Бесовы Следки (северная группа) прослеживается культурный слой нео-энеолитического поселения. Заселение северо-восточной части островка Шойрукшин начинается примерно в середине V тыс. до н. э. Наиболее интенсивное использование этой части острова происходило во второй половине V тыс. до н. э. населением с ямочно-гребенчатой керамикой. Позднее островок периодически, но достаточно регулярно заселялся на всем протяжении IV–III тыс. до н. э. охотниками и рыбаками с ромбоямочной, пористой и асбестовой керамикой (типов оровनावолок и палайгуба). Изредка небольшой островок с петроглифами

в дельте р. Выг посещался древними людьми в эпоху бронзы, возможно, и позднее.

Судя по отсутствию в раскопе 2017 года находок в слое грунта, непосредственно примыкающем к скале, перекрывание ее супесчаными отложениями происходит до появления в низовье р. Выг населения с ямочно-гребенчатой керамикой. Размывание культурного слоя стоянки на отметках более 20,5 м над уровнем моря имело место лишь в период обитания на этом участке берега р. Выг населения с ямочно-гребенчатой керамикой.

Формирование линзы культурных отложений в углублении русла реки напротив скалы с петроглифами, согласно имеющимся радиоуглеродным определениям, могло начаться в период бытования на берегу водоема стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой [1], [9]. Скорее всего, размывание культурного слоя в углублении скалы рядом с петроглифами и окончательное «запечатывание» песчано-гравийными отложениями местонахождения в русле р. Выг происходят одновременно, так как наиболее поздние находки в обеих линзах культурного слоя относятся примерно ко второй половине III тыс. до н. э. (плоское доньшко асбестового сосуда в местонахождении, сланцевый наконечник с шипами, кремневый треугольный наконечник с выемкой в основании в замытом культурном слое в раскопе 1928–1929 годов). Чистый комплекс с подобными позднеэнеолитическими находками представлен в низовье р. Выг на стоянке Золотец X [9: 136–142].

Сопоставление нижних отметок размещения нео-энеолитических типов керамики над уровнем моря показывает, что примерно за две тысячи лет (от появления в Прибеломорье ямочно-гребенчатой керамики и до завершения бытования в этом регионе керамики типа оровनावолок) происходит смещение по высоте береговой линии примерно на 7 м (рис. 9). Исходя из этих данных в неолите – энеолите в Юго-Западном Беломорье берег моря поднимался примерно на один метр в среднем за 300 лет. Различия в высоте над уровнем моря между группами Беломорских петроглифов также составляют около 7 м – от 14 до 21 м. Высотные отметки стоянки Святилище, включая частично размывтый участок культурного слоя, исследованный А. Я. Брюсовым, колеблются максимум от 18–19 до 21 м над уровнем моря. Картографирование мест находок поселений с разными типами керамики, расположенных в районе размещения Беломорских петроглифов, маркирует изменения в береговой линии в приустьевой части р. Выг в периоды бытования ямочно-гребенчатой, ромбоямочной, по-

ристой и асбестовой керамики (рис. 10). Стоянки с раннеолитической керамикой типа сперрингс и Сяр I в этом районе немногочисленны и приурочены к высотным отметкам, превышающим 21,5 м над уровнем моря (см. рис. 10). Стоянка Святителище и связанное с ней местонахождение в русле р. Выг располагаются в пределах зоны распространения в низовье реки Выг ямочно-гребенчатой керамики. Именно вокруг острова с петроглифами Бесовы Следки и стоянкой Святителище концентрируются другие поселения (не менее 10), где в раскопах встречены довольно многочисленные серии сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией. Удаление этих стоянок, приуроченных к островам или коренному берегу реки, от петроглифов Бесовы Следки не превышает 500 м. Высотные отметки зоны размывания культурного слоя с ямочно-гребенчатой керамикой, в том числе на стоянке Святителище, размещаются несколько выше, чем высота расположения петроглифов Бесовы Следки (северная и южная группы). Эти данные хорошо согласуются с наблюдениями, проведенными мною у современного устья р. Выг в черте города Беломорск, где участки берега, покрытые песчано-гравийными отложениями и пригодные для заселения, находятся выше примерно на 1–2 м от уровня скал с гладкой поверхностью, расположенных непосредственно у уреза воды. Таким образом, полученные в 2017 году данные подтвердили неоднократно высказанное исследователями суждение о том, что благоприятные для выбивания петроглифов природно-климатические условия складываются в районе острова Шойрукшин одновременно с появлением в этом районе населения с ямочно-гребенчатой керамикой [1], [7], [9]. Наличие в группах петроглифов Бесовы Следки раннеолитических изображений представляется маловероятным. Залегание в культурном слое стоянки Святителище и близлежащих поселений, расположенных на тех же высотных отметках, обильных материалов нео-энеолитического и энеолитического времени, генетически во многом восходящих к предшествующей культуре ямочно-гребенчатой керамики, свидетельствует о том, что, несмотря на значительное смещение берега моря в IV–III тыс. до н. э., заселение древними людьми островков в районе петроглифов Бесовы Следки в это время не только продолжалось, но и, видимо, было достаточно интенсивным. И лишь в эпоху бронзы – раннего железного века появление древних людей на участке дельты р. Выг в районе острова Шойрукшин становится редким, можно сказать эпизодическим.

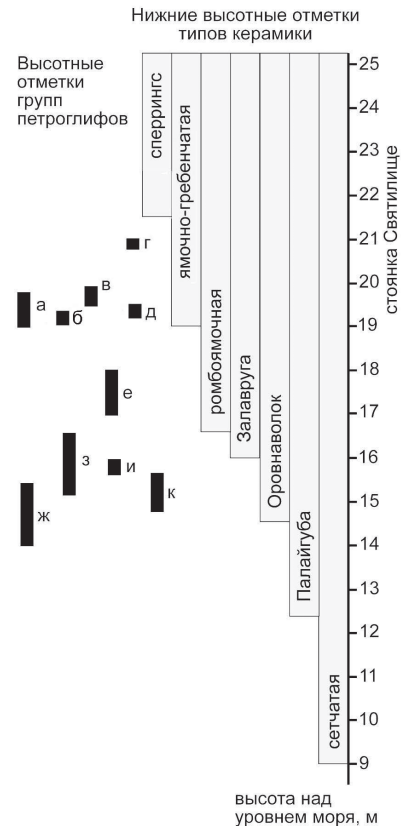

Рис. 9. Расположение стоянки Святителище относительно высотных диапазонов групп петроглифов и типов керамики в низовье реки Выг. а, б – Бесовы Следки (северная группа) (подгруппы I, II), в – Ерпин Пудас III, г – Золотец II, д – Ерпин Пудас IV, е – Ерпин Пудас I, ж – Старая Залавруга, з – Новая Залавруга, и – Северный Безымянный Остров, к – Золотец I

Fig. 9. Location of Svyatilishche site in relation to the range of the heights above sea level for the groups of rock carvings and types of pottery in the lower Vyg River. a, b – Besovy Sledki (the northern group, subgroups I and II), c – Erpin Pudas III, d – Zolotets II, e – Erpin Pudas IV, f – Erpin Pudas I, g – Staraya Zalavruga, h – Novaya Zalavruga, i – Severniy Bezymyanniy Ostrov, j – Zolotets I

ВЫВОДЫ

1. Проведенное исследование показало, что группа древних памятников, состоящая из петроглифов Бесовы Следки (северная группа), стоянки Святителище, стоянки на острове Бесовы Следки (пункт Па по В. И. Равдоникасу), местонахождения древних артефактов в русле р. Выг, образует отчасти взаимосвязанный, а временами единовременный комплекс.

2. Подтвердилось предположение В. И. Равдоникаса о том, что исследованное А. Я. Брюсовым углубление в скале является частью культурного слоя довольно значительного по размерам поселения, примыкающего к петроглифам группы Бесовы Следки (северная группа). Это поселение, вероятно, с некоторыми перерывами функционировало

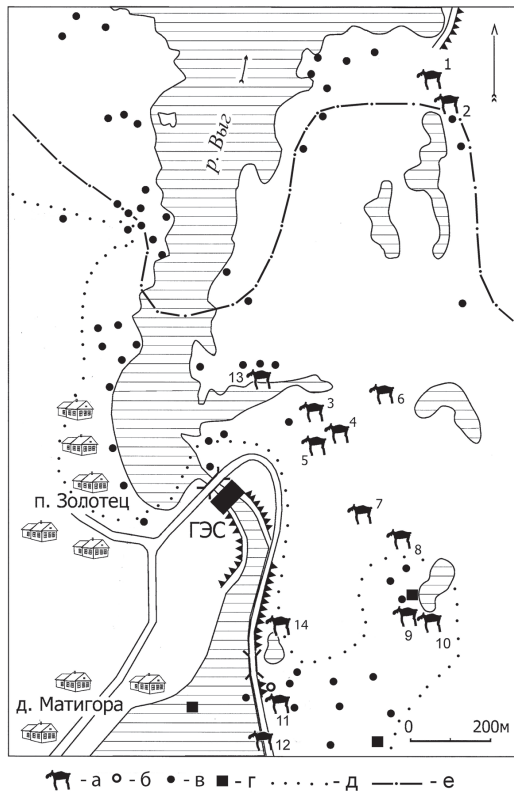

Рис. 10. Пространственное расположение стоянки Святилище относительно групп наскальных изображений и границ распространения нео-энеолитических типов керамики в низовье реки Выг. а – группа петроглифов, б – стоянка Святилище, в – древнее поселение, г – стоянка с раннеэнеолитической керамикой, д – граница распространения поселений с ямочно-ребенчатой керамикой, е – граница распространения поселений с ромбоямочной керамикой. Группы петроглифов: 1–2 – Старая и Новая Залавруга, 3–6 – Безымянный Остров I–IV, 7–10 – Ерпин Пудас I–IV, 11–12 – Бесовы Следки (северная и южная группы), 13–14 – Золотец I, II

Fig. 10. Spatial location of Svyatilishche site in relation to the groups of rock carvings and the borders of distribution of neo-Eneolithic types of pottery in the lower Vyg River. а – group of petroglyphs, б – Svyatilishche site, в – ancient site, д – site with early Neolithic ceramics, е – border of the distribution of the pit-comb ware sites, ф – border of the distribution of the hromb-pit ware sites.

Petroglyph groups: 1, 2 – Staraya and Novaya Zalavruga, 3–6 – Bezymyanniy Ostrov I–IV, 11, 12 – Besovy Sledki (the northern and the southern groups), 13, 14 – Zolotets I, II

довольно продолжительное время, чем и объясняются его довольно значительные размеры. Заполненную переотложенным культурным слоем выемку в скале рядом с петроглифами следует рассматривать не как культовый объект, а своего рода естественное укрытие, многократно использовавшееся охотниками и рыбаками на протяжении примерно 2,5 тысячи лет. Замывание участка культурных отложений стоянки Святилище, зафиксированное в раскопе А. Я. Брюсова, судя по составу находок в нижележащем слое, имело место не ранее середины III тыс. до н. э. Горизонт частично замытого культурно-

го слоя в раскопе 1928–1929 годов располагается ниже участка берега реки, на котором находится исследованная в 2017 году часть стоянки. Признаки размывания культурного слоя (окатанные фрагменты ямочно-ребенчатой посуды и т. п.) отмечены Ю. А. Савватеевым и Э. И. Девятовой для ряда участков стоянок с ямочно-ребенчатой керамикой в низовье р. Выг, залегающих ниже отметок 21–20,5 м над уровнем моря (Бесовы Следки I [9: 60], Бесовы Следки III [9: 73], Золотец VI [1: 57]), что получило подтверждение и при раскопках стоянки Святилище в 2017 году. Скорее всего, на ряде стоянок этого участка дельты реки, где на отметках около 18–19 м над уровнем моря представлены единичные фрагменты ямочно-ребенчатой керамики, как и в случае с местонахождением в русле реки Выг, мы имеем дело с предметами, смещенными паводковыми водами на пониженные участки берега или дно водоема. Эти данные свидетельствуют о неустойчивой гидрологической ситуации в низовье р. Выг в период прихода сюда населения с ямочно-ребенчатой керамикой. Тем не менее скалы, расположенные на высоте примерно 19–20 м над уровнем моря, в сухие периоды вполне могли быть использованы населением с ямочно-ребенчатой керамикой для создания петроглифов. В пределах территории, где обнаружена ямочно-ребенчатая керамика, в настоящее время известно пять групп наскальных изображений (см. рис. 10) – Бесовы Следки (северная группа), Бесовы Следки (южная группа), Ерпин Пудас III, IV, Золотец II. Все эти группы наскальных изображений могли начать функционировать с определенной периодичностью примерно во второй половине V тыс. до н. э. Отсутствие ямочно-ребенчатой керамики в низовье р. Выг на отметках от 18 до 14 м над уровнем моря, на которых располагаются некоторые группы Беломорских петроглифов и поселения с энеолитической керамикой, может быть объяснено только тем, что в среднем неолите эта часть побережья находилась под водой.

3. Участок скалы с петроглифами Бесовы Следки (северная группа) с момента выхода его из воды (не позднее середины V тыс. до н. э.) и вплоть до современности был пригоден для создания наскальных изображений. Использование участка берега рядом со скалой с петроглифами, судя по имеющимся материалам, было наиболее интенсивным в среднем неолите (культура ямочно-ребенчатой керамики), однако это место, а также близлежащие острова, устойчиво посещалось древними людьми в IV–III тыс. до н. э. Видимо, неслучайно в состав петроглифов Бесовы Следки (северная группа) входят фигуры,

которые встречаются только на самых низких (поздних) группах Беломорских петроглифов (Старая Залавруга), как, например, лодки в «скелетном стиле» – с обозначенным внутри контура каркасом [7: рис. 5: 30, 31, 33, 34]. Такие изображения на Старой Залавруге и Бесовых Следках, с учетом хронологических параллелей на петроглифах Альты (Норвегия) и Немфорсена (Швеция), могут быть предварительно соотнесены с памятниками с пористой и асбестовой керамикой типов залавруга, оровнаволок, палайгуба (вторая половина IV – конец III тыс. до н. э.). Керамика типа оровнаволок довольно многочисленна в раскопе 2017 года на стоянке Святилище. Судя по обилию на Бесовых Следках (северная группа) палимпсестов, наличие на этой ска-

ле фигур и композиций, встречающихся в разновременных группах петроглифов, обнаруженных в зонах распространения памятников с ямочно-гребенчатой, ромбоямочной, асбестовой и пористой керамикой (см. рис. 10), это наскальное полотно могло периодически пополняться гравировками вплоть до рубежа III–II тыс. до н. э.⁸ С высокой долей вероятности гравировки группы Бесовы Следки (северная группа) создавались охотниками и рыбаками, обитавшими на территории, соседствующей со скалой с петроглифами – на острове Бесовы Следки или прилегающих небольших островках. Выделение среди наскальных изображений Бесовы Следки (северная группа) хронологических пластов, синхронным типам керамики со стоянки Святилище, – задача будущих исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: КАРГОСИЗДАТ, 1939. 194 с.
- ² Брюсов А. Я. Карельские петроглифы // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 169–194.
- ³ В настоящее время данная шкала, после калибровки имеющихся радиоуглеродных дат и появления новых методов радиоуглеродного датирования, требует уточнения в сторону удревления (примерно на одно тысячелетие), однако это не меняет общей картины установленной последовательности чередования природно-климатических ритмов.
- ⁴ Следует заметить, что поскольку многие скалы в низовье р. Выг были пригодны для создания гравировок после их выхода из воды в эпоху неолита и вплоть до современности, а рядом с наскальными изображениями на тех же высотах в большом числе известны нео-энеолитические памятники с ромбоямочной, пористой и асбестовой керамикой, то подобный вывод представляется слишком категоричным и не может не вызывать возражений.
- ⁵ Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды Государственного исторического музея. Вып. IX. М.: Государственный исторический музей, 1940. 320 с.
- ⁶ Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Часть вторая. Наскальные изображения Белого моря // Труды Института этнографии. Археологическая серия. № 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. С. 94.
- ⁷ В коллекции находок 1936 года с острова Бесовы Следки, хранящейся в фондах МАЭ РАН, доминируют фрагменты керамики с ямочно-гребенчатым и ромбоямочным орнаментом, имеются также немногочисленные фрагменты позднеэнеолитической асбестовой керамики типов оровнаволок и палайгуба.
- ⁸ Хронологические стадии в развитии сюжетов Бесовых Следков были выделены А. М. Линевским в 30-х годах XX века на основе методов планиграфического анализа, разработанных исследователем (впервые в отечественном петроглифоведении!).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Девятова Э. И. Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в Юго-Западном Беломорье. Л.: Наука, 1976. 121 с.
2. Гьерде Я. М. Ландшафтный подход к изучению наскального искусства каменного века на р. Выг, Северо-Запад России // IV Северный археологический конгресс: Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Институт истории и археологии Уро РАН, 2015. С. 56–84.
3. Жульников А. М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1999. 224 с.
4. Жульников А. М. К вопросу о датировке беломорских петроглифов // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки: Соловецкий музей-заповедник, 2006. С. 238–247.
5. Жульников А. М. О хронологии наскальных изображений Белого моря // Уральский археологический вестник. 2010. № 1 (26). С. 62–69.
6. Иванищева М. В., Жульников А. М. Ромбоямочная и гребенчато-ямочная керамика поселения Тудозеро-V: сходства и различия // Археология Севера: Материалы VIII археологических чтений памяти С. Т. Еремеева. Вып. 8. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2020. С. 30–47.
7. Лобанова Н. В. Петроглифы в низовьях реки Выг: проблемы хронологии и периодизации // Российская археология. 2015. № 4. С. 16–33.
8. Савватеев Ю. А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть первая. Петроглифы. Л.: Наука, 1970. 450 с.

9. Савватеев Ю. А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть вторая. Стоянки. Л.: Наука, 1977. 323 с.
10. Савватеев Ю. А., Девятова Э. И., Лийва А. А. Опыт датировки наскальных изображений Белого моря // Советская археология. 1978. № 4. С. 16–35.
11. Тарасов А. Ю., Мурашкин А. И. Новые материалы с поселения Залавруга I и проблема датировки петроглифов Новой Залавруги // Археологические вести. Вып. 9. СПб., 2002. С. 41–44.
12. Gjerde J. M. Rock art and landscape. Studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia. Tromsø: University of Tromsø, 2010. 550 p.
13. Janik L. Development and periodization of White Sea rock carvings // Acta Archaeologica. 81 (1). Copenhagen, 2010. P. 83–94.

Поступила в редакцию 25.01.2021; принята к публикации 29.01.2021

Original article

Alexander M. Zhulnikov, Cand. Sc. (History),
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian
Federation)
rockart@yandex.ru

SVYATILISHCHE SITE IN THE CONTEXT OF THE WHITE SEA PETROGLYPHS DATING AND FUNCTIONING

Abstract. The article presents the analysis of the material obtained by Petrozavodsk State University expedition in 2017 at the ancient site known as Svyatilishche (“a sacred place”). The problem of correlation between the White Sea petroglyphs and nearby sites is examined in the context of their dating and functioning. Researchers follow different approaches to dating the White Sea petroglyphs with the use of materials from the nearby sites. So, it is also necessary to define more precisely the range of heights above sea level for different types of ceramics found at the sites of the Vyg River lower reaches, close to the petroglyphs. A more detailed study of the area settlement in the Neolithic and the Eneolithic, including both the bank line and the islands on the river, is also needed. The conducted research showed that a group of ancient relics including the Besovy Sledki petroglyphs (the northern group), nearby sites and artifacts found in the Vyg riverbed, represent an assemblage of partly interrelated and probably chronologically close or even contemporaneous objects.

Keywords: White Sea petroglyphs, site, Neolithic, Eneolithic, pit-comb ware, rhomb-pit ware, organic- and asbestos-tempered ware

For citation: Zhulnikov, A. M. Svyatilishche site in the context of the White Sea petroglyphs dating and functioning. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):8–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.579

REFERENCES

1. Devyatova, E. I. Geology and palynology of holocene and chronology of prehistoric epoch relics in the South-West White Sea area. (Proceedings of the Institute of Geology of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 33). Leningrad, 1976. 121 p. (In Russ.)
2. Gjerde, J. M. Landscape approach to the study of the Stone Age rock art on the Vyg River in northwestern Russia. *Proceedings of the IV Northern Archaeological Congress*. Ekaterinburg, Khanty-Mansiysk, 2015. P. 56–84. (In Russ.)
3. Zhulnikov, A. M. The Eneolithic Age of Karelia (the sites with organic- and asbestos-tempered ceramics). Petrozavodsk, 1999. 224 p. (In Russ.)
4. Zhulnikov, A. M. The dating of the White Sea petroglyphs. *Prehistoric and medieval history and culture of the European North: problems of studying and reconstruction*. Solovki, 2006. P. 238–247. (In Russ.)
5. Zhulnikov, A. M. The chronology of the White Sea rock carvings. *Ural Archaeological Journal*. 2010;1(26):62–69. (In Russ.)
6. Ivanishcheva, M. V., Zhulnikov, A. M. Rhomb-pit and pit-comb ceramics of Tuzozero-V site: similarities and differences. *Archaeology of the North. Proceedings of the VIII Readings in Memoriam of S. T. Eremeev*. Issue 8. Cherepovets, 2020. P. 30–47. (In Russ.)
7. Lobanova, N. V. Petroglyphs in the lower reaches of Vyg River: questions of chronology and periodization. *Russian Archaeology*. 2015;4:16–33. (In Russ.)
8. Savvateev, Yu. A. Zhalavrugа. Archaeological relics of the lower Vyg River. Part one. Petroglyphs. Leningrad, 1970. 450 p. (In Russ.)
9. Savvateev, Yu. A. Zhalavrugа. Archaeological relics of the lower Vyg River. Part two. Sites. Leningrad, 1977. 323 p. (In Russ.)
10. Savvateev, Yu. A., Devyatova, E. I., Liyva, A. A. Experience of the White Sea rock carvings dating. *Soviet Archaeology*. 1978;4:16–35. (In Russ.)
11. Tarasov, A. Yu., Murashkin, A. I. New materials from Zhalavrugа I site and the problem of New Zhalavrugа petroglyphs dating. *Archaeological News*. Issue 8. St. Petersburg, 2002. P. 41–44. (In Russ.)
12. Gjerde, J. M. Rock art and landscape. Studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia. Tromsø, 2010. 550 p.
13. Janik, L. Development and periodization of White Sea rock carvings. *Acta Archaeologica*. 81 (1). Copenhagen, 2010. P. 83–94.

Received: 25 January, 2021; accepted: 29 January, 2021

МИХАИЛ РОМАНОВИЧ ИВАНЧЕНКО

аспирант кафедры источниковедения истории России
Института истории
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5039-2247; mikhailmb96@gmail.com

УСТАНОВЛЕНИЕ АВТОРСТВА ДНЕВНИКОВ МОРЯКОВ 2-й ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ

А н н о т а ц и я . Ряд дневников, созданных в ходе Русско-японской войны 1904–1905 годов моряками русского флота, по разным причинам не сохранил имен своих авторов. Чтобы частично решить эту актуальную проблему, исследуются дневники «неустановленных лиц», служивших на 2-й Тихоокеанской эскадре под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского, с целью восстановить их имена. С опорой на дневниковые записи, в которых авторы раскрывали факты своей биографии, были сделаны выводы о предположительном авторстве. Также обращалось внимание на имена моряков, упомянутых в дневниках в третьем лице, поскольку, исключая их, удавалось сузить круг возможных авторов. Было изучено пять дневников и названо четыре имени, которым с разной степенью уверенности можно приписать авторство. Полученная информация об авторах указанных источников дополнила знания об этих дневниках и о событиях данной войны в целом. Благодаря атрибуции стало возможно использовать дневники в изучении биографий моряков русского флота. Результаты исследования могут быть востребованы историками, сотрудниками архивов и библиотек, составителями справочников и путеводителей, что также составляет научную новизну исследования.
К л ю ч е в ы е с л о в а : дневники, Русско-японская война, 2-я Тихоокеанская эскадра, Цусимское сражение, установление авторства, В. П. Зефилов, П. И. Лашин, Вс. Л. Модзалевский, И. А. Тарутин

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванченко М. Р. Установление авторства дневников моряков 2-й Тихоокеанской эскадры // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 20–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.580

ВВЕДЕНИЕ

У нескольких дневников о походе 2-й Тихоокеанской эскадры и последующем Цусимском сражении 14–15 мая 1905 года не установлены имена их авторов. С учетом того, что установление авторства источника является неотъемлемой частью источниковедческого анализа¹, необходимо выяснить, кто мог быть автором дневников «неустановленных лиц». Прделанная рядом исследователей работа показывает, что установление авторства дневников, написанных моряками Российского флота за 1903–1905 годы, может быть задачей разного уровня сложности. Примером не вызывающего затруднений решения вопроса об авторстве можно назвать атрибуцию «Дневника офицера, убитого под Цусимой», написанного неким «Т»². Так как дневник принадлежал офицеру крейсера «Жемчуг», убитому в Цусимском сражении, и его фамилия начиналась на букву «Т», то без особых затруднений был выявлен его автор. Единственный, кто подходит под данное описание³, – это мичман Тавастшерна Георгий

Александрович [6: 198–199]. В работах специалистов, изучающих морские сражения Русско-японской войны, без пояснений говорится об этом офицере как об авторе данного дневника [4: 40].

Другим подобным примером является установление Р. В. Кондратенко настоящего имени автора дневника за 1903–1904 годы с крейсера «Громобой», скрытого под псевдонимом «Капитан Немо». Согласно дневнику, один из офицеров крейсера обратился к автору по имени и отчеству, что соответствовало имени одного человека – Михаила Викторовича Обакевича, механика «Громобоя»⁴.

Гораздо более сложной стала атрибуция С. А. Гладких «Дневника неизвестного моряка с эскадренного броненосца “Орел”», хранящегося в Великоустюгском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (ВУГИАХМЗ) [2: 175–178]. Исследователь предположил, что этим моряком с броненосца «Орел» был уроженец города Великий Устюг, где и был обнаружен дневник. Так круг предполагае-

мых авторов сузился до четырех человек. Методом исключения С. А. Гладких пришел к выводу, что возможным автором дневника являлся машинный квартирмейстер 1-й статьи броненосца «Орел» Иван Александрович Тарутин. Однако не вполне ясное происхождение дневника, найденного в разрушенном доме в Великом Устюге, ставит под сомнение выводы исследователя. Ни адрес дома, ни имена проживавших в нем не были выяснены, а это могло бы привести к пониманию того, как дневник оказался в том доме, кому принадлежал и кто был его автором.

Список дневников без указанного имени автора, потребовавших атрибуции, не исчерпывается перечисленными тремя случаями. Нами было обнаружено еще пять подобных дневников, установлению авторства которых посвящена основная часть данной статьи.

ДНЕВНИК ИЗ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (РГАВМФ)

В РГАВМФ хранится хорошо известная исследователям коллекция воспоминаний, дневников, писем участников Русско-японской войны 1904–1905 годов, вырезок из газет (фонд 763) [3], [5], [8: 9]. Одна из рукописей озаглавлена так: «Дневник офицера с отряда вспомогательных крейсеров 2-ой Тихоокеанской эскадры о переходе на Дальний Восток и возвращении в Россию после Цусимского боя»⁵. В дневнике приводятся выписки из вахтенного журнала с сигналами вице-адмирала З. П. Рожественского крейсеру «Днепр»⁶. В тексте постоянно встречаются имена офицеров с этого корабля, что также указывает на то, что автором дневника был моряк со вспомогательного крейсера «Днепр»⁷. Автор, судя по дневнику, действительно был офицером, как и указано в названии рукописи. Он был членом кают-компания, имел свою каюту, однако нет ясного понимания, какова была его морская специальность.

Офицеров на крейсере «Днепр» (включая судового врача и судового священника) было 19 человек⁸, из них 14 упомянуты в дневнике. Оставшиеся пять – это:

- 1) Грибанов В. М. / В. И.? (старший судовой механик),
- 2) Штаттлендер К. И. (старший судовой механик),
- 3) Григорьев-Александров М. Л. (младший судовой механик),
- 4) Лашин П. И. (судовой врач),
- 5) отец Павел (судовой священник, иеромонах).

В дневнике автор пишет, что «помнит, как теперь» события Русско-турецкой войны 1877–1878 годов⁹. Выяснив год рождения каждого из офицеров¹⁰, мы могли бы отсеять по возрасту тех, кто не мог быть современником той войны в достаточно зрелом возрасте. И, соответственно, не мог сделать подобную запись в своем дневнике.

Из пяти человек, выделенных нами ранее, по возрасту точно подходит судовой врач П. И. Лашин, родившийся в 1859 году. У остальных четырех год рождения выяснить не удалось. Поэтому в круге возможных авторов этого дневника по-прежнему остаются те же пять человек.

Судовые механики в дневнике упомянуты в третьем лице, что позволяет вычеркнуть из нашего списка потенциальных авторов рукописи Грибанова В. М. / В. И.?, Штаттлендера К. И., Григорьева-Александрова М. Л. Остаются двое: Лашин П. И. и отец Павел.

Есть несколько записей, которые, наиболее вероятно, мог оставить в своем дневнике именно доктор П. И. Лашин. Они отражают переживания и наблюдения автора дневника за здоровьем экипажа¹¹.

Похожие по содержанию записи делал В. С. Кравченко, судовой врач крейсера «Аврора»:

«Умираем от жары, ходим полуголые. В судорогах и без сознания вытаскивают наверх бедных кочегаров и машинистов. Мимо машинного люка пройти страшно: так жжет, пышет жаром. Что же творится в самих кочегарках! Попробовал я спуститься туда, полюбопытствовал, какое там! – едва ноги уволоку»¹².

Надо сказать, что в дневнике сделана лаконичная позднейшая приписка внизу листа о беседе с неким Кравченко¹³. Возможно, это был разговор двух судовых врачей 2-й Тихоокеанской эскадры: П. И. Лашина («Днепр») и В. С. Кравченко («Аврора»), состоявшийся уже после войны.

Таким образом, мы установили, что автор дневника был офицером крейсера «Днепр». Методом исключения мы определили двух возможных авторов дневника – это судовой врач Лашин П. И. и священник отец Павел. По анализу содержания дневника был сделан вывод о наиболее вероятном авторстве судового врача крейсера «Днепр» Лашина Петра Ивановича.

ДНЕВНИКИ ИЗ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ (ОР РНБ)

В ОР РНБ также хранится большой массив источников о Цусимском морском сражении 14–15 мая 1905 года в ходе Русско-японской войны

1904–1905 годов. Речь идет о личных фондах 524 (А. С. Новиков-Прибой) и 422 (Л. В. Ларионов).

Советский писатель А. С. Новиков-Прибой (1877–1944) и сотрудник Центрального военно-морского музея с 1937 по 1942 год Л. В. Ларионов (1882–1942) были во время Русско-японской войны баталером и лейтенантом на эскадренном броненосце «Орел»¹⁴. Вот почему значительное количество источников было собрано именно по этому кораблю.

Воспоминания, дневники и письма моряков «Орла» хорошо известны, например, по вышедшему в 2014 году сборнику документов¹⁵. Тем не менее есть отдельные лакуны в нашем знании источников.

Во второй описи фонда 524 заметны идущие подряд три записи: «Дневник неустановленного лица»¹⁶. Мы попытаемся ответить на вопрос, кем были авторы этих трех дневников о походе и бое броненосца «Орел», а также о событиях после сражения. Условно обозначим их: дневник № 1, № 2 и № 3. По описи 2 фонда 524 это, соответственно, дела 60, 61, 62.

ДНЕВНИК № 1

Автор первого дневника¹⁷, написанного простым карандашом в записной книжке, раскрывает себя на 109-м листе своей записной книжки. «Перевяжи-ка мне, Зефилов, эту рану», – обращается к автору дневника Петр Бите, старший комендор кормовой башни 12” орудий¹⁸.

Содержание дневника, а также многочисленные рисунки, выполненные простым карандашом, говорят о том, что владельцем этой записной книжки был уроженец Ярославской губернии Василий Павлович Зефилов, сигнальный квартирмейстер броненосца «Орел» и художник¹⁹.

Надо сказать, что текст дневника В. П. Зефилова составляют несколько рукописей²⁰, в рассматриваемой нами записной книжке содержится только его часть. Рукопись начинается с воспоминаний о начале Русско-японской войны, плавно перетекающих в дневниковые записи с 27 марта 1904 года по 24 мая 1905 года²¹. Далее идет несколько пустых листов и листов с рисунками, после чего опять датированные записи с 26 апреля по 17 мая 1905 года, но уже более развернутые²² – именно этот фрагмент повторяется в «Страничках из дневника сигнальщика с эскадренного броненосца “Орел”...»²³, и он же был частично опубликован в уже упомянутом сборнике документов²⁴. Причем здесь вновь встречаются слова с просьбой умирающего комендора П. Бите: «Перевяжи-ка мне, Зефилов, эту рану»²⁵.

Безусловно, необходимо более тщательно изучить рукописи В. П. Зефилова и по ним восстановить полный текст дневника. Однако, на наш взгляд, приведенных доказательств достаточно, чтобы признать автором первого дневника из нашего списка Василия Павловича Зефилова.

ДНЕВНИК № 2

Имя автора этого дневника²⁶, написанного черными чернилами в записной книжке, пока не удалось определить уверенно. Он ничего не пишет о себе – его дневник скорее напоминает сухие строки вахтенного журнала с описанием корабельной жизни и окружающей обстановки. Фиксируются также наблюдения – результаты действий по определению места корабля в океане. Однако дневник отличают подробные и нехарактерные для вахтенного журнала записи, веденные с 1 октября 1904 года по 13 мая 1905 года.

Автор дневника писал только на оборотах листов, оставляя лицевую сторону каждого листа пустой. Обычно так поступают во время ведения дневника для будущих приписок, заметок, рисунков, схем. Поэтому, несмотря на то что дневник написан чернилами аккуратным почерком, он составлялся непосредственно в ходе происходящих событий.

Дневник неслучайно оказался среди материалов, посвященных броненосцу «Орел». Например, в нем упоминаются офицеры корабля: прапорщик С. В. Титов, лейтенанты А. В. Гирс и Г. М. Рюмин. Прослеживается его связь с дневником № 1 (В. П. Зефилова). При сравнении этих двух источников видны как многочисленные повторения фрагментов текста (выделено жирным шрифтом), так и некоторые разночтения (табл. 1).

Таким образом, мы видим, что дневник № 2 более подробный. Однако дневник В. П. Зефилова (№ 1) содержит записи за более длительный период времени – с начала войны до 24 мая 1905 года, но его начало больше похоже на воспоминания, частые же датированные записи начинаются с 1 октября 1904 года. Дневник № 2 содержит в себе датированные записи с 1 октября 1904 года по 13 мая 1905 года. Очевидно, что текст дневника № 2 составлен непосредственно в ходе событий, а дневник № 1 (В. П. Зефилова) написан уже позднее. Вероятно, за его основу был взят именно дневник № 2. Поэтому мы рискнули предположить, что дневник № 2, возможно, тоже был написан Василием Павловичем Зефиловым.

Таблица 1. Сравнение фрагментов дневников № 1 и № 2
Table 1. Comparison of excerpts from diaries 1 and 2

Дата	Дневник № 1 (ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 60. 150 л.)	Дневник № 2 (ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 61. 79 л.)
11–12 марта 1905 года	11 [марта] Ночью «Сисой Великий» почему-то повернул и пошел обратным румбом (так в источнике. – <i>М. И.</i>) Командующий сигналом передал – Отдать вахты начальника под надзор фельдшера – 12 го [марта] В 9 ч. утра с госпитального судна «Орел» – был спущен труп умершего матроса с «Камчатки» Полуден[ная] шир[ота] – 4°5′ Д[олгота] – 65°56′	12го [марта] Ночью «Сисой Великий» без всяких повреждений в чем-либо сделал поворот и пошел обратным курсом, пройдя порядочное расстояние, возвратился на свое место. Адмирал дал сигнал « “Сисой” вахтенного начальника отдать под надзор фельдшера ». В 9 ч. утра с госп[итального судна] «Орел» был спущен умерший мастеровой с тр[анспорта] «Камчатка» Полуденное астрономическое наблюдение У 4°5′ S-я h 65°26′ O-я
25 апреля 1905 года	25 [апреля] Пришел французский паролод с обувью. Приготовились к походу.	25го [апреля] Утром пришел французский транспорт с обувью. Приняли сапоги на всю эскадру. В 5 ч. вечера пришли три германских транспорта, подошли к судам, начали грузить уголь. Французский транспорт ушел в 8 ч. вечера. Адмирал дал сигнал приготовиться к походу к 7 ч. утра.
1–5 мая 1905 года	[С 1] До 5 [мая] занятия [по] сличению дальномеров	(Есть записи за 1, 2, 3, 4 мая о «занятиях по сличению дальномеров» . – <i>М. И.</i>)

ДНЕВНИК № 3

Открыв папку дела № 62 по второй описи фонда 524, мы обнаруживаем записную книжку, заполненную карандашом, и несколько листов с машинописным текстом. В книжке карандашом записан дневник (13 октября – 3 декабря 1905 года), веденный моряком броненосца «Орел» во время пребывания в Японии после окончания войны и частично во время возвращения автора в Россию²⁷. Машинописная копия дневника хранится вместе с записной книжкой²⁸. В той же книжке, с помощью того же карандаша и тем же почерком записаны воспоминания о Цусимском сражении (начало на листе 85 об., конец – лист 69)²⁹.

Автор дневника был офицером, поскольку в плену он находился среди других русских офицеров, которых японцы держали отдельно от нижних чинов. Имя автора можно выяснить по фрагменту дневника (лист 60 об.), посвященного отправке на родину бывших русских военнопленных в ноябре 1905 года:

«6 ноября. В ½ 7-го утра с Бурнашевым, Сакеллари и Родионовым съехали на берег. Остановились в первом кабаке. 7 ноября. Послали рапорт о том, что с первым пароходом выезжаем в Европу к месту служения».

В РГАВМФ хранится судебное дело о побеге с парохода «Воронеж» утром 6 ноября 1905 года офицеров М. Родионова, Вс. Модзалевского, С. Бурнашева, А. Старка, Н. Сакеллари из-за волнений русских матросов на этом судне³⁰. В приведенном фрагменте дневника не названы Вс. Модзалевский и А. Старк, упомянутый на листе 61. Поэтому дневник № 3 написан Вс. Л. Модза-

левским. Это подтверждается наличием в фондах Рукописного отдела Пушкинского Дома атрибуированной машинописной копии дневника Вс. Л. Модзалевского, текст которой целиком совпадает с текстом дневника № 3³¹.

Таким образом, третий дневник из нашего списка был написан Всеволодом Львовичем Модзалевским (1879–1936), офицером императорского флота, а после революции и Гражданской войны – советским полярным капитаном из рода известных дворян Модзалевских [1], [7], [9].

ДНЕВНИК СОЛОДОВНИКОВА (?)

В том же фонде А. С. Новикова-Прибоя хранится еще один дневник, требующий установления имени его автора. В описи 3 фонда 524 он значится как «дневник Солодовникова»³², однако машинный квартирмейстер 1-й статьи крейсера «Алмаз» Николай Иванович Солодовников³³ не мог быть его автором. Судя по тексту, автором дневника является неустановленный моряк с броненосца «Орел». В нем описана служба на этом броненосце и упомянуты некоторые его офицеры, более того, рассказано о сдаче корабля в плен. Если бы дневник действительно вел Н. И. Солодовников с «Алмаза», то было бы описано, как крейсер «Алмаз» в ходе Цусимского сражения прорвался во Владивосток, избежав потопления, интернирования или плена.

Скорее всего, данный дневник случайно попал в одно дело с письмом С. А. Семенова³⁴ из «Гослитиздата» А. С. Новикову-Прибою. В этом письме от 21 января 1938 года, а также в письме В. Я. Лапинского³⁵ от 9 апреля 1938 года рукопись

Н. И. Солодовникова названа «воспоминаниями», а не дневником.

Данный дневник еще одного «неустановленного лица» с броненосца «Орел» написан чернилами на листах бумаги, грубо переплетенных между собой нитками. Некоторые листы перепутаны: вначале идут записи за 17–24 декабря 1904 года, далее – за 13–15, 18–23 октября 1904 года³⁶. Из одного листа вырезан кусок (лист 19–19 об., запись о втором дне Цусимского сражения, 15 мая 1905 года).

Эта рукопись похожа на один из опубликованных дневников с броненосца «Орел»³⁷. С. А. Гладких о «Дневнике неизвестного моряка с эскадренного броненосца “Орел”» пишет следующее:

«Сам источник представляет собой <...> записную книжку в твердом переплете, объемом 68 листов в ли-

нейку. *Распавшийся блок шит нитками и скреплен скотчем, причем, в неверной последовательности. <...> Дневник написан черными чернилами крупным, разборчивым почерком (курсив мой. – М. И.)» [2: 177].*

В ходе небольшого исследования С. А. Гладких приходит к выводу, что опубликованный им дневник был написан машинным квартирмейстером 1-й статьи броненосца «Орел» Иваном Александровичем Тарутиным [2: 175–178].

Тексты дневников из Великого Устюга и ОР РНБ также похожи (табл. 2). Как видно по сравнению приведенных фрагментов, сильных различий между текстами не так много. Поэтому мы рискуем предположить, что автором текстов обоих дневников был Иван Александрович Тарутин.

Таблица 2. Сравнение фрагментов дневников Тарутина И. А. и Солодовникова Н. И. (?)

Table 2. Comparison of excerpts from diaries by Ivan Tarutin and Nikolay Solodovnikov (?)

Дата	Дневник Тарутина И. А. (Гладких С. А. Забытые герои: История русско-японской войны 1904–1905 годов в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб.: Морское наследие, 2013. С. 178–200)	Дневник, ошибочно приписываемый Солодовникову Н. И. (ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 3. Д. 136. Л. 2–22 об.)
22 марта 1905 года	На крейсере «Терек» был бунт, команда долго не расходилась [С. 188]	На крейсере «Терек» ночью был бунт. Команда долго не расходилась [Л. 8 об.]
9 апреля 1905 года	Была маленькая всеобщая на полубаке, без свеч, срочная [С. 190]	Была маленькая всеобщая на палубе без свечей [Л. 13 об.]
17 апреля 1905 года	Пасха. [В] 12 ч. ночи Богослужение. Ночью дозор был усилен, везде по всем направлениям стояли миноносцы и крейсера, наблюдая за горизонтом. В 1½ ч. окончилось богослужение получили 2 яйца и по сдобной булке и по чарке водки. В 10 часов пробили сбор, собралась команда, командир поздравил с праздником. В 11½ часов обед, суп команда не брала по причине зарезанной больной коровы. [С. 191]	Пасха. В 12 ч. ночи Богослужение. Ночью дозор усиленный, стояло половина число офицеров в разных местах, наблюдая за горизонтом. В 1½ ч. окончилось Богослужение получили по два яйца и по сдобной булке. Некоторым не хватило. Командир не здоровался. Только через час получили по полчарке. В 10 ч. утра у борта с командой здоровался Адмирал, поздравлял команду. В 11½ часов обед суп, команда не брала по причине, что суп был противный [Л. 14 об.]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, с большой долей уверенности можно назвать авторами двух из пяти рассмотренных нами дневников В. П. Зефирова («Дневник № 1»: ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 60) и Вс. Л. Модзалевского («Дневник № 3»: ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 62), поскольку в текстах этих источников содержится достаточно записей автобиографического характера, позволяющих провести их атрибуцию. Что касается П. И. Лашина, то говорить о его авторстве дневника со вспомогательного крейсера «Днепр» (РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 309) уже не получится так уверенно. Некоторые записи косвенно указывают на авторство судового врача, но их вполне мог

сделать и другой человек, тесно общавшийся с доктором П. И. Лашиным. Точно можно сказать лишь то, что автор родился за некоторое время до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Примененный метод исключения не позволил сузить круг возможных авторов до одного человека, так как в настоящий момент мы не располагаем сведениями о датах рождения всех офицеров вспомогательного крейсера «Днепр». Предположения о том, что авторами оставшихся двух дневников были И. А. Тарутин («Дневник Солодовникова»: ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 3. Д. 136) и снова В. П. Зефирова («Дневник № 2»: ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 61), возникли вследствие выявленных связей текстов этих дневников с уже

известными текстами И. А. Тарутина и В. П. Зефирова. Требуется набрать тексты рассмотренных нами дневников целиком и провести сравнительный анализ в каждой из двух пар источников (два дневника И. А. Тарутина и два дневника В. П. Зефирова), чтобы понять природу упомянутых связей (Какой источник является протографом, а какой – списком, рукописной копией? Почему, когда, кем и для кого дневники были переписаны?⁷³⁸). Не стоит также забывать, что имя И. А. Тарутина в качестве автора двух приписываемых ему дневников (ВУГИАХМЗ. Д. 27247, – атрибуция С. А. Гладких; ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 3. Д. 136, – атрибуция наша) возникает из небесспорного предположения С. А. Гладких о том, что автор дневника был родом из Великого Устюга. Как мы уже отмечали в начале статьи, только выяснение происхождения рукописи дневника из Великого Устюга позволит более точно говорить о возможном его авторе.

Приведенные примеры установления авторства дневников русских военных моряков начала XX века показывают, какими зацепками может воспользоваться исследователь при столкновении с «неустановленным автором» источника. Прежде всего это автобиографические сведения, взятые из самого изучаемого источника: род занятий, образование, возраст, круг общения возможного автора, иногда в тексте можно найти его инициалы и даже его имя. Если часто упоминаются имена членов узкой группы людей (например, офицеры военного корабля), можно воспользоваться методом исключения и сузить круг потенциальных авторов источника.

Установление авторства источника, его атрибуция всегда будут актуальными направлениями исследований, поскольку, чем больше мы знаем об источнике, тем больше возможностей он дает для изучения биографии его автора и эпохи, в которой он жил.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Приймак Н. И., Валегина К. О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник: Учеб. пособие. СПб.: ЛЕМА, 2018. С. 52–53.
- ² Дневник офицера, убитого под Цусимой // Морской сборник. СПб.: Типография Морского министерства, 1907. № 10. С. 23–34.
- ³ Офицерский состав II эскадры Тихого океана // С эскадрой адмирала Рожественского: Сб. статей, посвящ. 25-летию похода II-й эскадры Тихого океана. Прага: Колесников, 1930. С. 20.
- ⁴ Обакевич М. В. На крейсере «Громобой» в 1903–1904 годах / Публ. Р. В. Кондратенко // Гангут. СПб., 2020. № 115. С. 105.
- ⁵ РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 309. Л. 1–95 об.
- ⁶ Там же. Л. 4–5 об.
- ⁷ Крейсер II ранга «Днепр» (до 12 октября 1904 года и после 5 ноября 1905 года – «Петербург», 22 августа 1914 года переименован в «Петроград», 23 ноября – в «Дон», с 1 февраля 1917 года – «№ 157», с 27 августа 1920 года – «№ 7»). Водоизмещение 9460 т, скорость 19 уз. Построен в Англии в 1894 году, служил в качестве транспорта Добровольного флота. 12 апреля 1904 года переоборудован в крейсер (основное вооружение: 7 – 120-мм орудий). Летом 1904 года действовал совместно с крейсером «Смоленск» в Красном море, досмотрел 10 судов на предмет обнаружения контрабанды, отправляемой в Японию. 30 июня арестовал и отправил в Россию пароход «Malassa». Из-за протеста Великобритании крейсера были отозваны. 1 февраля 1905 года присоединился ко 2-й Тихоокеанской эскадре, 12 мая отделился от нее для крейсерства в Желтом море, 22 мая потопил пароход «Sent Kilda» с грузом риса для Японии. 5 июля вернулся в Кронштадт, 5 ноября возвращен в состав Добровольного флота. С конца сентября 1914 года – в составе Черноморского флота. Неоднократно менял названия, в период Гражданской войны – и свой флаг. В 1921 году прибыл в Бизерту, интернирован французскими властями. В 1922 году разобран на металл в Генуе (Пароход-крейсер «Петербург» (второй) // Ретрофлот: Военный и торговый флот Императорской России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.retroflot.com/dobrovoljnyj_flot/parohodkrejser_peterburg_vtoroj.html (дата обращения 28.08.2020)).
- ⁸ Списки господ офицеров 2-й эскадры по судам // Русско-японская война 1904–5 годов. Материалы для описаний действий флота. Хронологический перечень военных действий флота в 1904–5 годах. Вып. II. Перечень событий похода 2-й эскадры Тихого океана и ее отрядов на Дальний Восток и боя в Цусимском проливе / Сост. лейт. Новиков. СПб.: Типография Морского министерства, 1912. С. 40–41; Офицерский состав II эскадры Тихого океана... С. 21.
- ⁹ РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 309. Л. 64.
- ¹⁰ Челомбитко А. Н. Офицеры флота, корпусов, гражданские и медицинские чины, судовые священники Морского ведомства – участники Русско-японской войны 1904–1905 годов. Б. м., 2016. 457 с.
- ¹¹ РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 309. Л. 78–79.
- ¹² Кравченко В. С. Через три океана. Воспоминания врача о морском походе в Русско-японскую войну 1904–1905 годов. СПб.: Гангут, 2002. С. 45.
- ¹³ РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 309. Л. 89 об.
- ¹⁴ Эскадренный броненосец I ранга «Орел». Водоизмещение 14440 т, скорость 17.8 уз. Вооружение: 4 – 305-мм орудий (2 башни), 12 – 152-мм (6 башен), 20 – 76-мм, 20 – 47-мм, 2 – 63-мм десантных пушки Барановского,

- 10 пулеметов, 4 – 381-мм торпедных аппарата. Построен на верфи Галерного острова в Петербурге в 1900–1904 годах. Участвовал в походе 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского в 1904–1905 годах и в Цусимском сражении 14–15 мая 1905 года. На второй день боя, вследствие полученных ранее повреждений, броненосец «Орел» спустил флаг. В японском флоте получил название «Ивами». В Первой мировой войне 27 августа – 7 ноября 1914 года принял участие во взятии порта Циндао, в 1918 году – в японской интервенции на Дальний Восток России. 10 июля 1924 года потоплен как мишень на учениях японской авиации. (Мельников Р. М. Броненосцы типа «Бородино». СПб., 1996. 100 с.)
- ¹⁵ «Орел» в походе и бою. Воспоминания и донесения участников Русско-японской войны на море в 1904–1905 годах / Сост. С. А. Гладких, Р. В. Кондратенко, К. Б. Назаренко. СПб.: Гангут, 2014. 392 с.
- ¹⁶ ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 60, 61, 62.
- ¹⁷ Там же. Д. 60. 150 л.
- ¹⁸ То же. Л. 109; РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6985. Л. 69 об.–70.
- ¹⁹ То же. Л. 488 об.–489; «Орел» в походе и бою... С. 360; Сигнальщик эскадренного броненосца «Орел» В. [П]. Зефилов // Почему Цусима? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/tsusima/zefirov.php (дата обращения 26.08.2020); Зефиловы: духовенство // Форум Ярославского историко-родословного общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=11200> (дата обращения 21.08.2020).
- ²⁰ ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 53. 105 л.; Д. 54. 192 л.; Д. 60. 150 л.
- ²¹ Там же. Д. 60. Л. 1–60.
- ²² Там же. Л. 68 об.–136 об.
- ²³ ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 53. Л. 71–83 об.
- ²⁴ «Орел» в походе и бою... С. 360–379.
- ²⁵ Там же. С. 375.
- ²⁶ ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 61. 79 л.
- ²⁷ Там же. Д. 62. Л. 30–61 об.
- ²⁸ Там же. Л. 1–27.
- ²⁹ Там же. Л. 69–85 об.
- ³⁰ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6849. 20 л. Бурнашев С. Н. – лейтенант, ревизор; Модзалевский Вс. Л. – лейтенант, младший минный офицер; Сакеллари Н. А. – мичман, вахтенный офицер эскадренного броненосца «Орел». Родионов М. А. – капитан, инженер-механик крейсера «Адмирал Нахимов». Старк А. О. – лейтенант, ревизор крейсера «Дмитрий Донской».
- ³¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 500. Оп. 1. Д. 76. 13 л.
- ³² ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 3. Д. 136. Л. 2–22 об.
- ³³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6987. Л. 19 об.–20.
- ³⁴ ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 3. Д. 136. Л. 1.
- ³⁵ Там же. Д. 87. 1 л.
- ³⁶ Там же. Л. 2–3 об.
- ³⁷ Дневник хранится в Великоустюгском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Шифр хранения (по данным С. А. Гладких): ВУГИАХМЗ. Д. 27247. 68 л.
- ³⁸ Многие машинописные и рукописные копии источников о ходе Русско-японской войны на морском театре создавались по просьбам сослуживцев (на память), а также по запросам Морского министерства (для исследований) и писателя А. С. Новикова-Прибоя (для написания романа «Цусима»). Подробнее см.: Иванченко М. Р. Мемуары, дневники, письма моряков крейсеров «Олег» и «Аврора» о походе 2-й Тихоокеанской эскадры и Цусимском сражении (1904–1905 годы): Выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки «История». СПбГУ. СПб., 2017. С. 10–12, 14–15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/8271/1/Memuary%2c_dnevnik%2c_pisma_moryakov_krejserov_Oleg_i_Avrora.pdf (дата обращения 01.11.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биккенин Р. Р. В. Л. Модзалевский: герой Цусимы, флотский связист, полярный капитан // Гангут. 1998. № 15. С. 91–97.
2. Гладких С. А. Забытые герои: История русско-японской войны 1904–1905 годов в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб.: Морское наследие, 2013. 272 с.
3. Емелин А. Ю. Деятельность Морского министерства по собиранию дневников и воспоминаний участников Русско-японской войны 1904–1905 годов. К истории формирования коллекции «Дневники, заметки, записки, вырезки из газет о Русско-японской войне», фонд 763 // Елагинские чтения. СПб.: Петроний, 2009. Вып. 4. С. 19–24.
4. Емелин А. Ю. Кризис офицерского состава русского флота накануне русско-японской войны 1904–1905 годов // Елагинские чтения. СПб.: Остров, 2006. Вып. 3. С. 31–42.
5. Емелин А. Ю. Материалы личного происхождения о Русско-японской войне в фондах РГАВМФ // Россия и АТР. 2014. № 1. С. 107–117.

6. Иванченко М. Р. Источники личного происхождения моряков крейсера «Жемчуг» о Русско-японской войне (1904–1905 годы) // Военная история России XIX–XX вв.: Материалы XII Междунар. военно-исторической конф. СПб., 2019. С. 196–207.
7. Левин Д. Э. Неопубликованный некролог капитана Вс. Л. Модзалевского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // КЛИО. 2006. № 4 (35). С. 84–92.
8. Малевинская М. Е. Русско-японская война в дневниках и письмах российских моряков // Елагинские чтения. СПб.: Остров, 2006. Вып. 3. С. 9–17.
9. Модзалевская Л. А. Всеволод Львович Модзалевский: страницы жизни. СПб.: ГИПТ, 2008. 59 с.

Поступила в редакцию 31.08.2020; принята к публикации 30.11.2020

Original article

Mikhail R. Ivanchenko, Post-Graduate Student, Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-5039-2247; mikhailtmb96@gmail.com

ESTABLISHING THE AUTHORSHIP OF THE DIARIES OF THE SECOND PACIFIC SQUADRON SAILORS

Abstract. Russian sailors wrote several diaries during the Russo-Japanese War of 1904–1905. Some of them, for various reasons, did not mention the names of their authors. To partially solve this pertinent research issue, the article examines the diaries of “unidentified persons” who served in the Second Pacific Squadron under the command of Vice Admiral Z. P. Rozhdestvensky in order to recover their names. Using the diary entries, in which the authors revealed the facts of their biography, the authors made the conclusions about the hypothetical authorship of the diaries. Attention was also drawn to the names of seamen mentioned in the diaries in the third person, because excluding them made it possible to narrow the range of possible authors. Five diaries were studied, where there were mentioned four names of the possible authors of the manuscripts. The information obtained about the authors of these sources expanded what was already known about these diaries and about the events of the Russo-Japanese War in general. The successful attribution enabled using the diaries in the study of the biographies of Russian Navy sailors. The results of the research can be used by historians, archivist, librarians, and reference books or guidebooks compilers, which provides the sufficient level of the research novelty.

Key words: diaries, Russo-Japanese War, Second Pacific Squadron, Battle of Tsushima, attribution, V. P. Zefirov, P. I. Lashin, Vs. L. Modzalevsky, I. A. Tarutin

For citation: Ivanchenko, M. R. Establishing the authorship of the diaries of the Second Pacific Squadron sailors. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):20–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.580

REFERENCES

1. Bikkenin, R. R. V. L. Modzalevskiy: a hero of Tsushima, naval signalman, and polar captain. *Gangut*. 1998;15:91–97. (In Russ.)
2. Gladkikh, S. A. Forgotten heroes: the history of the Russo-Japanese War of 1904–1905 in the biographies, diaries and memoirs of navy seamen. St. Petersburg, 2013. 272 p. (In Russ.)
3. Emelin, A. Yu. The Maritime Ministry’s work on collecting diaries and memoirs of the participants in the Russo-Japanese War of 1904–1905. The history of the collection “Diaries, notes, records and newspaper clippings about the Russo-Japanese War”, Fund 763. *Elagin Readings*. St. Petersburg, 2009. Issue 4. P. 19–24. (In Russ.)
4. Emelin, A. Yu. Russian Navy officer corps crisis on the eve of the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Elagin Readings*. St. Petersburg, 2006. Issue 3. P. 31–42. (In Russ.)
5. Emelin, A. Yu. The materials of personal origin of Russian-Japanese War in the funds RGAVMH. *Russia and the Pacific*. 2014;1:107–117. (In Russ.)
6. Ivanchenko, M. R. Personal narratives of sailors of cruiser “Zhemchug” about Russo-Japanese War 1904–1905. *Military History of Russia in the XIX and the XX Centuries: Proceedings of the XII International Conference on Military History*. St. Petersburg, 2019. P. 196–207. (In Russ.)
7. Levin, D. E. Unpublished obituary of Captain Vs. L. Modzalevsky in the Manuscripts Department of the National Library of Russia. *KLIO*. 2006;4(35):84–92. (In Russ.)
8. Malevinskaya, M. E. The Russo-Japanese War in the diaries and letters of Russian sailors. *Elagin Readings*. St. Petersburg, 2006. Issue 3. P. 9–17. (In Russ.)
9. Modzalevskaya, L. A. Vsevolod L’vovich Modzalevskiy: pages of life. St. Petersburg, 2008. 59 p. (In Russ.)

Received: 31 August, 2020; accepted: 30 November, 2020

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Национальный парк «Водлозерский»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozhevnikova@gmail.com

МОНАШЕСТВО ОЛОНЕЦКОГО И КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДОВ В ЭПОХУ «ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫХ» УКАЗОВ

А н н о т а ц и я . Рассматривается положение монашества Олонецкого и Каргопольского уездов после провозглашения возрастных, сословных и гражданских ограничений «Прибавления к Духовному Регламенту» и «запретительных» указов Петра I, подтвержденных в правление Анны Иоанновны. Оценивается влияние государственного законодательства на развитие монашеской жизни в мужских и женских монастырях края. Введенный впервые «возрастной» ценз для пострижения не противоречил местной практике, сложившейся в мужских монастырях, но имел серьезные последствия для женских обителей края. В статье вводятся новые материалы о проведении масштабных проверок состава монашествующих в 1730-е годы. На основе малоизвестных письменных источников выясняется, каким образом законодательные ограничения, предполагавшие жесткий контроль над постригами, отражались на жизни людей, желавших принять иноческий образ. Выявленные в 1730-е годы массовые нарушения «запретительных» указов ярко демонстрировали негативное отношение монашествующих к проводившимся реформам. Попытки государства улучшить внутреннюю жизнь чернецов оказались малоэффективны. Актуальность темы обусловлена усилением интереса в отечественной историографии к петровским преобразованиям, направленным на реформирование «монашеского чина».

К л ю ч е в ы е с л о в а : православные монастыри, православное монашество, Олонецкий уезд, Каргопольский уезд, Петр I, Анна Иоанновна, Русская православная церковь, XVIII век

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кожевникова Ю. Н. Монашество Олонецкого и Каргопольского уездов в эпоху «запретительных» указов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.581

ВВЕДЕНИЕ

В первой половине XVIII века произошли знаменательные события, сильно повлиявшие на ход истории российских монастырей и монашества. При Петре I основным законом, регулировавшим положение российских обителей и их насельников, стало пространное «Прибавление к Духовному Регламенту», провозглашенное в 1722 году. С этого времени впервые вводились четкие возрастные, сословные и гражданские ограничения для тех, кто стремился принять монашеские обеты. Постриг разрешался лицам, свободным от долгов, брачных отношений и судебных разбирательств, только при наличии официальных увольнительных и отпускных документов. Мужчины должны были достичь 30-летнего возраста. В отношении женщин закон был более суров: стать монахинями могли девицы не ранее 50 лет,

вдовы – не ранее 60 лет. Обязательным становился «трехлетний искусс», в течение которого испытывалась твердость намерения посвятить свою жизнь служению Богу. Также монашествующие не имели права «из монастыря в монастырь переходить» без письменного разрешения своего настоятеля. Для создания новой монашеской обители требовался соответствующий указ Святейшего Синода. Запрещалось устройство пустыней-скитов и не приветствовалось существование монастырей с небольшим числом иноков (менее 30 человек)¹.

Наведение порядка в «монашеском чине» началось с проведения первой всероссийской переписи монашествующих и дальнейшего закрепления их в монастырях (одновременно в государстве осуществлялась податная реформа, в основе которой лежала подушная перепись). Наиболее известный «запретительный» указ

Петра I от 28 января 1723 года требовал переписать всех монахов и «впредь отнюдь никого не постригать»². Из прагматических соображений Петр I мечтал превратить действовавшие монастыри в богадельни для «престарелых и увечных» отставных солдат воевавшей регулярной армии, предлагая заполнять ими возникавшие после смерти монахов «убылые места». Синодальный указ от 3 марта 1723 года напоминал о том, чтобы «во всех епархиях нигде в монастырях как монахов, так и монахинь отнюдь никого без указа из Синода не постригали», за исключением вдовых священников и диаконов³.

При Анне Иоановне после ее указания от 28 января 1733 года в российских монастырях стали проводиться масштабные проверки, всколыхнувшие монашеский мир⁴. Составлялись новые списки всех монашествующих. При этом повсеместно выявлялись многочисленные нарушения законодательства в отношении постригов⁵. Святейший Синод 19 февраля 1733 года провозглашает очередной императорский указ, требовавший сообщать «без всякия лжи и утайки, не имеются ли где постриженных монахов и монахинь, кроме священного чина и солдатства, из других чинов»⁶. Именным указом от 10 июня 1734 года повторялся строгий запрет на постриги: «кроме вдовых священников, диакон и отставных солдат в монахи никого не постригать»⁷.

Усиливается борьба с «беспутно волочащими» монахами, начатая при Петре I. Синодальный указ от 6 сентября 1732 года «об устройстве монашествующих» запрещал принимать бродяг в рясах «под страхом жестокого штрафования»⁸. Беглыми считались монахи, приходившие «без письменного отпуска» от правящего епархиального архиерея или настоятеля другой обители. Монашеское начальство обязывалось срочно сообщать о таких пришельцах в местные духовные правления и консистории. Участь «плутов чернецов» была незавидна: за «презрение указов» непременно следовали расстрижение и публичное наказание.

Российские исследователи в последние годы обращают особое внимание на последствия петровских нововведений для монастырей отдельных регионов [5], [6], [7], [8], [9], [10]. М. Ю. Нечаева на материалах Тобольской епархии приходит к выводу о том, что к резкому сокращению численности монашествующих привели главным образом различные ограничения, содержащиеся в «Прибавлении к Духовному Регламенту», и «запретительные» указы Петра I. Добиться соблюдения законодательства о постригах, по мнению исследовательницы, удалось только

после проведения в 1730-е годы широкомасштабных расследований [7]. В досоветской историографии схожие мысли высказывались в начале XX века Б. В. Титлиновым, подробно изучавшим законодательные акты петровского и аннинского времени в отношении Русской православной церкви⁹. Данная статья продолжает изучение монастырей и монашества Олонецкого и Каргопольского уездов в первой половине XVIII века [2: 79–109], [3: 139–153], [4].

* * *

Ограничительные требования, предъявленные к монашеству «Прибавлением к Духовному Регламенту», несомненно, повлияли на его положение в крае. Прежде всего это касалось жесткого возрастного ценза для желавших принять иноческий образ. Он вводился Петром I впервые в истории монашества (строгие канонические правила на этот счет не существовали). В моем распоряжении есть сведения переписи 1722 года монашествующих десяти небольших местных обителей: Высокоозерской, Пятницкой Кедринской, Петропавловской Лобановой, Троицкой Лужандозерской, Троицкой Рубежской, Курженской, Девичьей Брусненской пустыней; Успенского Муромского, Рождественского Палеостровского и женского Вознесенского монастырей¹⁰. Всего в них подвизалось 112 монашествующих (из них 93 мужчины и 19 женщин)¹¹. При изучении списков выясняется, что подавляющее большинство мужчин в местных обителях произносили монашеские обеты, будучи пожилыми людьми (средний возраст 58 лет). Они нередко уходили в монастырь, когда их земная жизнь по меркам XVIII столетия подходила к концу: 43 человека после 60 лет (из них 18 – после 70 лет, 5 – после 80 лет, 1 – в 93 года). В возрасте от 40 до 60 лет постриглись 36 мужчин. Только четыре человека были пострижены до 30-летнего возраста.

Женщины, в отличие от мужчин, облачались в монашеские одежды более молодыми (средний возраст 41 год). В небольшой общине Вознесенского монастыря, стоявшего при впадении реки Свирь в Онежское озеро, в 1722 году насчитывалось 14 монахинь, из которых шесть принимали иноческие обеты в возрасте от 18 до 30 лет¹². Пять насельниц второй женской обители Олонецкого уезда, Никольского Брусненского монастыря на острове в юго-западной части Онежского озера, согласно сохранившимся спискам, произносили обеты в 21, 29, 38, 40 и 71 год¹³.

Таким образом, возрастной ценз для монашеского пострига, введшийся с 1722 года «Прибавлением к Духовному Регламенту», в целом

соответствовал местной практике, сложившейся в небольших мужских обителях Олонецкого уезда. Вместе с тем для двух женских монастырей края новое законодательство, строго определявшее возраст постригаемых девиц и вдов, имело серьезные негативные последствия.

Надо полагать, что сокрушительный удар по численности монашеских общин в мужских и женских монастырях Олонецкого и Каргопольского уездов нанесли именно «запретительные» указы Петра I, подтвержденные при Анне Иоанновне. Малолюдные обители, нередко расположенные в труднодоступных местах, без пополнения новыми постриженниками обрекались на постепенное вымирание, ведь вдовы священники и диаконы, отставные солдаты не стремились к монашеской жизни [3: 141–148], [4].

Следствия по делам о «неуказнопостриженных» монахах, проводившиеся в крае при Анне Иоанновне на основе результатов переписи монастырских насельников 1736 года, вскрыли многочисленные нарушения «запретительных» указов. По результатам проверки состава монашествующих выяснилось, что в 17 монастырях Олонецкого и Каргопольского уездов без ведома властей были пострижены 64 человека (12 женщин и 52 мужчины): в Кенской Пахомиевой пустыни – 9, Кодлозерской – 4, Хергозерской – 2, Яблонской – 2, Высокоозерской – 1, Троицкой Сунорецкой – 1, Задней Никифоровской – 1, Сяндемской – 1, Петропавловской Соломенской – 1; в Александро-Свирском монастыре – 9, Троицком Юрьегорском – 8, Рождественском Палеостровском – 7, Успенском Муромском – 5, Спаском Каргопольском – 1, женских Успенском Каргопольском – 10 и Вознесенском – 2 человека¹⁴. Как не согласиться с Б. В. Титлиновым, писавшем о российских провинциальных обителях, разбросанных по глухим уголкам страны: «Там регламентские правила существовали лишь на бумаге, а действительность текла своим путем»¹⁵. Для небольших монастырей и пустыней Олонецкого и Каргопольского уездов «противозаконные» монашеские постриги стали вынужденным способом выживания [4].

В 1736 году в наиболее крупном и богатом Александро-Свирском монастыре подвизались девять человек, принявших иноческий образ после «запретительных» указов¹⁶. Из них двое, Иларион и Питирим, были пострижены при настоятеле архимандрите Кирилле в 1724 и 1731 годах. Шестеро постригались в том же Александро-Свирском монастыре иеромонахом Дионисием при келаре иеромонахе Ионе в 1731–1733 годах. Только один из «неуказнопостриженных» при-

шел из другой обители: Савватий, сын дьячка выставки Шокша Пречистенского Остреченского погоста-округа, облачился в монашескую рясу 4 марта 1731 года в Высокоозерской пустыни по благословению строителя Задней Никифоровской пустыни монаха Филарета. Таким образом, практически все незаконные постриги в Александро-Свирском монастыре происходили в начале 1730-х годов. Как показывает анализ сведений, в небольших обителях с малочисленной братией первый «запретительный» указ стали нарушать еще при живом Петре I.

Возможным поводом для ревизии монашества Олонецкого и Каргопольского уездов стало следственное дело о событиях, происходивших в Александро-Свирском монастыре в 1731 году¹⁷. Одним из его главных действующих лиц был упомянутый выше келарь иеромонах Иона, при котором совершались постриги «без указа». Он обвинялся в серьезном «государственном» преступлении по доносу новгородского недельщика Ивана Шалгунова о «неотправлении службы» в Александро-Свирском монастыре в честь коронации Анны Иоанновны в 1731 году. Получив от Шалгунова соответствующий указ на кануне Пятидесятницы, или дня Святой Троицы (в тот год он отмечался 8 мая по старому стилю), престольного монастырского праздника, собиравшего множество паломников со всей округи, келарь Иона велел списать с него копию, однако положенное богослужение в честь императрицы почему-то не провел.

Первоначально в Новгородской духовной консистории сведения Шалгунова сочли ложными, однако доносчик после наказания батогамы отправился с жалобой в Санкт-Петербург к грозному новгородскому архиепископу Феофану (Прокоповичу), чье имя в то время заставляло трепетать сердце любого монаха. В феврале 1734 года «затруднительное и опасное» дело по доносу Шалгунова рассматривали уже в Святейшем Синоде¹⁸. Келаря Иону вызвали на допросы вместе с олонецким заказчиком священником Симоном Ивановым (он вовремя не объявил указ монастырским властям и приходским священникам о богослужении в «календарные дни», связанные с Анной Иоанновной) и его зятем воеводским канцеляристом Иконниковым. Тогда же при подробном выяснении событий, происходивших в Александро-Свирском монастыре, была проведена полная ревизия дел Олонецкого духовного правления с 1731 года.

В ходе многочисленных проверок стали известны противозаконные проступки насельников Александро-Свирского монастыря. Так,

ризничий монах Серафим «приличился в похищении милостинных денег, присланных от Двора Ея Величества, и келарских пожитков», а иеродиакон Аарон «в сочинении подложного себе паспорта и в произведении во иеродиакона по ложному доношению архимандрита»¹⁹. Кроме этого, некоторые монахи оказались «неправильно постриженные».

Биография келаря Ионы (мирское имя Иван Колосов) полна злоключений. Он был пострижен в монашество при Петре I до «запретительного указа», в 1716 году, архимандритом новгородского Отенского монастыря Антонием «без трехлетнего искуса». Через шесть лет «по оговору» оказался в Преображенском приказе. «После двухкратных розысков в застенке» Иону лишили монашества и священства. В 1728 году он был прощен по случаю императорской коронации Петра II, а в 1730 году определен келарем Александро-Свирского монастыря²⁰. После вторичного многолетнего расследования, проведенного по доносу недельщика Шалгунова, в 1735 году келаря Иону второй раз (!) лишили иеромонашества, а его вещи распродали с публичного торга для покрытия расходов синодального следствия. Он так и не принес покаяния, поэтому «для надлежащего самой истины испытания» был отправлен в застенки Тайной канцелярии.

Последний раз имя келаря-расстриги Ионы мне встретилось в списках колодников, содержащихся в 1736 году при Канцелярии Святейшего Синода. Здесь он томился в заключении с другими бывшими насельниками Александро-Свирского монастыря: архимандритом Виссарионом и его двоюродным братом Константином Поповым, монахами Евстафием и Макарием²¹. Шло длительное разбирательство по поводу крупной суммы денег, обнаруженных Виссарионом в нескольких местах на территории монастыря и утаенных от остальных монахов и епархиального начальства²².

Виссарион был произведен в архимандриты из игуменов псковского Елеазарова монастыря в 1733 году. Следствие началось по доносу иеромонаха Иосифа²³. Со слов архимандрита, часть денег еще до его приезда в обитель обнаружил бывший келарь Иона в казначейских палатах, в ларце «полтретьи тысячи рублей, да при них чарка серебряная и небольшой золотой крест»²⁴. О них знал казначей монах Евстафий и его предшественник монах Макарий. Позднее в той же палате была откопана «квасная медная чаша с дробными серебряными деньгами» (450 или 460 рублей), а в 1735 году там же «сыскано под полом 900 рублей с небольшим»

и «под папертью Троицкой церкви найдено в глиняном кувшине еще 1000 рублей с несколькими стами, да оловянный с деньгами же»²⁵. На допросах архимандрит сознался, что вместе со своим келейником Павлом Никитиным и двоюродным братом Константином он тайно перенес «оловянный» к себе в келью. На чердаке трапезной Покровской церкви Виссарион нашел еще «ведерко с тремя мешками дробных серебряных денег», которые и «оставил в свою пользу, никому не объявивши об их находке»²⁶. Всего в разных местах за три года ему удалось отыскать 5690 рублей. Из них архимандрит припрятал для себя 554 рубля²⁷. За исключением этой суммы найденные деньги записывались казначеем в приходные книги и тратились на монастырские нужды (на покупку хлеба, соли, воска для церкви, извести и кирпичей на новую ограду), однако братия про них не знала «за неимением между оною доброжелательных монахов и славы ради от разбойных людей»²⁸. В неведении оставалось и епархиальное начальство.

Доносчик иеромонах Иосиф показал, что о «тайной казне» он узнал от местных крестьян, а те в свою очередь – от келейника Павла. В 1737 году за свой «правдивый донос» Иосиф получил вознаграждение от Синода (20 рублей). Престарелых монахов Евстафия и Макария освободили от наказания и вернули в монастырь. Брат архимандрита Константин Попов оказался сыном священника, проживавшим в обители «без указа», поэтому его отослали в Военную коллегию «для записи в солдаты». Бывшего келаря Иону, признав виновным в сокрытии части денег, вернули в Тайную канцелярию, «где он содержался по другим делам»²⁹. Его дальнейшая судьба мне пока неизвестна. В марте 1738 года архимандриту Виссариону объявили его приговор: «с начальства свести и лишить иеромонашества», а затем сослать в Тихвинский монастырь «под трехлетний секретный надзор настоятеля»³⁰. В 1740 году по ходатайству архимандрита Феодосия Александро-Свирского монастыря монаху Виссариону были «отпущены его вины»³¹.

В ходе следственного дела о событиях 1731 года выявились любопытные сведения об одном из монахов, постриженных вопреки «запретительным» указам иеромонахом Дионисием при келаре Ионе, ризничем Серафиме. На допросах в Синоде тот показал, что ему исполнилось 40 лет, он «природою из церковнических детей Олонецкого уезда», «в подушный оклад не записан за своими отлучками»³². Его обвинили в похищении пожитков келаря-расстриги Ионы, оставленных у него на хранении,

в краже монастырских денег и побеге из монастыря. После расстрижения Серафим неожиданно признался, что в действительности он беглый солдат Семеновского полка, из боярских людей дома Щербатовых, сам себе написал подложный паспорт. Его отослали в канцелярию Семеновского полка. История незадачливого чернеца Дιονисия вполне может послужить выразительным примером многих монашеских пороков той непростой эпохи.

Вернемся к результатам проверки 1736 года. На мой взгляд, неординарной фигурой среди местных «нарушителей закона» был иеромонах Мануил, строитель Пятницкой Кедринской пустыни в Южном Прионежье. По всей видимости, этот 80-летний старец пользовался большим духовным авторитетом в селениях Мегорского, Оштинского и Важенского погостов-округов. В 1728–1732 годах он постригал в монашество пятерых человек (двух мужчин и трех женщин)³³. При этом монашеские постриги проходили не в самой Кедринской пустыни, к тому времени опустевшей. Крестьяне из села Мятусово на реке Свирь, получившие в постриге имена Гермоген и Андреян, были пострижены Мануилом в Успенской Яблонской пустыни при строителе монахе Германе 2 июля 1731 года и 19 августа 1732 года. В Девичьем Вознесенском монастыре при строительнице схимонахине Александре 9 ноября 1732 года кедринский строитель «против указу» облачал в иноческие одежды монахиню Максимиллу (родом из Важенского погоста) и 5 августа 1728 года монахиню Надежду (из Водлицкой волости Оштинского погоста). Третью монахиню по имени Феодора, вдову из Кондушской волости, иеромонах Мануил постригал 3 декабря 1730 года «в доме мужа ее крестьянина Стефана Семенова в деревне Серегино». Как сообщается в архивном документе, после пострига она вскоре покинула родные места и ушла в Успенский Каргопольский монастырь. В последнем случае Мануил нарушил еще одно правило, запрещавшее пострижение «в домах мирских людей». Определение Московского Собора 1667 года гласило: «приводите к постриганию в монастыри»³⁴.

Об иеромонахе Мануиле сохранились скудные сведения в документах Новгородской духовной консистории. В 1722 году при составлении ведомости о монашествующих Кедринской пустыни он сообщал о себе, что до принятия монашества его звали Михаилом, принадлежал «чину церковническому Олонецкого уезда»³⁵. Старец родился в середине XVII века, при царе Алексее Михайловиче. Монашеские обеты произносил в 1718 году

в новгородском Юрьеве монастыре, которым в то время управлял архимандрит Аарон (Еропкин), будущий епископ Корельский. Строителем Кедринской пустыни Мануила назначили в 1720 году. Уже тогда, кроме него, в крохотной мужской обители подвизались только двое престарелых монахов: 81-летний Иоанн (в миру Игнатий Оленин) и 90-летний Ефрем (Емилиан Москин), оба «из крестьянства Олонецкого уезда»³⁶. В 1736 году в наказание за незаконные постриги Мануила сначала отправили «под начал» к строителю иеромонаху Матфею Введенского Островского монастыря на реке Оять. Когда за ним явился архиерейский подьячий Иван Хамантов, старец оттуда бежал, по всей видимости, при помощи своих духовных детей³⁷.

По данным за 1736 год, наибольшее число «незаконных» постригов было совершено в женском Успенском Каргопольском монастыре. Согласно ведомостям, в эту практически городскую обитель на берегу реки Онега особенно часто уходили дочери каргопольских купцов (в монашеских реестрах упоминаются фамилии Белосовых, Серебренниковых, Карениных, Хомяковых)³⁸. «Безуказные» постриги здесь совершали настоятель соседнего мужского Каргопольского Спасского монастыря архимандрит Иосиф (три пострига в декабре 1723 года), а после его смерти – местный иеромонах Ефрем (шесть постригов с 1723 по 1731 год). Игуменья Иулиания, долгие годы управлявшая женской обителью, умерла 26 августа 1727 года и таким образом избежала наказания.

По закону за каждого «неуказнопостриженного» монаха с настоятеля монастыря, при котором происходил незаконный постриг, взимался штраф «на госпитали» в размере 10 рублей. «Если кому такого штрафа заплатить будет нечем, таковых лишив монашества и иеромонашества, сослать под начал в другие монастыри», – разъянялось в указе³⁹. В делах Новгородской духовной консистории сохранилась одна из ведомостей о штрафных деньгах, которые следовало взыскать с провинившихся настоятелей монастырей края⁴⁰. Редкий документ содержит сведения о том, как по-разному складывались их судьбы. Выяснилось, что многие из них к моменту проверки уже умерли, а «скарбу и денег от них не осталось»: архимандрит Иосиф в Спасском Каргопольском монастыре, строители монахи Иона и Филофей в Кодлозерской пустыни, иеромонах Иаков в Палеостровском монастыре, иеромонах Кирилл в Муромском монастыре, монах Леванид в Высокоозерской пустыни, монах Сергей в Соломенской пустыни, игуменья Иулиания

в Успенском Каргопольском монастыре. В Хергозерской пустыни строитель иеромонах Иоиль за долго до проверки «ис тое пустыни бежал»⁴¹. Его преемник, монах Пахомий, тоже сумел скрыться в лесах по дороге в Великий Новгород, куда его должен был доставить архиерейский подьячий Илья Бухвостов. Управлявший Юрьегорским монастырем монах Матфей, который за восемь постригов «против указа» был оштрафован на 80 рублей, не смог оплатить его: «за которым невзысканием и за не платежем выслан он, Матфей, в Новгородский Его Архиерейства Разряд за поруками»⁴². Строитель Пахомиевой Кенской пустыни иеромонах Иосиф, лично постригавший приходивших к нему крестьян и бобылей, был сослан в новгородский Кириллов монастырь «в подначалство».

Выявленные в монастырях и пустынях «неуказнопостриженные» монахи публично подвергались в Великом Новгороде, «в консисторском собрании», процедуре расстрижения, о которой говорилось в указе от 11 марта 1735 года:

«...в знак того монашеского чина лишения, монашеское с них одеяние все обрать, и на главах и брадах их власы остригши, и обязав их надлежащими, о не ношении монашеского платья и о именовании себя монашествующими, сказками, разослать с письменными известиями на прежние жилища, кто откуда пришел в монашество»⁴³.

Кто-то из «неуказных» чернецов умирал до решения своей участи. Другие, не дожидаясь грядущего строгого наказания, тайно покидали родные обители. Так поступили оба постриженника Яблонской пустыни Гермоген и Андреян. После их бегства она опустела⁴⁴. Из расположенного в дальнем таежном «суземке» Юрьегорского монастыря скрылся монах Лаврентий, постриженный здесь в 1731 году. Возможно, он вернулся к себе домой в деревню Коскосалма Водлозерской волости⁴⁵.

Несмотря на строгий запрет скитаться, монахи продолжали почти беспрепятственно переходить из одного монастыря в другой, зачастую с поддельными документами, вплоть до секуляризационной реформы 1764 года [2: 94–96, 106–109]. Об этом ярко свидетельствует «тетрадь для записи наказаний», которая велась в Александро-Свирском монастыре его настоятелями с 1720 по 1757 год⁴⁶.

Уместно добавить, что многие местные монастыри и до реформы «духовного чина» не изобиловали насельниками. Их братские общины насчитывали не более одного десятка человек, поэтому согласно «Прибавлению к Духовному регламенту» такие обители лишались самостоятельного статуса и приписывались к более крупным монастырям (Александро-Свирскому, Климецкому, Муромскому). К концу 1730-х годов монашеская жизнь в них фактически прекращалась, и они превращались в «подсобные хозяйства», где трудились крестьяне, присылавшиеся из монастыря-патрона [3: 148].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Руководствуясь здравым смыслом и рациональной философией своего века, Петр I стремился по-своему улучшить состояние российского монашества. Однако новые правовые нормы, прежде всего его «запретительные» указы, подтвержденные при Анне Иоанновне, обернулись подлинной драмой для небольших монастырей Олонецкого и Каргопольского уездов и их многочисленных насельников. Массовые нарушения законодательства, выявленные в 1730-е годы, свидетельствовали о неприятии монастырской реформы в обителях края. Насильственное реформирование «монашеского чина» Петром I и ужесточение контроля за соблюдением закона при Анне Иоанновне значительно сократили численность монашеских общин, однако не изменили к лучшему их внутреннюю жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 6. № 4022.

² ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 7. № 4151.

³ Там же. № 4672.

⁴ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1898. Т. 8. № 2689.

⁵ Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна, 1905. С. 282–288.

⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1898. Т. 8. № 2689.

⁷ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 9. № 6585.

⁸ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 8. № 6177.

⁹ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 272–370.

¹⁰ Проведенная в 1722 году перепись монашествующих Олонецкого уезда и ее результаты будут подробно рассмотрены в следующей статье.

- ¹¹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 80.
- ¹² Там же. Л. 9–16 об.
- ¹³ Там же. Л. 16–18 об.
- ¹⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358.
- ¹⁵ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 274.
- ¹⁶ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 15–16 об.
- ¹⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 14. Стб. 70–79.
- ¹⁸ Там же. Стб. 72–73.
- ¹⁹ Там же. Стб. 74.
- ²⁰ Там же. Стб. 77.
- ²¹ Там же. Стб. 797–798.
- ²² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1906. Т. 16. Стб. 354–364.
- ²³ Там же. Стб. 354.
- ²⁴ Там же. Стб. 355.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Стб. 356.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Стб. 356.
- ²⁹ Там же. Стб. 362.
- ³⁰ Там же. Стб. 363.
- ³¹ Там же. Стб. 364.
- ³² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1907. Т. 15. 423–424.
- ³³ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 14 об., 20–20 об.
- ³⁴ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1853. Т. 5. С. 489.
- ³⁵ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 80. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Л. 7–8.
- ³⁷ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 25 об.
- ³⁸ Там же. Л. 13 об.–14 об.
- ³⁹ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 285.
- ⁴⁰ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 24–26 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 24 об.
- ⁴² Там же. Л. 17 об.–18 об.
- ⁴³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1905. Т. 9. № 2865.
- ⁴⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 20.
- ⁴⁵ Там же. Л. 19.
- ⁴⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 10. Д. 68.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков М. С. Православные монастыри Тамбовского края в XVIII веке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 173. С. 181–188. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-173-181-188
2. Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск: Verso, 2014. 343 с.
3. Кожевникова Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX в. Петрозаводск: Verso, 2017. 400 с.
4. Кожевникова Ю. Н. «Монастырское» законодательство Петра I и монашество Олонецкого уезда в первой половине XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 81–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.294
5. Кустова Е. В. Вятский Успенский Трифонов монастырь в призме церковных реформ Петра I // Вестник Вятского государственного университета. История и юридические науки. 2012. № 4. С. 6–12.
6. Кустова Е. В. Ведомости монашествующих 1724 года как исторический источник: информационный потенциал и степень достоверности // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 4. С. 48–55.
7. Нечаева М. Ю. «Монашества лишить... и разослать... на прежние жилища» // Вестник Православно-Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 3. С. 35–54.
8. Нечаева М. Ю. Закрытие малобратственных монастырей в 20-е годы XVIII века: замысел и реалии реформы // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 3. С. 72–84. DOI: 10.15593/pern.kipf/2018.3.07

9. Никонов С. А. Хозяйственные книги Троицкого Печенгского монастыря первой половины 1720-х гг. // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2. С. 38–73.
10. Суслова Е. Д. Вознесенский Свирский женский общежительный монастырь: повседневная жизнь общины в первой трети XVIII века // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 5 (29). С. 582–594. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.5.17277

Поступила в редакцию 10.11.2020; принята к публикации 27.12.2020

Original article

Yulia N. Kozhevnikova, Cand. Sc. (History),
Vodlozersky National Park (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozhevnikova@gmail.com

MONASTICISM OF OLONETS AND KARGOPOL UYEZDS IN THE TIMES OF “PROHIBITIVE” DECREES

Abstract. The article examines the situation around monastic life in Olonets and Kargopol uyezds after the proclamation of age, class and civil restrictions stipulated by the “Supplements to the Spiritual Regulations” and “prohibitive” decrees of Peter the Great I, confirmed in the reign of Anna Ioannovna. The influence of state legislation on the development of monastic life in monasteries of the region is evaluated. The “age” qualification for tonsure introduced for the first time did not contradict the local practice established in male monasteries, but it had serious consequences for women’s monasteries in the region. The article introduces new materials on conducting large-scale inspections of the composition of the monks in the 1730s. On the basis of little-known written sources, it is discovered how the legislative restrictions, which established strict control over the tonsure, affected the fate of specific people who sought to take the gown. The mass violations of the “prohibitive” decrees revealed in the 1730s clearly demonstrated the negative attitude of the monks to the ongoing reforms. The state’s attempts to improve the internal life of the monks were ineffective. The relevance of the topic is due to the growing interest in Russian historiography in Peter the Great’s transformations aimed at reforming the “monastic order”.

Key words: Orthodox monasteries, Orthodox monasticism, Olonets Uyezd, Kargopol Uyezd, Peter the Great, Anna Ioannovna, Russian Orthodox Church, XVIII century

Acknowledgments. The article was written as part of the project “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia” under the Russian Foundation for Basic Research grant “Peter the Great’s epoch in the history of Russia: a modern scholarly view” for 2020–2022, project No 20-09-42034.

For citation: Kozhevnikova, Yu. N. Monasticism of Olonets and Kargopol uyezds in the times of “prohibitive” decrees. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.581

REFERENCES

1. Volkov, M. S. Orthodox monasteries of Tambov region in the 18th century. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2018;23(173):181–188. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-173-181-188 (In Russ.)
2. Kozhevnikova, Yu. N. Five centuries of history. Annunciation Yashezero Hermitage. Petrozavodsk, 2014. 343 p. (In Russ.)
3. Kozhevnikova, Yu. N. Saint Nicholas Andrusov Hermitage. XVI–XX centuries. Petrozavodsk, 2017. 400 p. (In Russ.)
4. Kozhevnikova, Yu. N. “Monastic” laws of Peter the Great and monasticism in Olonets county in the first half of the XVIII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;2(179):81–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.294 (In Russ.)
5. Kustova, E. V. Vyatka Assumption Trifon’s Monastery in the prism of the church reforms of Peter I. *Herald of Vyatka State University*. 2012;4:6–12. (In Russ.)
6. Kustova, E. V. Monk bulletins of 1724 as a historical source: information potential and degree of reliability. *Perm University Herald. History*. 2015;4:48–55. (In Russ.)
7. Nechaeva, M. Yu. “Deprive of monasticism and... send... to the places of previous dwellings”. *St. Tikhon’s University Review. Series II. History. Russian Church History*. 2016;3:35–54. (In Russ.)
8. Nechaeva, M. Yu. Closure of monasteries with small number of monks in 1720s: the idea and the reality of the reform. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2018;3:72–84. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.07 (In Russ.)
9. Nikonov, S. A. Economic books of Trinity Pechenga Monastery of the first half of the 1720s. *Bulletin of Church History*. 2020;1/2:38–73. (In Russ.)
10. Suslova, E. D. Ascension Svir Convent: community daily life in the first third of the XVIII century. *History Magazine: Researches*. 2015;5(29):582–594. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.5.17277 (In Russ.)

Received: 10 November, 2020; accepted: 27 December, 2020

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТКАЧЕНКО

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии факультета истории и права
Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Российская Федерация)
tkachenk0serg@yandex.ru

БОИ ЗА СЕЛО БАКСАН КАК ПРИМЕР СТАНОВЛЕНИЯ ТАКТИКИ КРЫМСКИХ ПАРТИЗАН

А н н о т а ц и я . Партизанская война в Крыму, несмотря на изученность общей проблематики, весьма слабо отмечена исследованиями отдельных моментов. Это актуально для краеугольного процесса – поиска методов и способов партизанской борьбы, выработки специфической тактики. Научная задача состояла в изучении этого явления на наиболее ярком примере. Рассмотрены оперативная обстановка и поиск партизанских формирований Крыма в области тактики на примере боев за село Баксан Зуйского района в 1942 году. Особо раскрыт процесс выработки решений со стороны командных структур – Штаба Главного руководства партизан Крыма, партизанского района и командования отдельных отрядов. На основании архивных источников реконструирована боевая деятельность отрядов и штабов, указаны основные особенности и проблемы, прежде всего во взаимодействии разных формирований. В научный оборот вводятся новые документы. В результате, используя методы исторической науки (прежде всего проблемно-хронологический), удалось проследить процесс поиска и изменения тактики развертывания партизанской войны на первоначальном этапе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : партизаны, Крым, Штаб Главного руководства, партизанский район, партизанский отряд, село Баксан, боевые действия, пособия оккупантов

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ткаченко С. Н. Бои за село Баксан как пример становления тактики крымских партизан // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 36–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.582

ВВЕДЕНИЕ

Партизанское движение в Крыму (ноябрь 1941 – апрель 1944 года) является одной из важных страниц истории Великой Отечественной войны на полуострове. Фактически в период полной оккупации полуострова партизаны были третьим фронтом в тылу немецко-румынских войск. История партизанского движения изучается активно, однако многие проблемы остаются пока вне внимания историков. Это относится и к поиску методов и способов партизанской борьбы, выработки специфической тактики. Например, в отечественной и зарубежной историографии не обнаружено ни одного исследования по этой теме. Даже обобщающие работы по истории партизанского движения, вышедшие в разное время [1], [2], [3], [8], [10], [11], [14], [16], также не уделяют внимания проблеме поиска партизанской тактики, кроме фрагментарных упоминаний – не на крымском материале [4], [12]. Однако этот процесс очень важен во всей истории сопротивления. Еще в подготовительный период осени

1941 года будущие партизаны проходили боевую учебу, но тактике почти не учились, в том числе в связи с отсутствием официальных наставлений, инструкций по организации и ведению партизанской борьбы в отрядах и партизанских группах. Зимой 1941/42 года крымские партизаны стремительно учились воевать, отрабатывая на практике методы и способы борьбы, на собственном опыте постигая партизанскую тактику. Несомненно, этот процесс сопровождался потерями. Вместе с тем вскрывались недостаточная подготовка командных кадров, отсутствие взаимодействия между районами, отрядами и непосредственно в них. Как пример такого сложного процесса приобретения опыта партизанской войны в указанное время стоит привести боевые действия против гарнизона села Баксан Зуйского района (ныне с. Межгорье Белогорского района).

* * *

Первое документальное упоминание села Баксан (три рядом расположенные деревни под об-

щим наименованием Бахсан) встречается в Камеральном описании Крыма 1784 года. Согласно Списку населенных пунктов Крымской АССР по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года, в составе Баксанского сельсовета Карасубазарского района записано три села Баксан: Ашага, Орта и Юхары, при этом определить, какое из них было центром, из доступных источников пока не представляется возможным. В Ашага-Баксане числилось 53 двора, все крестьянские, население составляло 241 человек, из них 224 татарина, 16 крымских цыган, 1 записан в графе «прочие»; в Юхары-Баксане – 51 крестьянский двор, население 222 человека (209 татар, 11 русских, 2 латыша)¹. После образования 10 июня 1937 года Зуйского района Баксан вместе с сельсоветом включили в его состав. В дальнейшем в доступных документах фигурирует один Баксан. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 года, в селе проживало 705 человек².

После оккупации большей части Крымского полуострова немецко-румынскими войсками в ноябре 1941 года в Зуйском районе (как и в ряде других районов горнолесной части Крымского полуострова) жители многих населенных пунктов стали на путь коллаборационизма и даже вели вооруженную борьбу с советскими партизанами. «Отряды самообороны» были сформированы, как правило, в крупных селах района, в том числе и в Баксане. Разведка партизанских отрядов докладывала, что полицейские под руководством немецких и румынских инструкторов проводят занятия и стрельбы. «Местное население (татары) успешно вооружается. Цель – борьба с партизанами. Надо полагать, что в ближайшее время они начнут практиковаться в борьбе с нами» [5: 146]. Село Баксан находилось внутри зоны действия отрядов 2-го партизанского района в это время. В окрестных лесах Зуйского, частично Карасубазарского и Симферопольского районов (в административных границах 1941 года) действовали Зуйский, Биюк-Онларский и Сейтлерский партизанские отряды, составлявшие так называемую Зуйскую группу отрядов (кроме них в исследуемое время во 2-м районе базировались еще Ичкинский, Колайский, Джанкойский, Карасубазарский и два Красноармейских отряда).

Поскольку перед выходом в лес конкретных боевых задач отряды не получили, а большинство партизанских командиров не представляли себе в полной мере, что такое «малая война», всем начальникам партизанских районов пришлось самостоятельно принимать решение на ведение конкретных боевых действий. В ре-

зультате во второй половине ноября 1941 года, сразу же после завершения организационного этапа, партизанские формирования, еще не успевшие накопить достаточный боевой опыт, стали повсеместно большими группами, а иногда и целыми отрядами нападать из засад на автоколонны, обозы, отдельные автомашины и небольшие подразделения оккупантов, продвигавшиеся по шоссе и проселочным дорогам. Одновременно повреждались путевые сооружения, стационарная и полевая связь оккупантов. Ощувив на себе активную деятельность партизанских сил, опытные регулярные войска и полевая жандармерия сами пошли в лес и с помощью пособников из местного населения, в основном прилесных татарских населенных пунктов, уже успевших организовать в группы самообороны, стали громить и грабить партизанские продуктовые базы, убивать и захватывать связников и разведчиков.

В середине декабря в с. Розенталь были посланы разведчицы Зуйского отряда Д. Кравченко и М. Брылева. Из разведки они не возвратились, позже выяснилось, что их схватили «баксанские татары и отвели в Карасубазар», где находилась тюрьма [9: 57]. 23 декабря 1941 года командир Зуйского отряда А. А. Литвиненко записал в дневнике: «...Трубенко со своей группой был у Баксана и установил, что там всего 15 “гансов” и что это Абибулаев Зенатия и Абдураманов Ильяс водили немцев за нашими продуктами»³. 5 января 1942 года Литвиненко запишет снова:

«Еще в Тав-Кипчак нам донесли агенты, что из Баксана вышла в лес группа немцев человек 10 и с ними группа татар свыше 10 человек. Когда пришли домой, узнали, что эти группы противника окружили землянки группы Трубенко и лишь случайно Трубенко с группой вырвались»⁴.

В приказе № 8 от 4.12.1941 года командующий Штаба Главного руководства партизан Крыма (ШГР) А. В. Мокроусов обязал командование каждого отряда проводить в месяц не менее трех операций, при этом командирам и комиссарам – лично в них участвовать. Во время Керченско-Феодосийской операции партизанские отряды 2-го района активизировали свои боевые операции, заняли более десяти населенных пунктов, из которых ушли вражеские войска. 18 января 1942 году Зуйский отряд провел первую операцию по захвату с. Баксан. Комиссар отряда Н. Д. Луговой записал в дневнике:

«Решено: время дать баксанским полицаям ответ. С этим и идем на Баксан... Сам рельеф местности подсказал план нападения, мы, скрываясь в зарослях, обложили село с трех сторон, а четвертую – северную – решили

прикрыть минометным огнем. Скрытность и внезапность удалась. Ошеломленные неожиданным огневым ударом, как громом с ясного неба, немцы и полицейские замесались в селе, как мухи в паутине. Трижды пытаясь защититься ответным огнем, они все же прекратили сопротивление, частью обратившись в бегство, частью скрывшись в погребах, сараях и курятниках. В 2 часа Баксан был взят...» [9: 62].

Дальше Луговой упоминает о попытке поговорить со стариками и женщинами, но разговора не получилось. Партизаны оставили в селе листовки и приказ полицейским: в суточный срок сложить все оружие, вплоть до дробовиков, и свезти его в 1-ю баксанскую казарму, прекратить всякие походы в лес под любым предлогом. Командир отряда А. А. Литвиненко более подробно отметил:

«18 января ходили проучить баксанских предателей. В последнее время в Баксане немцы вооружили несколько десятков татар и почти ежедневно тренировали их в стрельбе из винтовок, автоматов и пулеметов. Эти же предатели вместе с немцами напали на землянки группы Трубенко. <...> 18.1. мы всем отрядом подошли к Баксану с западной стороны, но были обнаружены немцами и татарами. Они открыли по нас оружейный и пулеметный огонь. Группы Мисько и Иванова вошли в деревню и начали разыскивать предателей, расстреливая их. Сволочи вооружили даже подростков и стариков. Пришлось открыть огонь из минометов. Выпустили 130 мин по их группам, а затем ворвались в деревню. Немцы и татары убежали из деревни. Как только мы были замечены, немцы послали верхового за подкреплением, и нам пришлось уйти, т. к. подошло до батальона пехоты противника»⁵.

19 января написано донесение, подписанное Литвиненко и Луговым, в штаб района, в котором несколько конкретизированы количественные данные и итоги, упомянутые в командирском дневнике⁶.

В донесении от 2 февраля 1942 года указывается число партизан, участвовавших в операции, – 60 человек. Убито 15 человек полиции. В отряде один партизан легко ранен⁷.

После 18 января в боевой деятельности Зуйского, а также базирующихся в этом же районе Сейтлерского и Биюк-Онларского партизанских отрядов больших изменений не произошло: диверсионные группы выходили на шоссе Симферополь – Алушта и Симферополь – Карасубазар, подрывали автомашины, производили разведку, отряды совместно и самостоятельно совершали боевые операции. В самом конце января все отряды получили номера – 13-м отрядом стал Зуйский, 14-м – Сейтлерский, 21-м – Биюк-Онларский (но номера не прижились, отряды именовались по-прежнему как в среде партизан, так и в оперативных документах). 2 февраля пришли

связные из заповедника и сообщили, что ШГР планирует перейти в район расположения Зуйского отряда. Центральный штаб прибыл 14 февраля, и уже 15 февраля А. В. Мокроусов проводит совещание с командованием трех отрядов и ставит задачу силами Зуйского, Сейтлерского и Биюк-Онларского отрядов «взять Баксан» [15: 45]. Операция была назначена на 18 февраля 1942 года.

Однако за прошедший месяц многое изменилось: десанты в Феодосию и Судак были ликвидированы и советские войска отброшены на Ак-Монайский перешеек, оккупационное немецкое командование активно продолжало вербовку добровольцев в отряды самообороны. К этому времени в селе Баксан располагалась 4-я рота самообороны в составе 125 человек [13: 176–177]. Командир Зуйского отряда Литвиненко сообщал в штаб 2-го района:

«По имеющимся у нас данным за последнее время, Баксан является центром среди окружающих его деревень Кайнаут, Конрад и других в организации отрядов из местного населения по борьбе с партизанами, под руководством немецких инструкторов. В настоящее время в Баксане имеется до ста вооруженных татар и 10–15 человек немцев»⁸.

Разведчики сообщали, что под руководством немцев и румын проводятся учения, стрельбы, но им было неизвестно, что в селе роют окопы, организуют укрепленные огневые точки, устанавливают пулеметы, в домах и стенах – бойницы. Командир Биюк-Онларского партизанского отряда Ф. С. Соловей сообщал начальнику 2-го района И. Г. Генову:

«...В татарских деревнях Баксан, Казанлы и других немцами созданы отряды для борьбы с партизанами, с которыми румынские и немецкие офицеры проводят занятия, а в настоящий момент под руководством немецких и румынских офицеров эти отряды ушли в лес против партизан, но в какой лес, не установлено. 15.2.42 г.»⁹.

Тем не менее слабо владея обстановкой и не имея свежих разведывательных данных, командование Зуйского отряда издает боевой приказ¹⁰. В приказе конкретизированы только пути подхода, о взаимодействии трех партизанских отрядов практически не упомянуто, конкретные задачи по уничтожению объектов не ставятся.

В документах Зуйского отряда об этой операции сказано кратко:

«18–19 февраля. Количество участников 60 ч. Операция на взятие дер. Баксан. Цель: разгром полиции. Операция не выполнена ввиду того, что не было ответных ракет. Убит 1 полицейский»¹¹.

В документах Сейтлерского отряда информации больше:

«18 февраля 1942 года. Приказом по трем отрядам... было дано указание забрать д. Баксан, с 6.00 18.2.42 г. Деревня должна занимать с трех сторон. Наш Сейтлерский отряд в количестве 30 человек должен занимать деревню с южной стороны. Подошли мы к деревне с вечера. Долго тянулась эта ночь. Отряд с нетерпением ждал начала сигнала действия, и минута времени подошла, но сигнала не было. Отряд решил действовать согласно времени. <...> Указанный участок деревни был занят... Уничтожив полицейских, забрав у брата старосты корову, подорвав дом полицейского, мы возвратились, не потеряв ни одного партизана...»¹².

Наиболее полны деталями воспоминания командира Биюк-Онларского отряда Ф. С. Соловья:

«В 7.00 по общему сигналу белая ракета, которую давал командир Зуйского отряда, остальные белой отвечали о готовности для совместных действий. Белую ракету, в связи с сильным туманом, не было видно, и действия начали по часам в 7.00. В связи с тем, что это была первая операция на населенный пункт, не все командиры групп вели себя в этой операции смело и решительно. <...> В 7.00 я двинулся с отрядом и занял северо-западную часть Баксана... С занятием северо-западной части деревни Баксан, я установил, что Зуйский и Сейтлерский отряды отступили от Баксана в лес. Продвигаться дальше к мечети не стал, так как я должен был с одним отрядом попасть под обстрел со всех сторон. Я решил взять скот полицейских (5 коров), продукты. Сожгли пять домов. В 8–9 часов ушли в лес в лагерь. На следующий день на совещании командования трех отрядов... Литвиненко был снят, а Верещагин предупрежден о недопущении в дальнейшем таких действий и преждевременном отходе»¹³.

Партизанский командир Ф. И. Федоренко значительно позже укажет на некоторые характерные ошибки:

«Готовился налет в спешке, без достаточной разведки сил и системы охраны гарнизона противника. Рубежи атаки с трех сторон намечались приблизительно – только по картам, без командирской рекогносцировки на местности... Ни тщательной маскировки, ни надежных сигналов начала атаки и выхода из боя... Мокроусов сильно переживал поражение отрядов тиркинского леса, но стоял на своем: баксанский гарнизон гитлеровцев должен быть разгромлен...» [15: 45–46].

Обвиненный в трусости А. А. Литвиненко был отстранен от командования отрядом, вместо него командиром Зуйского отряда назначен капитан Н. П. Ларин, бывший начальник штаба Биюк-Онларского отряда. Так как поставленную задачу никто не отменял, именно Ларин возглавил подготовку к новому штурму. Было ясно, что совместных действий зуйской группы отрядов по разгрому опорного пункта оккупантов в Баксане не получилось. После февральских событий гарнизон села, состоящий из румын, местных добровольцев и полицейских, под руководством немецких инструкторов превратил Баксан

в мощный опорный пункт с хорошо развитой системой охраны подходов. Крайние дома были переоборудованы в огневые точки, село опутано колючей проволокой. Все пути проникновения для связи с местным населением были отрезаны: «...Никаких сведений из Баксана не имеем, все щели закрыты...»¹⁴.

В соответствии с приказом начальника 2-го партизанского района И. Г. Генова на подготовку к нападению отводилась неделя [5: 156]. Командовать Зуйской группой было поручено новому командиру Зуйского отряда капитану Н. П. Ларину (комиссар Н. Д. Луговой, начштаба В. Д. Тимофеев). Издаётся боевой приказ, подписанный командованием Зуйского партизанского отряда¹⁵. Как видно из текста, этот приказ был аналогичен февральскому приказу, пути подхода почти не изменились, тактические вопросы и взаимодействие трех отрядов были проработаны слабо.

И. Г. Генов описывает операцию обобщающе:

«В ночь с 8-го на 9 марта отряды заняли исходные рубежи. Здесь развели костры. Противник же тщательно следил за передвижением и поведением партизан. На рассвете отряды пошли в наступление теми же путями, по которым шли на Баксан 18–19 февраля. Стоило партизанам выйти из леса, как их встретил пулеметный и минометный огонь фашистов...» [5: 157].

Погода внесла свои коррективы: ночью и днем разыгрался снежный буран. Из-за сложных метеословий командирская рекогносцировка, как и 20 февраля, проведена не была, вновь понадеялись на хорошее знание местности. Днем 8 марта, соблюдая меры предосторожности, группа вышла в направлении Баксана. Зуйский отряд (командир Н. П. Ларин, комиссар Н. Д. Луговой, начштаба В. Д. Тимофеев) продвигался по лесным опушкам Караби-яйлы, биюк-онларцы (командир Ф. С. Соловей, комиссар Г. А. Фельдман, начштаба Д. А. Абрамов) – по Долгоруковской яйле, а Сейтлерский отряд (командир Ф. Н. Верещагин, комиссар М. И. Пузакин, начштаба П. А. Колесник) – по хребту Орта-Сырт. Преодолев от 15 до 20 км по заснеженной пересеченной местности, отряды должны были перед рассветом 9 марта прибыть на исходные рубежи [13: 30]. К 06:30 Зуйский отряд достиг исходного рубежа: безлесного холма у восточной окраины села в 700–800 метрах к югу от шоссированной дороги Баксан – Карасубазар, в направлении Аргина выставил в заслон группу А. Ф. Мисько с двумя ручными пулеметами и приготовился к бою. Опасаясь, что с рассветом атакующие будут хорошо видны на заснеженном склоне холма, Ларин выстрелил красную ракету в 06:45, на 15 минут раньше срока¹⁶. Биюк-онлар-

цы и сейтлерцы не отозвались, так как запоздали с выходом на исходные рубежи.

В отличие от партизанских отрядов, гарнизон Баксана, находившийся в готовности, по красной ракете немедленно открыл ураганный огонь из всех видов стрелкового оружия, минометов и даже горных орудий. Под огнем противника группы А. А. Литвиненко и А. И. Иванова ворвались в село, достигли крайних домов и стали забрасывать огневые точки ручными гранатами. В 07:15 и 07:20 вступились биюк-онларцы и сейтлерцы, однако их огонь продолжался недолго и к 07:50 окончательно прекратился. К этому времени рассвело, и партизаны Зуйского отряда оказались под прицельным огнем, появились раненые и убитые. К 09:00 интенсивность огня гарнизона стала ослабевать, но в это время был ранен в голову пулеметчик группы Литвиненко и убит пулеметчик группы Иванова, а из Аргина около 10:00 через поселок Ханлык на нескольких грузовиках прибыли до 150 немцев, спешились и под прикрытием станковых пулеметов стали быстро продвигаться по оврагу на юг вдоль хребта Кара-Оба, чтобы отрезать партизан от леса. Оценив обстановку, Ларин принял решение отходить, поставил задачу Мисько огнем двух ручных пулеметов заслона остановить немцев и не выпустить из оврага, а сам с начальником штаба В. Д. Тимофеевым побежал на правый фланг, чтобы вывести группы Литвиненко и Иванова из боя. Луговой приказал командиру пулеметной группы Я. В. Кузьмину расположиться на высоте 497,0, пропустить группы Литвиненко и Иванова и воспретить противнику преследование отряда по баксанской дороге. Выводя группы, Ларин был тяжело ранен, его вытащили из-под обстрела партизаны группы Иванова, при этом Ларин несколько раз просил бросить его и спасти отряд. Литвиненко, обвиненный в феврале в трусости, отходить из Баксана наотрез отказался, отпустил раненых, связников и продолжал подавлять огневые точки противника, чем фактически обеспечил отход основных сил отряда. Попав под огонь станковых пулеметов аргинцев, Литвиненко был убит, при этом погибла и большая часть его группы¹⁷.

Как стало впоследствии известно, после получасовой перестрелки комиссар Биюк-Онларского отряда А. Г. Фельдман запаниковал, отошел от исходного рубежа и увел отряд на базу, бросив командира отряда Ф. С. Соловья с тремя бойцами на подступах к Верхнему Баксану. Точно так же повел себя и комиссар Сейтлерского отряда М. И. Пузакин, в результате чего командир отряда Ф. Н. Верещагин смог догнать своих бойцов через восемь километров уже в лесу.

Ф. С. Соловей с оставшимся в живых ординарцем отстреливался от баксанцев до 16:00, был трижды ранен и только после прибытия подкрепления немцев из Зуи, в предвидении их атаки, отошел в лес и с большим трудом добрался до высоты 1025 к полудню 10 марта [9: 63].

Организованного вывода из Баксана Зуйского отряда также не получилось. Группы отходили самостоятельно, а часть бойцов самовольно покинула поле боя. Тяжелораненый начальник штаба отряда В. Д. Тимофеев возглавил группу таких же, как и он, покалеченных партизан, присоединил к себе Я. В. Кузьмина с пулеметным расчетом, часть здоровых бойцов, которые должны были идти на помощь группам Литвиненко и Иванова, и увел на Орта-Сырт. По дороге на Яманташской заставе забрал всех лошадей, предназначенных для вывоза раненых, и «использовал их в своих целях»¹⁸. Фактически Ларин, Луговой и небольшая группа партизан также были брошены основными силами отряда и отходили в одиночестве. К 18:00 Ларина дотащили до стыка рек Бурульчи и Суата, где смогли почувствовать себя в безопасности. Не найдя лошадей на заставе, Луговой ушел на высоту 1025 и только в 03:00 10 марта смог послать за командиром отряда группу обеспечения с лошадьми. К 10:00 измученного Ларина с перебитой и обмороженной ногой доставили в лагерь [9: 63–64].

С приходом раненого Ф. С. Соловья окончательно проявились масштабы трагедии: Зуйский отряд потерял убитыми 15 и ранеными 10 партизан – 50 % боевого состава. Впервые партизаны Зуйского района понесли такие большие потери [7: 14]. Среди получивших ранения были командир отряда капитан Н. П. Ларин и начальник штаба полковник В. Д. Тимофеев, а также секретарь комитета комсомола Е. Н. Камардина (Шамко), в будущем исследователь партизанского движения в Крыму. Биюк-Онларский отряд имел убитыми 5 человек, без вести пропавшими 4 и ранеными 5. В Сейтлерском отряде было 2 легкораненых. Общие потери всех отрядов – 20 убитых и 20 раненых. Противник не досчитался 40 солдат, местных самооборонцев и полицейев. Кроме того, в ходе боя были убиты староста с. Баксан и один офицер. При этом основная задача оказалась невыполненной: Баксан разгромить не удалось.

Еще до прихода на высоту отм. 1025 ШГР и штаба 2-го партизанского района командование Зуйского отряда провело разбор боя. В. Д. Тимофеев и его помощник В. В. Макухин от занимаемых должностей были отстранены, Я. В. Кузьмин за невыполнение приказа выведен со строгим выговором из состава партбюро, а боец Князев

«за самовольный уход с поля боя» приговорен к расстрелу (приговор отправлен в ШГР на утверждение)¹⁹. В Штабе также провели свое разбирательство.

После подведения итогов деятельности Зуйской группы и разбора неудачи под Баксаном командующий ШГР А. В. Мокроусов 24 марта принял решение из Зуйского, Сейтлерского и Биюк-Онларского отрядов образовать оперативную группу и назначить ее командиром Н. Д. Лугового без освобождения от исполнения обязанностей комиссара отряда. Зуйским отрядом временно стал командовать А. И. Иванов (командир группы парашютистов из состава отдельного парашютного батальона разведотдела штаба Кавказского фронта, десантированной в партизанский лес в январе 1942 года и влитой в отряд зуйчан). А. В. Мокроусов, назначая Н. Д. Лугового командиром Зуйской опергруппы, явно недоработал свое решение: Луговой становился прямым начальником командира Зуйского отряда, заместителем которого он являлся. К сожалению, приходится констатировать, что такие опрометчивые и абсурдные решения не способствовали укреплению авторитета ШГР.

Операции по захвату Баксана получили известность, попав в издаваемый в Берлине бюллетень «Сообщения из СССР». В номере от 8 апреля 1942 года отмечалось, что 4-я рота самообороны стойко обороняла населенный пункт Баксан, и в ходе четырехчасового боя чуть больше сотни добровольцев сдерживали натиск более 500 партизан [6: 164]. Вместе с тем ежедневные донесения Штаба по борьбе с партизанами указывают, что 9 марта

«татарская рота в Баксане атакована партизанами, в результате боя с партизанами у деревни Баксан убито 30 партизан, несколько ранено, 2 захвачены в плен. Потери 5 татар из подразделения Баксана, 4 ранены, в помощь был брошен взвод румын и взвод немцев»²⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бои за Баксан, которые вели разные отряды, временно объединенные оперативно, были

не единственными на первоначальном этапе партизанской борьбы в Крыму. Объединенные усилия 1-го и 2-го партизанских районов 21 января 1942 года в деревне Суук-Су (севернее Судака), 3-го и 4-го районов 8 февраля и Симферопольского отряда № 2 10 февраля в селе Коуш (фактически в Крымском заповеднике), совместные действия Зуйской группы отрядов в январе – марте в Баксане, Карасубазарского и Красноармейских отрядов 11 марта в селе Орталан Карасубазарского района показали, что на данном этапе значительные опорные пункты охранно-блокадной системы оккупантов, усиленные отрядами местных добровольцев и полиции, оказались партизанским формированиям «не по зубам». Отряды не были готовы к совместным наступательным действиям, несли тяжелые невосполнимые потери, обрастали большим количеством раненых, что приводило к утрате маневренности, расходовали огромное количество боеприпасов (особенно остродефицитных ручных гранат) и, как следствие, утрачивали авторитет в глазах местного населения. Все это не в полной мере было понято и правильно оценено А. В. Мокроусовым и его штабом. В итоге, несмотря на неоднократно повторявшиеся требования командующего, отряды и районы вплоть до подъема партизанского движения осенью 1943 года на крупные опорные пункты оккупантов больше никогда не нападали. Начальники районов, командиры отрядов и групп на личном опыте убедились, что основными видами боевых действий должны стать диверсии, широкомасштабные нападения из засад мелких групп партизан на коммуникации 11-й армии, а также репрессивные акции против предателей, продовольственные операции в ходе налетов на отдельные посты и заставы и мелкие гарнизоны оккупантов и их пособников. Это уже соответствовало правилам партизанской тактики – специфической и творческой отрасли военного искусства, выработанного массами. В дальнейшем крымские партизаны широко использовали приобретенный опыт.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Список населенных пунктов Крымской АССР по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г. Симферополь: Крымское центральное статистическое управление, 1927. С. 82–83, 90–91.

² Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. Р-137. Оп. 9. Д. 14. Л. 46.

³ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 426. Л. 11.

⁴ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 426. Л. 16.

⁵ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 426. Л. 18.

⁶ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 408. Л. 52.

⁷ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 408. Л. 77.

⁸ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 40. Л. 36.

- ⁹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 406. Л. 19.
¹⁰ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 408. Л. 17.
¹¹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 408. Л. 41.
¹² ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 414. Л. 31–32.
¹³ ГАРК. Ф. П-8417. Оп. 1. Д. 82. Л. 12–13.
¹⁴ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498. Л. 27.
¹⁵ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 408. Л. 23.
¹⁶ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498. Л. 31.
¹⁷ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498. Л. 36–38.
¹⁸ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498. Л. 38.
¹⁹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498. Л. 39.
²⁰ National Archives and Records Administration (NARA). T312 – 1691. (11 AOK). f.0238.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армстронг Д. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943. М.: Яуза, 2010. 353 с.
2. Боярский В. И. Партизанская война: История утерянных возможностей. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. 304 с.
3. Боярский В. И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк. М.: Издательский дом «Граница», 2003. 448 с.
4. Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Выпуск первый. М.: Политиздат, 1974. 447 с.
5. Генов И. Г. Дневник партизана. Симферополь: Крымиздат, 1963. 280 с.
6. Диксон Ч. О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 291 с.
7. Книга Памяти Республики Крым. Т. 6. Симферополь: Таврида, 1995. 272 с.
8. Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.: Сборник / Под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. 341 с.
9. Луговой Н. Д. Страда партизанская: 900 дней в тылу врага. Дневниковые записи. Симферополь: ЧП «Эльиньо», 2004. 732 с.
10. Партизанское движение: по опыту Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Военно-ист. очерк / Под общ. ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле, 2001. 464 с.
11. Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. М.: Наука, 1986. 439 с.
12. Развитие способов вооруженной борьбы советских партизан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Сост. П. С. Матронов. М.: Военная академия им. М. В. Фрунзе, 1962. 49 с.
13. Романько О. В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944). М.: Вече, 2011. 432 с.
14. Турба Н. Н. Опыт и особенности партизанских действий в Крыму. 1941–1944 гг. (Социально-политический аспект): Монография. Одесса: Пед. ун-т, 1998. 140 с.
15. Федоренко Ф. И. Годы партизанские. Симферополь: Таврия, 1990. 288 с.
16. Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь: Крымиздат, 1956. 159 с.

Поступила в редакцию 08.05.2020; принята к публикации 30.11.2020

Original article

Sergey N. Tkachenko, Cand. Sc. (History),
 Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian
 Federation)
 tkachenk0serg@yandex.ru

FIGHTING FOR THE VILLAGE OF BAKSAN AS AN EXAMPLE OF THE CRIMEAN PARTISANS' TACTICS DEVELOPMENT

Abstract. The general issues of the partisan war in the Crimea are well studied, but some specific aspects remain unexplored. Such research is relevant for the cornerstone process of searching for the forms and methods of partisan warfare and the development of specific tactics. The research objective was to study this phenomenon using one of the most vivid examples. The article investigates the operational situation and search for tactics by the partisan formations in the Crimea through the case of fighting for the village of Baksan in the Zuyskiy district in 1942. The research focuses on the process of decision-making by such command structures as the Central Headquarters of the Crimean partisan movement, the partisan district, and the commanders of individual detachments. The author uses archival sources for

reconstructing the combat activity of the detachments and command staff, and identifying the main features and problems, primarily concerning the interaction between different formations. New documents are also introduced into research circulation. As a result, using the methods of historical science (primarily the problem-based chronological method) made it possible to trace the process of finding and changing the tactics of partisan warfare at the initial stage of its deployment.

Key words: partisans, Crimea, Central Staff Headquarters, partisan district, partisan detachment, Baksan village, hostilities, accomplices of occupying forces

For citation: Tkachenko, S. N. Fighting for the village of Baksan as an example of the Crimean partisans' tactics development. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):36–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.582

REFERENCES

1. Armstrong, D. Guerrilla warfare. Strategy and tactics. 1941–1943. Moscow, 2010. 353 p. (In Russ.)
2. Boyarsky, V. I. The partisan war: The history of lost opportunities. Minsk, Moscow, 2001. 304 p. (In Russ.)
3. Boyarsky, V. I. Partisan warfare yesterday, today, tomorrow. Historical and documentary essay. Moscow, 2003. 448 p. (In Russ.)
4. Warfare in the enemy's rear. Some problems of the history of the Soviet partisan movement during the Great Patriotic War. Issue one. Moscow, 1974. 447 p. (In Russ.)
5. Genov, I. G. A partisan's diary. Simferopol, 1963. 280 p. (In Russ.)
6. Dixon, C. A., Heilbrunn, O. Communist guerilla warfare. Moscow, 1957. 291 p. (In Russ.)
7. The book of memory of the Crimean Republic. Vol. 6. Simferopol, 1995. 272 p. (In Russ.)
8. The Crimea in the USSR's Great Patriotic War of 1941–1945: Miscellany. (I. S. Chirva, Ed.). Simferopol, 1963. 341 p. (In Russ.)
9. Lugovoy, N. D. The partisan harvest: 900 days in the enemy's rear. A diary. Simferopol, 2004. 732 p. (In Russ.)
10. The partisan movement: the experience of the Great Patriotic War, 1941–1945: Essay on military history. (V. A. Zolotarev, Ed.). Moscow, 2001. 464 p. (In Russ.)
11. Ponomarenko, P. K. All-national struggle in the rear of the German Nazi invaders in 1941–1944. Moscow, 1986. 439 p. (In Russ.)
12. Development of armed struggle methods by Soviet partisans during the Great Patriotic War (1941–1945). (P. S. Matronov, Comp.). Moscow, 1962. 49 p. (In Russ.)
13. Roman'ko, O. V. The Crimea under Hitler's heel. German occupation policy in the Crimea (1941–1944). Moscow, 2011. 432 p. (In Russ.)
14. Turba, N. N. Experience and features of partisan warfare in the Crimea. 1941–1944. (Socio-political aspect): Monograph. Odessa, 1998. 140 p. (In Russ.)
15. Fedorenko, F. I. Partisan years. Simferopol, 1990. 288 p. (In Russ.)
16. Shamko, E. N. The partisan movement in the Crimea in 1941–1944. Simferopol, 1956. 159 p. (In Russ.)

Received: 8 May, 2020; accepted: 30 November, 2020

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ШЕВЧЕНКО

кандидат богословия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИО новейшей истории Русской Православной Церкви
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6497-503X; tatyana_valaam@mail.ru

«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В ПЕРЕПИСКЕ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ I С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РПЦ Г. Г. КАРПОВЫМ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена обзору «финляндской темы» в переписке патриарха Московского Алексия (Симанского) с председателем образованного в 1943 году Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карповым и охватывает период 1945–1953 годов. Вся переписка (1945–1970) опубликована в 2009 году в двухтомном сборнике издательства «Российская политическая энциклопедия». «Финляндский вопрос» включал в себя обсуждение мероприятий и стратегии по восстановлению канонических отношений Русской и Финляндской православных церквей. В 1921 году патриархом Московским Тихоном (Беллавиным) была предоставлена автономия Финляндской православной церкви, которая в 1923 году, вопреки его протесту, перешла под юрисдикцию Константинопольского патриарха. С тех пор отношения между Русской и Финляндской церквами считались прерванными. Сложное положение Церкви в Советской России и Вторая мировая война не позволили обеим сторонам обсудить возникшую проблему. Первые послевоенные годы советское правительство оказалось заинтересованным в содействии Русской церкви своей международной политике. Обзор переписки показывает динамику процесса обсуждения патриархом Алексием и Г. Г. Карповым проблемы восстановления канонического общения между Русской и Финляндской церквами, связанные с этим новые аспекты и помогает понять, почему в то время Финляндской церкви не была предоставлена автокефалия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история Русской православной церкви в XX веке, Финляндская православная церковь, патриарх Алексий (Симанский), Совет по делам Русской православной церкви, Георгий Григорьевич Карпов, архиепископ Герман (Аав), автокефалия, советско-финляндские отношения, государственно-церковные отношения

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шевченко Т. И. «Финляндский вопрос» в переписке патриарха Алексия I с председателем Совета по делам РПЦ Г. Г. Карповым // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 44–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.583

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена обзору писем патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского, 1877–1970) в Совет по делам Русской православной церкви (РПЦ) за 1945–1953 годы. Они опубликованы в первом томе одноименного двухтомника писем, охватывающего период 1945–1970 годов, который вышел в свет в 2009 году в издательстве «РОССПЭН» [9]. Несмотря на давний срок публикации, представленный в сборнике уникальный документальный массив по истории РПЦ одного из самых неоднозначных периодов ее существования все еще ждет осмысления, комментирования и введения в научный оборот. В данной статье пред-

ставлен обзор лишь одной затронутой в переписке темы, а именно – обсуждение «финляндского вопроса».

В период 1945–1953 годов наиболее активно решался вопрос о восстановлении канонических отношений Русской и Финляндской православных церквей и была актуальна тема автокефалии Финляндской православной церкви, которую могла предоставить ей Церковь-мать – Русская православная. Цель статьи – прояснить с помощью анализа переписки обстоятельства межцерковных отношений и понять, почему автокефалия все-таки не была предоставлена. Предполагается исследовать динамику отношений русской и финской сторон в решении вопро-

са автокефалии. Хронологические рамки обусловлены двумя важными датами в жизни РПЦ: 1945 (год избрания патриарха Алексия I) и 1953 (год смерти Сталина). Они соответствуют «сталинскому» периоду служения патриарха Алексия (Симанского).

Подробная фактография послевоенных российско-финляндских церковных отношений описана в работах Т. И. Шевченко [14: 308–331], [15] и епископа Силуана (Никитина) [12], в частности в статье последнего – «Проект предоставления автокефалии Финляндской Православной Церкви в 50-е гг. XX века»¹. Оба автора опираются в основном на материалы по Православной церкви в Финляндии периода 1950-х годов, хранящиеся в Государственном архиве РФ, в фонде 6991 (Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР). Документы отражают рабочие детали процесса: подготовку делегаций, официальные отчеты о них, те или иные действия, предпринятые участниками процесса в разное время, и реакцию на них руководства. В отличие от этих материалов, настоящая переписка показывает состояние дела по факту: она отражает основные мотивы принятия тех или иных решений советской стороной, «кухню» процесса формирования позиции Московской патриархии. Несмотря на вовлеченность в процесс многих лиц и структур, окончательное решение все же принималось «на верхах».

Позиция финляндской стороны в процессе переговоров часто кардинально менялась. Владыка Силуан склонен акцентировать положительные аспекты процесса: стороны наконец смогли обменяться мнениями после долгого перерыва в общении, были открыты к критике и не скрывали трудностей, с которыми сталкивались. Он также считает, что в 1952 году «было положено начало новой стадии переговоров о воссоединении»².

Согласно монографии Т. И. Шевченко «Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957)» [14], можно предположить, что ведущую роль в провале плана автокефалии сыграло недоверие финляндской стороны к Московской патриархии ввиду зависимости последней от советского государства.

Исследуемая проблема затрагивалась в работах М. В. Шкаровского [16], [17], [19], финских историков прот. В. Пурмонена [20], Ю. Рийконена. Последний в обширной монографии «Церковь в объятиях политики: канонические разногласия между Финляндской архиепископией и Московским патриархатом 1945–1957 гг.» [21] приводит перечень исследований темы на финском языке. Из особенностей

освещения Ю. Рийконеном проблемы можно отметить то, что он не отрицает канонических нарушений при отделении в 1923 году Финляндской православной церкви от Русской церкви [21: 354], но считает, что в провале переговоров о воссоединении в 1945 году была виновата последняя, поскольку Московский патриарх (Алексий I) «не был готов обсуждать широкие права» финской стороны, хотя они, по мнению автора, и были минимальными [21: 358]. Исследователь никак не выделяет 1952 год в истории переговоров.

Обзор вышеупомянутой переписки позволяет предположить, что финляндская сторона, скорее всего, не стремилась к автокефалии вообще, а затягивание переговоров с Московской патриархией нужно было для восстановления канонического общения с РПЦ на своих условиях: без изменений в тогдашнем состоянии и статусе Финляндской православной церкви, с сохранением нового календарного стиля в богослужбной практике, включая Пасхалию, и автономии под юрисдикцией патриарха Константинопольского.

* * *

Каждый том двухтомника писем патриарха предваряется несколькими вводными статьями (Н. А. Кривовой, Ю. А. Орловой), в которых раскрывается исторический контекст переписки, приводится историография периода, обзор содержания и археографический комментарий. Первый том – письма 1945–1953 годов – соответствует одному из переломных периодов во взаимоотношениях Советского государства и Церкви. В 1943 году начался кардинальный поворот в государственной церковной политике СССР, он привел к ослаблению давления государства в ключевых для Церкви вопросах. Впервые после десятилетий жесточайших гонений начался процесс нормализации государственно-церковных отношений [9: 5]. В 1943 году был создан Совет по делам РПЦ как структура-посредник между правительством СССР и патриархом «по вопросам, требующим разрешения правительства» [9: 5]. Возглавил Совет полковник госбезопасности Георгий Григорьевич Карпов (1898–1967), с которым у патриарха Алексия, «несмотря на мировоззренческую пропасть», получилось найти общий язык и установить неформально «сердечные» отношения [9: 8]. Тем не менее, пишет Н. А. Кривова, характер отношений патриарха и Карпова можно охарактеризовать не иначе как «процесс поиска компромисса» [9: 8], хотя и ставший возможным благодаря их уважению друг к другу. В одном из писем (1953) Кар-

пову Святейший резко отрицал любую возможность внешнего влияния на его деловые решения: «Для меня... крайне неприятны толки о влиянии... Будьте уверены, что я порученное мне церковное дело оберегаю от всякого стороннего вмешательства» [9: 720–721]. Естественно, как отмечает Ю. Г. Орлова [9: 13–29], общение патриарха и председателя Совета контролировалось сверху. Карпов периодически докладывал о настроении патриарха и о беседах с ним [9: 18]. Он характеризовал свое отношение к Святейшему как «официальное», разбавленное долей «известной теплоты», которая принята при общении в церковной среде, тем не менее Карпов утверждал, что «семейственности, потери ориентировки в этих отношениях нет и не может быть допущено» [9: 18].

Период стабильности был недолгим, но имел серьезные последствия для РПЦ. Она смогла укрепить положение, возродить некоторые институты и завоевать авторитет на международной арене [18: 37]. Она собрала и провела в 1945 году Поместный Собор для избрания нового патриарха, которым и стал Святейший патриарх Алексей I. Главной целью его служения было возрождение церковной жизни в СССР [9: 5]. Первые годы его патриаршества стали периодом преодоления расколов в РПЦ, которая получила, наконец, «возможность устанавливать и развивать международные и межконфессиональные контакты, укреплять межправославные связи» [9: 6].

Тем не менее обманываться не стоило. Церковь находилась в полной зависимости от советской власти, «реализовывающей идеологию тотального контроля в духовной жизни общества и жесточайшего подавления инакомыслия» [18: 37]. Составители сборника отмечают, что современные исследователи сходятся в оценке причин «потепления» к Церкви со стороны Сталина [1], [2], [6], [7], [13], в основе которых лежал «исключительно прагматичный интерес» использовать Церковь «при новом переделе мира» [9: 6]. «Те же мотивы, в сочетании со сложным комплексом проблем внутреннего развития страны, стали причиной заметного охлаждения» на рубеже 1947–1948 годов, в условиях начинавшейся холодной войны [9: 7]. Сталину важна была лишь «видимость благополучия в религиозном вопросе, а не реальное отделение Церкви от государства» [18: 37].

Одним из атрибутов этой «видимости благополучия» была заинтересованность советского правительства в использовании потенциала Церкви на международной арене. И здесь всплы-

вает так называемый «финляндский вопрос», нашедший отражение в упомянутой переписке. С 1954 года начался пересмотр «примирительной» церковной политики государства, связанный с приходом к власти Н. С. Хрущева [10: 5]. Письма этого периода вошли во второй том сборника, они упоминаются в статье, но не включены в обзор.

Всего в первом томе (1945–1953) опубликовано 618 документов, из них 544 письма Московского патриарха в Совет по делам РПЦ и лично председателю Совета Г. Г. Карпову или его заместителю С. К. Бельшеву и 74 документа-приложения. В 31 письме патриарха упоминается Финляндия. Однако содержательное обсуждение темы встречается только в восьми из них. Одни письма сообщают о получении корреспонденции касательно Финляндии с приложением ее, другие – о прилагаемом докладе или проекте ответного письма. Не остается сомнений в большой заинтересованности сторон в вопросе. Однако утверждать, что «финляндская тема» была приоритетной в обсуждении дел текущего периода, пожалуй, не стоит. Для сравнения: во втором томе двухтомника (1954–1970) «финляндская тема» всплывает действительно редко. Из 243 писем патриарха этого периода Финляндию упоминают всего в шести, причем в двух из них – в связи с тяжелым положением приграничной Олонецкой епархии, а в одном – в связи с переехавшими в Псково-Печерский монастырь валаамскими монахами.

До 1947 года, пока сохранялась надежда на проведение в Москве Всеправославного Собора, Совет по делам РПЦ в лице Г. Г. Карпова стремился содействовать расширению международной деятельности РПЦ, полагая, что появление еще одной автокефальной Церкви, которой могла стать Финляндская православная, даст дополнительный голос при голосовании на будущем Соборе.

Все послевоенное время правительство Финляндии выказывало стремление к добрососедству, учредив в 1944 году общество дружбы «Финляндия – СССР». Официальные дипломатические отношения между СССР и Финляндией были возобновлены в 1947 году. Основой внешней политики стран стал заключенный 6 апреля 1948 года договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

В 1945 году финляндские церковные власти дали свое согласие на «воссоединение». Никто не собирался их обманывать и «заманивать» обратно в Московскую патриархию, как считали в Финляндии противники процесса сближе-

ния с Русской церковью. Как и было обещано, в 1948 году Москвой была предоставлена автокефалия Польской, а в 1951 году и Чехословацкой православным церквям. Решение о даровании автокефалии заранее принимал Совет Министров СССР [19: 307–308].

Тем не менее, как справедливо отмечает епископ Силуан (Никитин), попытка восстановления отношений Русской и Финляндской церквей, предпринятая в 1945 году, провалилась. Он склонен согласиться с мнением финляндской стороны об отрицательной роли в этом негибкости митрополита Григория (Чукова), возглавлявшего переговоры³ [12: 272–273]. Не все в Московской патриархии думали так же. Например, в 1954 году епископ Лужский Михаил (Чуб) утверждал, что поездка в Финляндию в 1945 году митрополита Григория имела «исключительное значение», проведенное им присоединение двух русских монастырей к Московской патриархии было событием «исключительной важности», которое ликвидировало «раскол в монастырях», вызванный «антиканонической деятельностью» архиепископа Германа (Аава) и Церковного управления, «беспрецедентный» в истории Финляндии⁴.

В качестве причин «неудавшейся миссии владыки Григория» епископ Силуан называет «и изменение политического курса Финляндии, и осторожную выжидающую позицию епископата Финляндской Церкви, и активную деятельность малоизвестных, но влиятельных мирян»⁵. Обзор же вышеупомянутых писем патриарха Алексия позволяет обозначить и «геополитическую» составляющую провала.

Началось все с того, что патриарх ознакомил Карпова с поздравительным письмом (23 февраля 1945 года) от архиепископа Финляндского Германа (Аава, 1878–1961), в котором глава Православной церкви Финляндии поздравлял новоизбранного патриарха Алексия I и просил молиться за «автономную финскую церковь». В ответном письме, через два с половиной месяца, патриарх, поблагодарив, выражал желание восстановить нарушенное молитвенно-каноническое общение между церквями [9: 53–54]. 28 октября 1945 года патриарх Алексей направил Константинопольскому патриарху Вениамину письмо, в котором сообщал о намерении принять под свою юрисдикцию Финляндскую православную церковь, как всегда находившуюся в ведении РПЦ [9: 79].

6 декабря того же года патриарх просил Карпова одобрить текст его ответа архиепископу Герману (Ааву). Ранее (2 ноября 1945 года) архиепископ описал условия возвращения Финляндской

церкви и сообщил о «сильном брожении» «среди финско-карельской части православных (70–75 % Финляндской Церкви)», готовых перейти в унию или лютеранство, но не в Русскую церковь, которая ранее, по их мнению, была использована как орудие политики и русификации. Архиепископ Герман называл условиями «возвращения» сохранение автономии и празднование Пасхи по новому стилю [9: 89]. Это было единственное письмо, где затрагивался календарный вопрос. Далее при обсуждении проблемы он не поднимался.

Патриарх Алексей предлагал (8 декабря 1945 года) заверить архиепископа, что Русская церковь живет в условиях «декрета об отделении Церкви от Государства», находится «вне возможности стать каким-либо образом орудием политики» и не намерена никого «русифицировать», принимая во внимание несвязанность понятий «национализм» и «православие». Тем не менее он настаивал на защите интересов оставшихся 25 % русского православного населения Финляндии, которое было крайне заинтересовано в сохранении «исконных традиций православия» [9: 89–90].

Судя по переписке, до 1948 года стоял вопрос именно о возвращении под юрисдикцию Московского патриарха, а не об автокефалии. Причем, как писал патриарх Карпову в январе 1946 года: «Разрешение вопроса о воссоединении с Русской православной церковью оставшихся в отделении православных епархий (Польша, Финляндия, Америка)» много зависело от отношения к «экуменическому движению» и от решения «Всемирного совета церквей» [9: 116]. Патриарх упоминал так называемый «Союз международной дружбы при помощи Церкви (в Лондоне к 1938)»⁶. По его словам, некоторые православные церковные деятели состояли постоянными членами этого Союза: 1) митрополит Фиатирский Германос (Стринопулос) (представитель Константинопольского патриарха в Лондоне), 2) архиепископ Афинский Гамилькар (от Элладской церкви, он же – профессор Алилизатос), 3) экзарх Болгарский Стефан (Шоков), 4) болгарский профессор, протопресвитер Стефан Цанков, 5) сербский епископ Новосадский Ириней (Чирич), 6) митрополит Варшавский Дионисий (Валединский), 7) митрополит Евлогий (Георгиевский) (от русской эмиграции во Франции) и др. [9: 116].

Патриарх Алексей писал, что, так как Русская церковь ранее не посылала делегатов на эти экуменические собрания, это лишило ее возможности быть в курсе того, что там происходило,

и предлагал отправлять на собрания наблюдателей. Это, по его мнению, могло помочь убедить Константинопольского патриарха Вениамина (через митрополита Фиатирского Германоса в Лондоне или при посредстве Экзарха Болгарского Стефана) в необходимости прекратить его прежнюю политику в отношении Русской церкви и отказать Польской и Финляндской церквям в дальнейшем «окормлении», которое к тому же, «согласно томасов», было временным [9: 119].

В феврале 1946 года после кончины патриарха Вениамина патриархом Константинопольским был избран Максим V (Вапорцис, 1897–1972). Он поддерживал дружественные отношения с представителями СССР в Турции, отказался осудить греческих коммунистов. Из писем патриарха Алексия Карпову узнаем, что еще в октябре 1945 года он направлял ходатайство в Константинополь:

«По просьбе православных в Финляндии был возбужден мною вопрос о возвращении Финляндской православной церкви в лоно Матери-Церкви Русской, так как причины временного перехода ее в ведение Вселенского патриарха... отпали. Православная паства Финляндии с нетерпением ждет этого возвращения»⁷.

Ответил ему новый патриарх Максим только 9 марта 1947 года, причем весьма обнадеживающе: «Финляндский церковный вопрос решен, пишем. Константинопольский Максим»⁸.

Ю. Рийконен утверждает, что в то же время, весной 1947 года, патриарх Максим известил архиепископа Германа (Аава) о своем неодобрении плана «воссоединения» [21: 358]. О патриархе Максиме сохранились свидетельства современников: «...скорее, русофил, но ни одного самостоятельного шага он сделать не может: за него работает окружение» [3: 367]. Советское правительство пыталось с помощью финансовых вливаний (50 тыс. долларов) привлечь его на свою сторону [11: 388–389], но он продолжал лавировать. 6 июня 1946 года на совещании в Совете по делам РПЦ с участием патриарха Алексия Г. Г. Карпов упоминал об инструкции Константинопольского патриарха Максима своему экзарху «о противодействии русскому влиянию»⁹. В то же время 9 мая 1948 года в докладной записке Карпова К. Е. Ворошилову говорилось, что патриарх Максим «высказывался в свое время в пользу сближения с Русской церковью» [3: 680].

Под давлением английских, американских и турецких кругов, которым была невыгодна дружба Константинопольского патриарха с СССР, за что его считали человеком «ложного направления» и «русофилом», турецкое прави-

тельство приняло меры к отстранению патриарха Максима от управления Вселенской церковью. Уже в ноябре 1946 года он был объявлен больным (расстройство психики) и отправлен на лечение и в затвор. В течение года на него оказывалось давление и проводилась дискредитирующая кампания в СМИ, хотя он и заявлял, что не являлся коммунистом, но желал лишь объединения православных церквей [14: 283]. Осенью 1948 года он подал на покой, и на его место был продвинут архиепископ Нью-Йоркский, экзарх Константинопольского патриарха по Северной и Южной Америке, Афинагор (Спиру, 1886–1972), «американский ставленник»¹⁰ и ярый антикоммунист, как его называли в бумагах Совета по делам РПЦ. Его деятельность отвечала интересам американского правительства, стремившегося объединить с Ватиканом православные церкви на Ближнем Востоке под флагом борьбы с коммунизмом, он также призывал и христиан, и мусульман сотрудничать с той же целью¹¹.

Патриарх Афинагор не поддержал процесс возвращения Финляндской церкви в Московский патриархат. Процесс, который до того времени, судя по письмам патриарха Алексия, был небезнадежным. 24 апреля 1946 года он писал Карпову, что финляндское правительство полностью сочувствовало идее «возвращения» [9: 148, 176]. Сам он сначала не очень хотел видеть в Москве финскую делегацию с архиепископом Германом, указывая в лучшем случае на Ленинград [9: 174]. Однако Карпов решил, что пригласить архиепископа и еще четырех человек с ним в Москву все же стоит [9: 180]. Переговоры с финской стороной затянулись до осени 1946 года. Оказалось, архиепископ Герман тоже не желал поездки, хотя и уверял, что готов к ней. Его не поддержала партия противников воссоединения [9: 211], чьи голоса были нужны ему в будущем, а несколько назначенных делегатов отказались ехать в Москву.

В январе 1947 года патриарх Алексий известил об этом Карпова. В письме архиепископу Герману он написал, что положение останется прежним: молитвенно-каноническое общение не будет восстановлено вплоть до Собора Финляндской православной церкви, который выразит такое желание [9: 229].

Весной 1947 года процесс «воссоединения» церковью прорабатывали в Министерстве иностранных дел Финляндии и финляндском посольстве в Москве. Однако в Финляндии попытка политиков действовать в обход местного Церковного Собора заставила православную общественность усомниться в благой цели самого процесса межцерковного сближения [21: 358].

Не осталась в стороне и влиятельная в Финляндии Евангелическо-лютеранская церковь. 19 июня 1947 года патриарх Алексей возмущенно сетовал Карпову, что получил от Архиепископа подробный опросник о состоянии Русской церкви с 1938 года. Архиепископ обещал предоставить синодальному собранию евангельско-лютеранского духовенства Финляндии «обстоятельный очерк» об этом. «Вот это нахал!», – резюмировал Карпов [9: 275]. Предложение, действительно, было провокационным. Патриарх Алексей также находил его неуместным. Вот, например, некоторые из вопросов архиепископа:

«7. Есть ли у Церкви... недвижимого имущества: земельные угодья, дома и пр., что имеется и сколько. <...>

14. Как организована материальная сторона жизни духовенства:

Кто содержит епископат: государство или Церковь?

Сколько епископ получает деньгами и что натурою (земельные угодья, квартира, освещение, отопление и т. п.)?

Кто оплачивает официальные поездки... <...>

15. Из какого источника получает средства центральная церковная власть...» [9: 277].

Г. Г. Карпова также насторожили «контакты» финской стороны с «империалистами». Как оказалось, согласно докладной записке Карпова министру иностранных дел Зорину,

«Архиепископ Герман поддерживал тесную связь с американцами и англичанами. В августе 1947 года он договорился с представителем из США о противодействии Московской патриархии. Из Англии и США... получал вещевые посылки и финансовую поддержку» [9: 364–365].

Насколько все это соответствовало действительности, неизвестно.

Спустя полгода – 19 апреля 1948 года – в первый раз в переписке Патриарха всплывает слово «автокефалия» в отношении «финляндского вопроса». Случилось это незадолго до отставки Константинопольского патриарха Максима, последовавшей в октябре 1948 года. В письме личного характера патриарх Алексей писал Карпову: «Я в мыслях имею и Финляндскую Церковь, которую мы могли бы, не нарушая канонов, повести под ту же “политику”, что и Польскую [Церковь], т. е. дать ей автокефалию», для чего было необходимо официальное обращение от финской стороны. «Было бы хорошо теперь же подвинуть этот вопрос, имея в виду сложившиеся добрые отношения между Финляндией и нами» [9: 364–365].

Ожидавшийся 4 октября 1948 года Собор Финляндской православной церкви не состоялся: из-за выборов в Сейм Государственный совет Финляндии не успел вынести решения по вопро-

су возвращения Финляндской церкви в Московский патриархат [9: 365]. Незадолго до данного Собора патриарх Алексей в письме архиепископу Герману подтвердил свое намерение предоставить автокефалию Финляндской церкви [9: 403]¹² и даже составил задним числом (от 3 июня 1948 года) постановление Синода об этом [9: 346, 401]¹³. Условием архиепископа Германа было, чтобы выход из-под Константинополя, как и отделение от Московской патриархии, был проведен через местные Поместный Собор и Государственный совет [9: 365].

Дальнейшие события известны. Новый патриарх Константинопольский Афинагор не почувствовал готовившейся автокефалии. Позиции и в Москве, и в Финляндии сдали не сразу. В 1952 году

«инициатором начала новой стадии переговоров о воссоединении... стала сама финляндская сторона, но теперь на уровне не церковного руководства, а приходского духовенства и мирян, – пишет владыка Силуан (Никитин). – Предстоятель Церкви архиепископ Карельский и всей Финляндии Герман (Аав) и Церковное Управление заняли выжидающую позицию»¹⁴.

8 июля 1951 года заместитель председателя Комитета информации МИД СССР П. В. Федотов описал Г. Г. Карпову «расстановку сил в Финляндской епархии» [9: 631]. «Сторонниками возвращения» оставалось старшее поколение духовенства. Младшее же поколение, составлявшее большинство, было «воспитано в духе национализма» и выступало против. Фактически руководивший в то время всеми церковными делами викарный епископ Александр (Карпин) «хотя и непоследовательно», но поддерживал «присоединение». «По мнению сторонников Московской патриархии, решающую роль... сыграло бы официальное обращение московского патриарха к Финляндской православной церкви» [9: 631], – писал Федотов.

18 января 1952 года Г. Г. Карпов обсуждал с В. Молотовым «финляндский вопрос» и настаивал на необходимости новых переговоров с архиепископом Германом. Он считал целесообразным продолжать давить на него и опубликовать в «Журнале Московской Патриархии» статью о незаконности пребывания Финляндской православной церкви в юрисдикции Константинопольского патриарха, обратиться к последнему с нотой протеста и призвать присоединиться к протесту глав других церквей. М. В. Шкаровский также упоминает, что предполагалось оказать на правительство Финляндии давление в этом вопросе через Карело-Финскую ССР [19: 311].

В апреле 1952 года, после отъезда делегации РПЦ из Хельсинки, большинство членов местного церковного собрания высказалось против присоединения. По их мнению, «Московская церковь» находилась «под влиянием коммунистов», и в случае «присоединения» большинство верующих перешло бы в лютеранство [9: 631].

Владыка Силуан (Никитин) считает, что положительная динамика переговоров, начавшаяся весной 1952 года, была перспективной. Это случилось после

«приезда в Загорск... на Конференцию всех Церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира протоиерея Финляндской Православной Церкви Михаила Мииккола, передавшего митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу) так называемую “Декларацию молодого духовенства Финляндской Православной Церкви”»¹⁵.

В декларации ее авторы выражали опасение по поводу ассимиляции православия с лютеранством и видели выход в воссоединении Финляндской церкви с Русской. Тогда же было решено начать неофициальные переговоры¹⁶.

Однако, несмотря на заинтересованность и готовность идти на уступки лиц, их проводивших (митрополита Николая (Ярушевича) и члена Церковного управления доктора Пааво Контконена), попытка вновь провалилась. П. Контконен предлагал готовый план предоставления автокефалии Финляндской церкви на 1953–1955 годы и по какой-то причине был убежден, что Константинопольский патриарх не будет препятствовать: «Мы уже имеем от него письменное заверение о том, что решение этих вопросов он всецело предоставляет Собору Финляндской Церкви» [14: 315].

В 1953 году патриарх Алексей в майском номере «Журнала Московской Патриархии» назвал Финляндскую церковь епархией Русской церкви, что вызвало всплеск обид с финской стороны¹⁷, послуживший поводом к охлаждению. П. Контконен также опасался, что «воссоединение» вызовет разделение в финляндском обществе, тем более что большинство было против¹⁸, и не особенно обрадовался необходимости для получения автокефалии создавать четвертую епархию (условие Московской патриархии), что требовало дополнительного времени и сил¹⁹. И это были не единственные трудности. Недоверие финской стороны росло, а РПЦ ждали новые испытания с приходом в СССР к власти Хрущева.

Потеря заинтересованности советского правительства в решении «финляндского вопроса» была обусловлена, вероятно, еще и тем, что па-

триарх Алексей был намерен использовать этот вопрос для улучшения положения Церкви в Олонецкой епархии и приграничных с Финляндией районах Карелии.

До революции в Карелии было 565 церквей, 2 127 часовен, 20 монастырей, 1 370 священнослужителей²⁰. Накануне 1930-х годов в Карелии насчитывались 161 действовавшая церковь и 200 священников (91 из них обновленец). К началу Великой Отечественной войны в крае осталось только 50 открытых храмов, богослужение в которых совершали, как правило, сами верующие, читая молитвы перед алтарем [8: 40]. В связи с репрессиями

«в Петрозаводске и по всей республике было уничтожено практически все православное и обновленческое духовенство... Церковная жизнь на местах угасла. Численность православного духовенства за девять лет, с 1929 по 1938 годы, сократилась на 93 %, а количество действующих церквей... на 87,2 %», что свидетельствовало о «полном уничтожении клира и приходской системы в Карелии к концу 1930-х годов»²¹.

В 1944 году Олонецкая епархия утратила свою самостоятельность и перешла в управление Ленинградской и Новгородской митрополии. Попытка восстановить в Карелии самостоятельную епархию была предпринята только в 1947 году, но она не увенчалась успехом. В течение двух лет (1947–1949) на Олонецкую кафедру назначались архиереи, тем не менее ее самостоятельность на четыре десятилетия была утрачена [4: 23].

Патриарх Алексей поднимал эту проблему перед Карповым. На 1 января 1952 года в Карело-Финской ССР было зарегистрировано шесть действовавших церквей: три в Петрозаводске, одна в г. Олонце, одна в с. Ладва Прионежского района и одна в г. Сортавале [9: 631]. 8 февраля 1952 года патриарх писал Карпову о предложенных митрополитом Николаем (Ярушевичем) мерах «к упорядочению положения наших приходов в Финляндии, а также и вообще к укреплению нашего влияния в Финляндии» с целью большего ознакомления «финляндского общества с деятельностью и положением Русской Православной Церкви в СССР» [9: 629]. В конце письма он написал:

«В связи с мероприятиями по укреплению нашего церковного и национального дела в пределах Финляндии необходимо принять меры к улучшению положения церковного дела и в соседней с Финляндией Карело-Финской республике, где обращает на себя внимание тенденция республиканских властей... к сокращению приходов... В Олонецкой епархии необходимо... увеличить число приходов... и в приграничных к Финляндии местах... Обеспечить причты содержанием и жилищными условиями» [9: 629–632].

В результате на письме заместителя председателя Совета Министров Карело-Финской ССР И. Беляева о состоянии дел в Олонецкой епархии Карпов оставил резолюцию: «Насколько сократилось количество церквей и за счет чего – доложить мне» [9: 632]. В дальнейшем советская власть так и не допустила возрождения самостоятельной Олонецкой епархии. В течение многих лет в Карелии действовало всего четыре храма: два в Петрозаводске и по одному в Сортавале и Олонце.

Что касается «финляндского вопроса», то в письмах патриарха за 1952 год Финляндия более не упоминалась. Только 5 января 1953 года он сообщил в Совет о нестроениях в Никольском приходе в Хельсинки и затруднениях в Валаамском монастыре в Хейнявеси. Оба подчинялись Московской патриархии. В приходе из-за недовольства друг другом начались разногласия среди членов Совета прихода. А Валаамскому монастырю с октября 1952 года Финляндское церковное управление угрожало «присоединением к своей юрисдикции» [9: 679–680]. Митрополит Григорий предлагал отправить в Финляндию делегацию для выяснения дел на месте, о чем и сообщал патриарх, ходатайствуя о визах для участников делегации. Он, между прочим, упомянул предыдущую делегацию (март 1952 года), которая «в сущности, ничем делу не помогла» [9: 679].

В 1953 году в справке Совета по делам РПЦ о Финляндии, направленной в ЦК КПСС, говорилось:

«Встреча [нашей церковной] делегации с архиепископом Германом показала, что он относится к вопросу участия Финляндской церкви в борьбе за мир отрицательно, считая, что церковь не должна заниматься политикой. Епископ Александр [Карпин]... ответил, что, поскольку церковь находится на содержании государства, ей неудобно принимать участие в борьбе за мир» [9: 632].

Речь шла как раз о делегации (март 1952 года) в составе протоиереев П. Цветкова и М. Славнитского. Ее задачей было установить

«фактическую и юридическую возможность организации новых... приходов патриаршей церкви... возможность и целесообразность организации в Финляндии особого благочиния русских православных церквей... и присылки благочинного из Советского Союза» [9: 632].

По вопросу возвращения Финляндской церкви в юрисдикцию Московского патриархата инструкция для делегации гласила, что делегаты не должны были делать никаких предложений, «поскольку они уже были сделаны патриархом раньше», но обязаны сообщить епископату Финляндской церкви «о готовности патри-

арха узаконить автокефалию» наравне с тем, как это было сделано в Польше и Чехословакии, но только после инициативы от самой финляндской стороны [9: 632].

Согласно сборнику, патриарх Алексей познакомился с вышеупомянутой «Декларацией» от молодых священников Финляндии только в 1953 году [9: 680], и это не нашло сколько-нибудь примечательного отражения в переписке. Рекомендованная делегация посетила Финляндию (21 июля – 12 августа 1953 года), в ее задачи входила в том числе встреча с инициаторами декларации. В то же время там находился с визитом митрополит Николай (Ярушевич). Несмотря на впечатляющий успех делегации и митрополита Николая, в переписке патриарха «финляндская тема» впервые всплыла только 30 сентября 1954 года, причем не как самостоятельный предмет обсуждения, а в качестве комментария к действиям «в Париже, Финляндии и Америке» патриарха Константинопольского, которые Святейший назвал «большим» для последнего «вопросом» [10: 87].

В Константинополе этот «большой вопрос» был рассмотрен 22 декабря 1953 года²². Официальное постановление Синода Константинопольской церкви и патриарха Афинагора о Финляндской церкви стало известно 19 мая 1954 года. В нем значилось, что Финляндская церковь, в согласии с новыми условиями жизни, находится в канонически законном положении, одобренном всеми Поместными церквями. Константинопольский патриарх считал, что на Соборе Финляндской православной церкви 1955 года нет необходимости поднимать вопрос о переходе в Московский патриархат. В феврале 1955 года официальный печатный орган Финляндской православной церкви «Аамун Който» заявил о прекращении публичной полемики о канонических разногласиях в местной Православной церкви ввиду несозидательного характера подобных споров [9: 326–327].

В 1950-е годы несвобода Московской патриархии в СССР была выгодной для Финляндского церковного управления, поскольку давала возможность манипулировать более сильным противником. Лавирование и балансирование между Москвой и Константинополем продолжалось в Финляндской церкви все 1950-е годы. Финские исследователи считают этот процесс обусловленным «политическими заигрываниями Финляндии и Советского Союза», которые «вели, с одной стороны, к улучшению положения дел в целом и для Финляндской Православной Церкви, в частности. С другой стороны, они так

и не смогли улучшить уже сложившийся негативный образ Московского Патриархата» в Финляндии [21: 363]. Финляндская православная церковь, в некотором смысле, следовала политической линии правительства, тон которой задал еще в 1944 году К. Г. Маннергейм. Его заботило, чтобы высший эшелон власти в Финляндии не был связан «безальтернативной» политикой по отношению к России [5: 186–187].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор переписки патриарха Алексия с Г. Г. Карповым показывает, что положительное решение «финляндского вопроса» находилось в прямой зависимости от позиции экуменического движения и Всемирного Совета церквей. Также мы можем наблюдать связь урегулирования «финляндского вопроса» с намерением патриарха Алексия улучшить положение Православной

церкви в Карелии, что не входило в планы советского правительства.

Ровными государственно-церковными отношениями в СССР сохранялись лишь внешне. В последние годы жизни Сталина курс государства на ограничение роли Церкви и ее влияния не только в политике, но и во всех сферах жизни общества стал радикальнее. В результате такой поворот в государственной политике привел к закрытию действовавших храмов, сокращению числа духовных школ, новому усилению антирелигиозной пропаганды.

Канонические отношения между Русской и Финляндской православными церквями были восстановлены только в 1957 году, полностью на условиях финляндской стороны – с сохранением нового календарного стиля в богослужении, включая Пасхалию, юрисдикции Константинопольского патриарха и забвением прежних споров и разногласий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Силуан (Никитин), иером. Проект предоставления автокефалии Финляндской Православной Церкви в 50-е годы XX века // Богослов.ru: научный богословский портал / Гл. ред. прот. П. Великанов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bogoslov.ru/article/4540972> (дата обращения 01.10.2020).
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 138. Л. 158.
- ⁵ Силуан (Никитин), иером. Проект предоставления автокефалии Финляндской Православной Церкви в 50-е годы XX века.
- ⁶ World Alliance for International Friendship Through the Churches Collected Records, 1914–1947. Генеральным секретарем Альянса многие годы был Генри Аткинсон (Henry Atkinson).
- ⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 132. Л. 73; Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 67. Л. 21–21 об.
- ⁸ Там же. Оп. 7. Д. 132. Л. 73.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 34.
- ¹⁰ Казаков А. В. Какова роль ЦРУ в избрании Константинопольского патриарха // Независимая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2018-10-16/15_452_patriarch.html (дата обращения 01.02.2020).
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 132. Л. 1.
- ¹² В письме от 20 сентября 1948 года.
- ¹³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 429. Л. 54.
- ¹⁴ Силуан (Никитин), иером. Проект предоставления автокефалии Финляндской Православной Церкви в 50-е годы XX века.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Письмо П. Контконена в Московскую патриархию 15 октября 1953 г. (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 138. Л. 151–155).
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 121. Л. 159.
- ¹⁹ Там же. Л. 158.
- ²⁰ Краткие сведения о епархии // Православие в Карелии: Информационный отдел Петрозаводской и Карельской епархии 2001–2017 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eparhia.karelia.ru/eparhia.htm> (дата обращения 20.01.2020).
- ²¹ Басова Н. А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 19.
- ²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 147. Л. 13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. А. Иллюзия и догмы: взаимоотношения Советского государства и религии. М.: Политиздат, 1991. 400 с.

2. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства. 1943–1948 гг. М.: Ин-т российской истории РАН, 1999. 212 с.
3. Власть и церковь в Восточной Европе, 1944–1953: Документы российских архивов: В 2 т. / Редкол.: Т. В. Волокитина (отв. ред.) и др. Т. 1. 1944–1948. М.: РОССПЭН, 2009. 887 с.
4. Константин (Горянов), митр. История Православия на Карельской земле // Православие в Карелии: Материалы IV науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (25–26 ноября 2015 г., г. Петрозаводск) / Ред.: Н. А. Басова, А. М. Пашков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 12–24.
5. Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 208 с.
6. Одинцов М. И. Государство и церковь в России: XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.
7. Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьба Отечества и Церкви на страницах архивных документов: В 2 ч. М.: РАГС, 1999.
8. Олонецкая епархия: страницы истории / Сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск, 2001. 253 с.
9. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг.: В 2 т. / Ред. Н. А. Кривова; Отв. сост. Ю. Г. Орлова; Сост. О. В. Лавинская, К. Г. Ляшенко. Т. I. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 847 с.
10. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР 1945–1970 гг.: В 2 т. / Ред. Н. А. Кривова; Отв. сост. Ю. Г. Орлова; Сост. О. В. Лавинская, К. Г. Ляшенко. Т. II. 1954–1970 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 671 с.
11. Русская Православная Церковь. XX век / Авт.-сост. А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева, А. В. Журавский. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. 800 с.
12. Силуан (Никитин), иером. Архиепископ Герман (Аав) – первый предстоятель Финляндской Православной Церкви // Христианское чтение. 2017. № 3. С. 253–277.
13. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.
14. Шевченко Т. И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М.: ПСТГУ, 2012. 500 с.
15. Шевченко Т. И. Православная Церковь Финляндии после Второй мировой войны: «между Москвой и Константинополем» // Российская история. 2010. № 2. С. 176–184.
16. Шкаровский М. В. Константинопольская и Русская Церкви в период великих потрясений 1910-е – 1950-е годы. М.: Познание, 2019. 304 с.
17. Шкаровский М. В. Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М.: Индик., 2014. 230 с.
18. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в 1943–1957 годах // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 36–56.
19. Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с.
20. R i i k o n e n V. Arkkipiispa Hermanin elämä. Helsinki: Ort. Pappien Liitto, 1986. 287 s.
21. R i i k o n e n J. Kirkko politiikan syleilyssa: Suomen ortodoksisen arkkipiisapakunnan ja Moskovan patriarkaatin valinen kanoninen erimielisyys 1945–1957. Joensuu, 2007. 370 s.

Поступила в редакцию 03.03.2020; принята к публикации 27.12.2020

Original article

Tatyana I. Shevchenko, Cand. Sc. (Theology), Cand. Sc. (History),
St. Tikhon's Orthodox University
(Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6497-503X; tatyana_valaam@mail.ru

**“FINNISH ISSUE” IN CORRESPONDENCE BETWEEN PATRIARCH ALEXIS I
AND THE CHAIRMAN OF THE COUNCIL FOR THE AFFAIRS
OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH G. G. KARPOV**

Abstract. The article addresses the “Finnish issue” in the correspondence between Alexis I (Simansky), Patriarch of Moscow, and Georgiy Grigoryevich Karpov, the Chairman of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church established in 1943. The correspondence covers the period between 1945 and 1953. The entire correspondence (1945–1970) was published in the two-volume edition of the Russian Political Encyclopedia Publishing House in 2009. The “Finnish issue” included the discussion of measures and strategies for restoring canonical relations between the Russian and Finnish Orthodox Churches. In 1921, Moscow Patriarch Tikhon (Bellavin) granted autonomy to the Finnish Orthodox Church, and in 1923 it came under the jurisdiction of the Constantinople Patriarch, despite the protest of

Patriarch Tikhon. After that, relations between the Russian and Finnish Orthodox Churches were interrupted. The difficult situation of the Church in Soviet Russia and the Second World War did not allow both sides to discuss this issue. During the first post-war years, the Soviet government was interested in involving the Russian Orthodox Church in promoting its international policy. The review of the correspondence shows the dynamics of the discussion between Patriarch Alexis and G. G. Karpov on the problem of restoring the canonical communion between the Russian and Finnish Orthodox Churches, reveals some new issues arising from it, and helps to understand why the Finnish Orthodox Church was not granted autocephaly at that time.

Key words: history of the Russian Orthodox Church in the XX century, Finnish Orthodox Church, Patriarch Alexis (Simansky), Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, Georgiy Grigoryevich Karpov, Archbishop Germanus (Aav), autocephaly, Soviet-Finnish relations, state-church relations

For citation: Shevchenko, T. I. "Finnish issue" in the correspondence between Patriarch Alexis I and the Chairman of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church G. G. Karpov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):44–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.583

REFERENCES

1. Alekseev, V. A. Illusions and dogmas: relationship between the Soviet state and religion. Moscow, 1991. 400 p. (In Russ.)
2. Vasil'eva, O. Yu. The Russian Orthodox Church in the policy of the Soviet state. 1943–1948. Moscow, 1999. 212 p. (In Russ.)
3. Power and the church in Eastern Europe, 1944–1953: Documents of Russian archives. In 2 vols. (T. V. Volokitina et al., Eds.). Vol. 1. 1944–1948. Moscow, 2009. 887 p. (In Russ.)
4. Konstantin (Goryanov), Metropolitan. History of Orthodoxy on Karelian soil. "Orthodoxy in Karelia": Proceedings of the IV Conference Commemorating the 25th Anniversary of Restoring the Petrozavodsk and Karelian Diocese (Petrozavodsk, November 25–26, 2015). (N. A. Basova, A. M. Pashkov, Eds.). Petrozavodsk, 2016. P. 12–24. (In Russ.)
5. Meri, V. Carl Gustaf Mannerheim – Marshal of Finland. Moscow, 1997. 208 p. (In Russ.)
6. Odintsov, M. I. State and Church in Russia: XX century. Moscow, 1994. 171 p. (In Russ.)
7. Odintsov, M. I. Russian Patriarchs of the XX century: The fate of the motherland and the Church on the pages of archival documents. In 2 vols. Moscow, 1999. (In Russ.)
8. Olonets Diocese: pages of history. (N. A. Basova et al., Eds.). Petrozavodsk, 2001. 253 p. (In Russ.)
9. Letters from Patriarch Alexis I to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars – the Council of Ministers of the USSR. 1945–1953. (N. A. Krivova, Ed.; Yu. G. Orlova, O. V. Lavinskaya, K. G. Lyashenko, Comp.). Vol. 1. Moscow, 2009. 847 p. (In Russ.)
10. Letters from Patriarch Alexis I to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars – the Council of Ministers of the USSR. 1954–1970. (N. A. Krivova, Ed.; Yu. G. Orlova, O. V. Lavinskaya, K. G. Lyashenko, Comp.). Vol. 2. Moscow, 2010. 847 p. (In Russ.)
11. The Russian Orthodox Church. The XX century (A. L. Beglov, O. Yu. Vasil'eva, A. V. Zhuravskiy, Auth., Comp.). Moscow, 2008. 800 p. (In Russ.)
12. Siluan (Nikitin), Hieromonk. Archbishop Germanus (Aav) – the first Primate of the Finnish Orthodox Church. *Christian Reading*. 2017;3:253–277. (In Russ.)
13. Chumachenko, T. A. The state, the Orthodox Church and believers. 1941–1961. Moscow, 1999. 246 p. (In Russ.)
14. Shevchenko, T. I. The Valaam Monastery and establishment of the Finnish Orthodox Church (1917–1957). Moscow, 2012. 500 p. (In Russ.)
15. Shevchenko, T. I. "Between Moscow and Constantinople": the Orthodox Church of Finland after the World War II. *Russian History*. 2010;2:176–184. (In Russ.)
16. Shkarovskiy, M. V. The Constantinople and Russian Orthodox Churches during the "great upheavals" between the 1910s and the 1950s. Moscow, 2019. 304 p. (In Russ.)
17. Shkarovskiy, M. V. The Constantinople Patriarchate and the Russian Orthodox Church in the first half of the XX century. Moscow, 2014. 230 p. (In Russ.)
18. Shkarovskiy, M. V. The Russian Orthodox Church in 1943–1957. *Issues of History*. 1995;8:36–56. (In Russ.)
19. Shkarovskiy, M. V. The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: state-church relations in the USSR in 1939–1964. Moscow, 1999. 400 p. (In Russ.)
20. Purmonen V. Arkkipiispa Hermanin elämä. Helsinki, 1986. 287 s.
21. Riikonen J. Kirkko politiikan syleilyssa: Suomen ortodoksisen arkkipiispakunnan ja Moskovan patriarkaatin valinen kanoninen erimielisyys 1945–1957. Joensuu, 2007. 370 s.

Received: 3 March, 2020; accepted: 27 December, 2020

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРТОШ

аспирант

Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
bertosh.andrei@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ТУРИЗМА НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

Аннотация. Рассматриваются процессы становления туризма на Кольском Севере в первые послереволюционные десятилетия. Новизна исследования заключается в анализе туристско-экскурсионной деятельности на территории региона в 1920-х – первой половине 1930-х годов, проведенном на основе архивных и опубликованных источников и позволяющем выявить особенности этого явления в указанный период, определить основные направления и хронологические этапы его развития. Актуальность определяется необходимостью изучения советского опыта организации туризма, что делает возможным сопоставление его с современными практиками, реализуемыми в условиях, когда туристско-рекреационная сфера признана одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Мурманской области. В рассматриваемый период государство стремилось привлечь участников туристской деятельности к решению политико-пропагандистских и прикладных (разведка полезных ископаемых, изучение отдаленных районов, обмен производственным опытом и т. п.) задач. Наибольшее распространение на Кольском Севере получили различные сочетания экскурсионно-просветительского, путевочного и массового самодеятельного туризма. Систематическую работу по формированию туристского направления на территории региона в первой половине 1920-х годов начала проводить Мурманская железная дорога. Региональная система туристско-экскурсионной деятельности была сформирована к середине 1930-х годов, что в значительной степени стало итогом работы местных структур Общества пролетарского туризма и экскурсий.

Ключевые слова: Кольский Север, туристско-экскурсионная деятельность, железнодорожный туризм, туристское движение, туристские маршруты

Для цитирования: Бертош А. А. Институционализация советской системы туризма на Кольском Севере // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 55–60. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.584

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 1920-х годов партийными и государственными органами проводилась активная работа по реорганизации и институционализации наиболее значимых сфер советского общества. Социальная жизнь, претерпевшая после революционных событий 1917 года всеобъемлющие изменения, адаптировалась к новым реалиям под административным воздействием органов власти. Не был обойден вниманием и туризм, социально-экономическая и культурная роль которого в России значительно возросла в начале XX века. Организация туристско-экскурсионной деятельности на территории региона в указанный период осуществлялась

на основе взаимодействия политики государства с частными и общественными инициативами.

Тематика формирования туристской сферы на Кольском Севере в 1920-е – первой половине 1930-х годов лишь кратко затрагивалась в рамках обобщающих работ, посвященных истории отечественного туризма в целом [10] и в отдельных регионах страны [4]. Вопросы, связанные с туристско-экскурсионной деятельностью, затрагивались в исследованиях истории краеведческого движения на Севере¹. Сравнительно большее внимание в историографии уделено развитию туризма в Хибинском горном массиве [6]. Исследователями отмечаются недостаточная сохранность и разрозненность архивных документов, относящихся к теме советского туризма 1920–1930-х годов, а также идеологическая тенденциозность опу-

бликованных в указанный период материалов [10: 26–29, 33–35], что требует анализа этих источников в комплексе. Процессы организационного оформления сферы туризма рассматриваются в статье на базе документов Государственного архива Мурманской области (ГАМО) и опубликованных источников.

* * *

Основными факторами, формировавшими систему туризма в первые послереволюционные десятилетия, были политика государства, направленная на решение определенных задач [8: 249], рекреационно-оздоровительные потребности населения, а также общественные инициативы, целью которых был поиск новых форм активности в изменившихся условиях жизни. Освоение северных и арктических регионов в этот период считалось одним из приоритетных направлений государственной политики, требовавшим привлечения значительных материальных и человеческих ресурсов. Экскурсионная деятельность стала одной из составляющих пропагандистской работы, призванной сформировать привлекательный образ развития этих территорий.

Кольский Север², расположенный на крайнем северо-западе государства, в географическом отношении охватывает Кольский полуостров, прилегающие к нему с запада и юго-запада участки материка, часть акватории Баренцева и Белого морей, а также ряд островов и архипелагов. С точки зрения развития туристско-экскурсионной деятельности регион является одной из наиболее доступных в транспортном отношении арктических территорий страны.

Туризм на Кольском Севере в первой половине 1920-х годов носил характер единичных поездок, имевших различные цели. Начало экскурсионной активности в крае было связано с геологическим изучением его территории. Одни из наиболее ранних описаний маршрутов, которые могли использоваться при организации экскурсий, содержатся в публикациях начала 1920-х годов, посвященных геолого-минералогическим исследованиям региона³. В основном эта информация была рассчитана на туристов, интересующихся геологией, досуг которых предполагалось совместить с участием в разведке полезных ископаемых.

С первых лет советской власти государственные органы просвещения различных уровней уделяли внимание внедрению экскурсионных методов в школьное образование. Так, уже в 1918 году по распоряжению Народного комиссариата просвещения было создано Бюро школьных экскурсий [2: 2]. Одним из первых по-

сещений Кольского полуострова школьниками из другого региона стала поездка учащихся города Петрограда, проведенная в 1921 году Н. П. Андиферовым⁴, входящим в число основоположников советской экскурсионной школы [12: 60]. Поездку предполагалось использовать для «каникулярного, согласованного изучения единого объекта разнородными школьными дисциплинами»⁵.

Летом 1924 года на Кольский Север была организована экскурсия ленинградских школьников под руководством сотрудника Лесного института Г. Н. Боца. В книге, изданной по итогам поездки⁶, он отмечал, что главная цель экскурсий «должна заключаться в познании природы севера»⁷. До середины 1920-х годов туристско-экскурсионная деятельность в регионе не имела единой организационной структуры и носила характер разрозненной инициативной деятельности, в которой преобладали самостоятельный туризм и экскурсии с образовательно-просветительскими целями.

Системность в туристскую сферу Кольского Севера внесла деятельность Мурманской железной дороги. Знаковым в этом отношении событием стало образование при коммерческом отделе МЖД 25 мая 1925 года Дорожного экскурсионного бюро⁸, председателем которого был назначен В. К. Звеньев [4: 48]. В число первоочередных мероприятий, реализуемых бюро, вошли организация «Стола справок» для информирования об экскурсионных маршрутах, который начал свою работу 10 июня 1925 года⁹, и установление скидки в размере 30 % на проезд экскурсантов железнодорожным транспортом¹⁰ (в дальнейшем скидка была увеличена до 50 %¹¹).

Большое внимание руководство Мурманской железной дороги уделяло рекламно-просветительской работе, направленной на привлечение новых туристов и экскурсантов. Для популяризации туристских направлений активно использовался журнал «Вестник Карело-Мурманского края»¹², в котором с июня 1925 года существовал постоянный тематический раздел «Листок Дорожного Экскурсионного Бюро»¹³. В 1925 году бюро подготовило издание иллюстрированного «Спутника экскурсанта по Карело-Мурманскому краю»¹⁴.

При подведении итогов первых месяцев работы Дорожного экскурсионного бюро отмечалось, что за этот период были успешно организованы несколько экскурсий разной направленности, «внутренний идейный результат» которых оценивался руководством как «блестящий», но общая численность их участников (несколько десятков человек)¹⁵ демонстрировала реаль-

ные масштабы туристско-экскурсионной деятельности. С февраля 1926 года один из основных организаторов экскурсионной работы на Мурманской железной дороге В. К. Звеньев оставляет должность председателя ДЭБ¹⁶, в тот же период сокращается количество публикаций по теме экскурсий в журнале «Вестник Карело-Мурманского края», снижается популяризаторская активность МЖД.

Сравнительные доступность и комфорт железнодорожного туризма позволяли в середине 1920-х годов привлекать к поездкам на Кольский Север путешественников, различных по своему социальному положению и целевым установкам. В этот период деятельность Мурманской железной дороги объединяла направления экскурсионно-просветительского, путевочного и самостоятельного туризма.

Со второй половины 1920-х годов в сфере советского внутреннего туризма наметилось развитие по двум основным направлениям: рекреационно-путевочная туристская деятельность на коммерческой основе перешла под почти монопольный контроль государственного акционерного общества «Советский турист», созданного в 1928 году¹⁷, а массовое самостоятельное туристское движение начало оформляться, при организационном участии комсомола, в единую структуру, руководствующуюся в своей деятельности принципами «пролетарского туризма».

Российское общество туристов, ведущее свою историю с 1901 года, в 1920-х годах возобновило деятельность, а в 1929 году на его основе было создано Общество пролетарского туризма (ОПТ) РСФСР [1: 73], [3: 89], [5: 68]. Кольский полуостров был отнесен к числу направлений, по которым Общество уже летом 1930 года планировало организовать свои маршруты¹⁸. Постановлением Совета народных комиссаров от 8 марта 1930 года Общество пролетарского туризма и АО «Советский турист» были объединены во Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) [9: 111]. Появление централизованной организации отражало тенденции рубежа 1920–1930-х годов, связанные с институционализацией общественной сферы и активизацией пропагандистской работы по всем направлениям. В сложившихся условиях ОПТЭ призвано было обеспечить мобилизацию имеющегося потенциала туризма для решения как идеолого-просветительских, так и прикладных задач [13: 103], [14: 13], [15: 119].

10 апреля 1932 года на территории региона, в окрестностях города Хибиногорска¹⁹, была открыта база Общества. В заметке, рассказывавшей об этом событии, сообщалось, что «туризм

на Кольском полуострове... должен стать основным звеном в деле поисков и разведки [полезных ископаемых]»²⁰. 17 апреля 1932 года в Хибиногорске прошла 1-я городская конференция ОПТЭ [6: 17], а 1-я Мурманская окружная конференция Общества, сформировавшая Мурманский окрсовет ОПТЭ, подчиненный Ленинградскому областному совету²¹, состоялась 16 декабря 1933 года²².

Выстраивание организационного взаимодействия вышестоящих структур Общества с районными советами ОПТЭ потребовало некоторого времени. В отчете за 1934 год Кировский районный комитет Общества отмечает, что руководство со стороны Ленинградского областного совета ОПТЭ «совершенно отсутствует»²³. В свою очередь Ленинградский облсовет заявил о включении в план своей деятельности на 1935 год постоянной контрольно-консультационной работы с райсоветами Общества²⁴.

Для налаживания методической помощи областное руководство ОПТЭ в начале 1935 года провело анкетирование райсоветов Общества²⁵. Сбор сведений с мест, помимо решения организационно-методических и статистических задач, позволял обобщить информацию по объектам туристского показа. Экскурсантов предполагалось знакомить не только с посещаемой местностью, ее природными особенностями и историей, но и с опытом освоения территории, производственной и сельскохозяйственной деятельностью²⁶. Указанный формат находился в русле решений I Всесоюзного съезда ОПТЭ 1932 года, которыми устанавливалось, что индустриальные экскурсии по обмену производственным опытом должны превратиться в массовое постоянное явление²⁷.

Изданный в 1935 году путеводитель по Карелии и Кольскому полуострову²⁸ указывает в качестве одной из основных задач туризма – «изучить глухие, неисследованные места нашего Союза, помочь их освоению»²⁹. В путеводителе многие экскурсионные маршруты ориентированы на инфраструктуру Общества пролетарского туризма и экскурсий, сформированную к 1935 году. В качестве объектов ОПТЭ на территории Кольского полуострова издание называет Хибиногорскую базу³⁰ и лагерь на озере Умбозеро³¹, а также планируемую к созданию базу в селе Ловозеро³². Кроме того, в июне 1935 года в Кировске была открыта детская экскурсионно-туристическая база [6: 18].

К середине 1930-х годов Общество пролетарского туризма и экскурсий, обладая необходимой инфраструктурой, материальными ресурсами и административной поддержкой, сформировало региональную систему туристско-

экскурсионной деятельности. Местные структуры ОПТЭ реализовывали в своей работе установки руководящих органов общества.

Отражением процессов централизации общественной жизни страны под контролем государства стала ликвидация ОПТЭ в соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 17 апреля 1936 года [7: 95]. Задачи организации туристской деятельности были распределены между различными ведомствами³³, а экскурсионно-путевочная деятельность, вместе со всей существующей и строящейся инфраструктурой ОПТЭ, перешла под контроль туристско-экскурсионного управления, созданного в структуре Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов [11: 177].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие туристско-экскурсионной деятельности на территории Кольского Севера в 1920-е – первой половине 1930-х годов име-

ло региональные особенности, детерминированные географическим положением и природно-климатическими условиями края, а также процессами начавшегося освоения его территории.

Просветительские усилия Мурманской железной дороги во второй половине 1920-х годов содействовали формированию привлекательного для туристов образа региона, но были направлены в основном на популяризацию путешествий железнодорожным транспортом и развитие экскурсионной деятельности на коммерческой основе. В первой половине 1930-х годов при активном участии Общества пролетарского туризма и экскурсий произошло организационное оформление региональной туристско-экскурсионной сферы как элемента общегосударственной системы.

На рубеже 1920–1930-х годов Кольский Север начал приобретать статус самостоятельного туристского направления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Голов А. Г. Краеведческое движение на Европейском Севере России в 1920–1930-е годы (по материалам Республики Карелия и Мурманской области): Дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2008. 215 с.
- ² В данной статье термином «Кольский Север» обозначается исторически сложившийся регион, территория которого соответствует Мурманской области в ее современных границах; административный статус региона и его границы в рассматриваемый период неоднократно менялись.
- ³ Костылева Е. Е., Бонштедт Э. М. Предварительный отчет Минералогической экспедиции на Хибинский массив Кольского полуострова // Труды Северной научно-промышленной экспедиции. 1921. Вып. 10. 23 с.; Путеводитель геологических экскурсий / Первый Всероссийский геологический съезд. Петроград, 1–12 июня 1922 года. Пг., 1922. 137 с.
- ⁴ Анциферов Н. П. По пути в Мурманский край (Экскурсионная школьная разведка) // Север. 1923. Кн. 2. С. 182–198.
- ⁵ Там же. С. 183.
- ⁶ Боч Г. Н. Экскурсия на Север (Мурман и Хибины). Л.: Гос. изд-во, 1926. 115 с.
- ⁷ Там же. С. 6.
- ⁸ Дорожное Экскурсионное Бюро // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 17–18 (32–33). С. 14.
- ⁹ Стол справок // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 19 (34). С. 16.
- ¹⁰ Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 17–18 (32–33). С. 42.
- ¹¹ Звенов В. Что сделано ДЭБом (Материал для дискуссии) // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 28 (43). С. 15.
- ¹² Журнал издавался с 1924 года Правлением МЖД и Совнаркомом АКССР; с 1926 года носил название «Карело-Мурманский край».
- ¹³ Звенов В. Д. Э. Б. (Дорожное Экскурсионное Бюро) // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 17–18 (32–33). С. 2.
- ¹⁴ Спутник экскурсанта по Карело-Мурманскому краю / Под ред. В. К. Звенева. Петрозаводск: Типо-литогр. Мурманской жел. дор., 1925. 66 с.
- ¹⁵ Звенов В. Что сделано ДЭБом (Материал для дискуссии) // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 28 (43). С. 17.
- ¹⁶ Звенов В. К. Письмо в редакцию // Вестник Карело-Мурманского края. 1926. № 9. С. 24.
- ¹⁷ Арцыбашев Д. В. История туристско-экскурсионной деятельности в России (вторая половина XIX–XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. С. 132–133.
- ¹⁸ Юрчикова Е. В. Туризм в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов: организационные и пропагандистские аспекты движения: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 62.
- ¹⁹ Город с 1934 года носит название Кировск.
- ²⁰ Маркова Н. Н. Первая Полярная конференция // Карело-Мурманский край. 1932. № 3–4. С. 23.
- ²¹ В 1927–1938 годах регион имел административный статус Мурманского округа Ленинградской области.
- ²² Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5.
- ²³ Там же. Л. 13.
- ²⁴ Там же. Л. 7.

- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 9.
- ²⁷ Юрчикова Е. В. Указ. соч. С. 93.
- ²⁸ Бартольд Е. Ф. По Карелии и Кольскому полуострову: Путеводитель. Л.: ОГИЗ – Физкультура и туризм, 1935. 139 с.
- ²⁹ Там же. С. 3.
- ³⁰ Там же. С. 91–92.
- ³¹ Там же. С. 87.
- ³² Там же. С. 124.
- ³³ Юрчикова Е. В. Указ. соч. С. 98–99.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Спортивный туризм в СССР и России (к истории развития). М., 2015. 444 с.
2. Арцыбашев Д. В., Арцыбашева Т. Н. Детско-юношеская туристско-экскурсионная деятельность в Советском Союзе: государственная политика и формы организации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3316 (дата обращения 01.12.2020).
3. Баталова Л. В., Мерзлякова Г. В. История развития дореволюционного отечественного туристско-экскурсионного дела // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Т. 151. № 2-2. С. 83–91.
4. Глушанок Т. М. История туризма Карелии: Монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 176 с.
5. Голубева О. А. Российский туризм в 1920–70-х годах: система организации и управления // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). С. 68–75.
6. Дюжилов С. А. Краеведческое движение в Хибинах (1930-е годы) // Чарнолуские чтения: Материалы межвуз. науч.-практ. конф., 24–26 марта 2008 года. Мурманск: МГПУ, 2009. Т. 1. С. 16–21.
7. Завьялова С. В. Туристско-экскурсионная сфера в СССР: формирование, развитие, законодательство // WORLDSCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: Сб. ст. XXXI Междун. науч.-практ. конф. Ч. 1. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. С. 94–99.
8. Ларионов А. А. Феномен пролетарского туризма и его развитие в СССР в 1920–1930-е годы // Экология: синтез естественно-научного, технического и гуманитарного знания: Материалы III Всерос. науч.-практ. форума (Саратов, 10–13 октября 2012 г.) и I Школы интерэкоправа (Саратов, 11–12 октября 2012 г.). Саратов: Изд-во ЕвразНИИПП, 2012. С. 249–251.
9. Оборина Е. А. «Пролетарский» туризм 1920-х – середины 1950-х гг. как социально-культурное явление // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2010. № 1 (12). С. 110–113.
10. Орлов И. Б., Юрчикова Е. В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 224 с.
11. Путрик Ю. С. Советский опыт и преемственность традиций в отечественном туризме // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 177–181.
12. Смирнова А. Г. Из истории отечественной экскурсионной школы: Петроградский (Ленинградский) экскурсионный институт (1921–1924 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». 2012. № 6 (86). С. 58–77.
13. Шульгина О. В., Шульгина Д. П. Феномен пролетарского туризма в 30-е годы XX века: объекты посещения, информационное обеспечение, идеология // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 99–113. DOI: 10.7256/2454-0609.2018.5.26932
14. Юрчикова Е. В. Из истории развития туризма в СССР в 1930-е годы // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 13–16.
15. Koenker D. The proletarian tourist in the 1930s: Between mass excursion and mass escape // Turizm: The Russian and East European tourist under capitalism and socialism. (A. Gorsuch, D. Koenker, Eds.). Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 119–140.

Поступила в редакцию 30.12.2020; принята к публикации 29.01.2021

Original article

Andrey A. Bertosh, Postgraduate Student,
Barents Centre of the Humanities –Branch of the Federal
Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy
of Sciences”
(Apatity, Russian Federation)
bertosh.andrei@yandex.ru

INSTITUTIONALIZATION OF THE SOVIET TOURISM SYSTEM IN THE KOLA NORTH

Abstract. The article examines the processes of tourism formation in the Kola North during the first post-revolutionary decades. The novelty of the research lies in the analysis of tourism and excursion activities in the territory

of the region between the 1920s and the first half of the 1930s, carried out on the basis of archival and published sources, and enabling to identify the features of this phenomenon in the specified period, as well as to determine the main directions and chronological stages of its development. The relevance of the article is determined by the need to study the Soviet experience in organizing tourism in order to compare it with modern practices implemented under conditions when the tourism and recreation sphere is recognized as one of the priority areas of the socio-economic development of the Murmansk region. During the studied period, the state sought to involve tourism activities participants in serving political and propaganda goals or fulfilling practical tasks (such as mineral exploration, studying remote areas, exchange of production experience, etc.). Various combinations of sightseeing and educational, package, and mass amateur tourism were most common in the Kola North. In the first half of the 1920s, the Murmansk Railway began systematic work on the formation of a tourist destination in the region. The regional system of tourism and excursion activities was formed by the mid-1930s, which was largely the result of the work of the local structures of the Society of Proletarian Tourism and Excursions.

Key words: Kola North, tourism and excursion activities, railway tourism, tourist traffic, tourist routes

For citation: Bertosh, A. A. Institutionalization of the Soviet tourism system in the Kola North. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):55–60. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.584

REFERENCES

1. Alekseev, A. A. Sports tourism in the USSR and Russia (the history of development). Moscow, 2015. 444 p. (In Russ.)
2. Artsybashev, D. V., Artsybasheva, T. N. Children and adolescent tourism and excursion activities in the Soviet Union: state policy and forms of organization. *Scientist Notes. The Online Academic Journal of Kursk State University*. 2019;3(51). Available at: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3316 (accessed 01.12.2020). (In Russ.)
3. Batalova, L. V., Merzlyakova, G. V. The history of the development of the pre-revolutionary domestic tourism and excursion industry. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2009;151(2-2):83–91. (In Russ.)
4. Glushanok, T. M. The tourism history of Karelia: Monograph. Petrozavodsk, 2018. 176 p. (In Russ.)
5. Golubeva, O. A. Russian tourism between the 1920s and the 1970s: the system of organization and management. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;15(196):68–75. (In Russ.)
6. Dyuzhilov, S. A. Local history movement in the Khibiny (1930s). *Charnoluskiy Readings: Proceedings of the interuniversity research and practice conference, March 24–26, 2008*. Murmansk, 2009. Vol. 1. P. 16–21. (In Russ.)
7. Zavyalova, S. V. Tourist sphere in the USSR: formation, development, legislation. *WORLDSCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: Proceedings of the XXXI international research and practice conference*. Part 1. Penza, 2019. P. 94–99. (In Russ.)
8. Larionov, A. A. The phenomenon of proletarian tourism and its development in the USSR in the 1920s and the 1930s. “Ecology: Synthesis of Natural Sciences, Technology and Humanities”: *Proceedings of the III all-Russian research and practice forum (Saratov, 10–13 October, 2012) and the I School of International Environment Law (Saratov, 11–12 October, 2012)*. Saratov, 2012. P. 249–251. (In Russ.)
9. Oborina, E. A. “Proletarian” tourism of the 1920s – mid-1950s as a socio-cultural phenomenon. *Perm University Herald. History*. 2010;1(12):110–113. (In Russ.)
10. Orlov, I. B., Yurchikova, E. V. Mass tourism in the everyday life under Stalin’s regime. Moscow, 2010. 224 p. (In Russ.)
11. Putrik, Yu. S. The Soviet experience and continuity of traditions in national tourism. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2012;3:177–181. (In Russ.)
12. Smirnova, A. G. From the history of Russian school of excursion: Petrograd (Leningrad) Institute of Excursions (1921–1924). *RSUH/RGGU Bulletin. “Historical Sciences. Regional History. Local History” Series*. 2012;6(86):58–77. (In Russ.)
13. Shulgina, O. V., Shulgina, D. P. Phenomenon of proletarian tourism in the 1930s: sights, information support, ideology. *History Magazine: Researches*. 2018;5:99–113. (In Russ.)
14. Yurchikova, E. V. The history of tourism development in the USSR in the 1930s. *Universities for Tourism and Service Association Bulletin*. 2009;3:13–16. (In Russ.)
15. Koenker, D. The proletarian tourist in the 1930s: Between mass excursion and mass escape. *Turizm: The Russian and East European tourist under capitalism and socialism*. (A. Gorsuch, D. Koenker, Eds.). Ithaca, 2006. P. 119–140.

Received: 30 December, 2020; accepted: 29 January, 2021

МАРИНА ИГОРЕВНА ПЕТРОВА

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
директор
Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Куркиёкский краеведческий центр»
(Куркиёки, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1906-586X; kirjazh@mail.ru

ШВЕДСКИЕ ГОРОДА И ГРАФСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

А н н о т а ц и я . После Столбовского мирного договора 1617 года Корельский уезд находился под властью Швеции около ста лет. Длительный мирный период привел к расширению торговых связей между Россией и Швецией и возникновению новых городов и графств в Северном Приладожье. В отечественной историографии сведения о них представлены фрагментарно. В научный оборот вводятся ценные данные из малодоступных российскому читателю изданий на финском языке. Цели и задачи исследования: определение этапов развития городов и графств, обоснование их роли в местной экономике и международной торговле. В статье впервые проведен анализ этапов развития городов и графств Кроноборг, Сордавала и Салмис. Становление городов происходило на фоне сложных миграционных процессов, демографического спада, межконфессиональных конфликтов, конкуренции между сельской и городской торговлей. Новые города были вовлечены в международную торговлю, что способствовало развитию территории. В 1710 году после взятия Петром Великим крепости Кексгольм Корельский уезд был возвращен России.

Ключевые слова: Салми, Сортавала, Куркиёки, Салмис, Сордавала, Кроноборг, Густав Адам Банер, Карл Густав Врангель, Тур Габриэль Оксенштерна

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха: современный научный взгляд» на 2020–2022 годы, проект № 20–90–42034. Автор выражает благодарность и искреннюю признательность за консультацию при подготовке статьи научному руководителю доктору исторических наук, профессору А. М. Пашкову.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Петрова М. И. Шведские города и графства Северного Приладожья в XVII – начале XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 61–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.585

ВВЕДЕНИЕ

В результате шведской экспансии начала XVII века Россия на протяжении столетия была лишена выхода к Балтийскому морю и была вынуждена осуществлять здесь свои торговые и политические контакты с Западной Европой через шведские владения и под контролем шведской короны. Подвластные Швеции Корельский уезд вместе с Ижорской землей имели важное значение для приграничной торговли ладожско-балтийского направления. Мирный период, за исключением военных действий 1656–1658 годов, способствовал развитию торговли в приграничье. Спорные вопросы торговли составляли важную часть дипломатических отношений между Россией и Швецией [7: 10].

После Столбовского мирного договора 1617 года Швеция разработала комплекс мер по интеграции Корельского уезда (с 1635 года Кексгольмского лена) в структуру своего государства [19: 359]. На завоеванной территории стали действовать шведские законы и заработала шведская судебная система. В парламенте, или «собрании сословий», Швеции были представлены дворянство, горожане, духовенство, крестьяне. Жители Кексгольмского лена не имели права участвовать в выборах в риксдаг и не несли воинскую повинность [13: 29]. На уровне погостов на протяжении всего XVII века сохранялся институт крестьянского самоуправления в форме мирного схода или мира для решения общинных вопросов.

Кексгольмский лен в XVII веке
Kexholm County in the XVII century

По указу короля Густава II Адольфа была проведена полная ревизия завоеванных территорий. С этого времени начали проводиться регулярные переписи для исчисления налогов. Вся земля принадлежала короне, часть была отдана в аренду. В погостах сохранилась система оценочного налогообложения в отличие от постоянного налога на землю в других ленах Швеции [10: 234]¹. Для каждого погоста устанавливался свой ожидаемый налог, который мог и не совпадать с действительно собранным. С 1618 года Корельский уезд был передан в ленное владение известного шведского полководца и государственного деятеля Якова Делагарди [13: 25].

В период правления Густава II Адольфа численность шведской армии значительно увеличилась. Если в 1619 году она составляла около 30 000 человек, то в 1632 году достигла 147 000². Военные расходы непомерно росли, что повлекло за собой перераспределение земель. За участие в войнах король вознаграждал дворян, отчуждая в их пользу не только коронные, но и податные крестьянские земли. Кроме того, дворянам разрешалось покупать земли у казны. Эти меры помогли лишь на короткое время. К середине XVII

века дворяне получали налоги и сборы с 60 % всех крестьянских хозяйств, что вызвало уменьшение ежегодных доходов в казну и повлекло за собой серьезные экономические проблемы. Первая редукция (возвращение короне земель, ранее дарованных дворянству) была проведена Карлом X Густавом в 1655 году. В царствование Карла XI (1672–1697) вновь назрела необходимость возвращения короне дворянских владений. В 1680-е годы была произведена «большая редукция» с радикальным перераспределением земельной собственности. В итоге доля коронных земель составила 36 %, знати – 33 %, крестьян – 31 %. В результате важных политических и экономических преобразований королевская власть Карла XI укрепилась, в том числе при поддержке крестьян, и была признана абсолютной [1: 34].

За период шведского владычества на территории Кексгольмского лена произошли кардинальные демографические изменения. По условиям Столбовского мирного договора 1617 года православное население Карелии имело право свободного вероисповедания. Однако шведское правительство проводило продуманную политику обращения православных в лютеранство, включавшую как идеологические, так и экономические методы. С 1611 по 1710 год наблюдалось несколько миграционных волн. Причинами массовой миграции в Россию коренного населения стали религиозные притеснения и экономические трудности. Пики миграции пришлись на 1623, 1630 и 1656 годы. Наибольшее количество беженцев ушло в Россию в 1656–1658 годах в период русско-шведской войны [4], [19]. Так, на переговорах по заключению Кардиского мирного договора 1661 года использовались списки купцов и крестьян Сордавальского погоста, в которых значилось лишь 10 православных семей [14: 30]. В 1695 году здесь осталось лишь три семьи бюргеров и восемь крестьянских семей православного вероисповедания [13: 98]. В 1696 году в погосте Куркиёки сохранилось 83 православных семьи, что составляло 6,4 % всего населения [4], [19].

После заключения Кардиского мирного договора 1661 года было определено 8 городов в пределах шведского государства, в которых можно было торговать русским, что было оговорено в первой торговой статье договора: Стокгольм, Рига, Выборг, Колывань (Таллинн), Ругодив (Нарва), Ижора, Корела, Канцы (Ниеншанц). По мнению И. П. Шаскольского, под Корелой и Ижорой подразумевались малые города и крупные селения, которые с 1617 года находились под властью Швеции, – Ям, Копорье, Орешек, Куркиёки, Сортавала [7: 168–169].

Исследование истории городов Северного Приладожья Кроноборг, Сордавала, Салмис³ важно для понимания этапов развития торговли между Россией и Швецией в условиях длительного мирного периода. Ценные архивные данные, позволяющие понять особенности экономических отношений между Россией и Швецией в XVII веке, представлены в коллективном сборнике М. Б. Давыдовой, И. П. Шаскольского, А. И. Юхта, составленном на основе фонда «Сношения России со Швецией» Посольского приказа, фондов Тихвинского монастыря и Посольского стола Новгородской приказной палаты [2]. Исследование было продолжено в монографии И. П. Шаскольского [7]. В отечественной историографии города и графства Северного Приладожья упоминаются лишь эпизодически в контексте общих торговых отношений между двумя государствами.

На основе анализа редких, порой фрагментарных и разрозненных данных из архивов Швеции и Финляндии построены наиболее крупные публикации финских исследователей по локальной истории Кексгольмского лена. Среди них выделяются труды Э. Кууйо, посвященные погостам Карельского приграничья в период шведского владычества, где рассмотрена история городов и графств Северного Приладожья [13], [14]. Т. Иммонен посвятил Кроноборгу шведского периода раздел в коллективной работе по истории погоста Куркиёки [8]. Особый интерес представляет монография К. Катаяла о жителях Карелии в период шведского владычества, основанная на анализе архивных судебных записок, челобитных, купчих, долговых расписок и других источников частного характера [10]. В монографии К. Катаяла, посвященной истории голодного бунта в конце XVII века, детально рассматривается роль жителей Кроноборга в крестьянском движении Северного Кексгольмского лена [9]. В коллективном труде финских авторов, посвященном истории погоста Салми, представлен раздел о городе и графстве Салмис периода шведского владычества [16]. А. Куйала рассматривает в коллективной монографии города и графства Северного Приладожья в контексте общих экономических, политических и культурных связей между Кексгольмским леном и его окружением [11], [12]. В целом совокупность излагаемых в трудах финских авторов архивных источников Швеции и Финляндии, включающих картографические материалы, представляет большую ценность для изучения истории городов и графств Северного Приладожья. Одной из главных историко-ведческих проблем, которую, в частности, подчеркивает Э. Кууйо, является выпадение ар-

хивных данных за отдельные периоды XVII века. Так, отсутствуют документы по истории городов Сордавала и Салмис с 1643 по 1656 год [13: 45]. Тем не менее представленный корпус источников позволяет восстановить основную хронологическую канву событий.

Целью данной статьи является обзор исторических этапов развития городов и графств Северного Приладожья в период шведского владычества в XVII веке. Задачи исследования: анализ предпосылок образования городов и графств; определение их роли в экономике Кексгольмского лена и международной торговле; оценка вклада отдельных личностей в их становление.

Большинство приведенных в статье данных, касающихся городов и графств Салмис и Кроноборг, публикуется в переводе на русский язык впервые. Впервые сопоставлены этапы развития городов Северного Приладожья и выявлены причины их неравномерного развития в условиях межэтнического и межконфессионального взаимодействия народов России и Швеции.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ОСНОВАНИЯ ГОРОДОВ САЛМИС И СОРДАВАЛА

После Столбовского договора, когда Швеция наладила закупку дегтя в Кексгольмском лене, значительно возросла роль Выборга, где деготь составлял основной предмет торга. У крестьян закупали вар (смола), тюлений жир, а также зерно, ткани, пушнину, коров, лошадей, шкуры, кожи. На внешнем рынке Швеция торговала дегтем, железом, медью, зерном. Деготь составлял $\frac{1}{4}$ от всего экспорта [10: 158], [12: 314–315].

Городская торговля была выгодна короне для пополнения казны в виде налогов, акцизов и торговых пошлин. В 1618 году вышел указ короля Густава II Адольфа об организации торговли в Кореле (Кексгольме) и Волочке (Тайпале). Налаженные торговые связи, сохранившиеся с русских времен, позволяли купцам, несмотря на запреты, продолжать торговлю по погостам. Попытка наладить городскую торговлю не удалась, и в марте 1627 года король приказал возобновить сельскую торговлю [13: 37].

В 1629–1630 годах, в период перехода прав аренды Кексгольмского лена от Якоба Делагарди короне, вновь встал вопрос об учреждении городов путем привлечения купцов в новые торговые места. 12 января 1630 года в Кексгольме генерал-губернатор Ливонии, Ингрии и Карелии Юхан Шютте (Johan Skytte) провел переговоры о возобновлении сельской торговли с администрацией лена и со старостами приходо- в. Купцам было предоставлено право ввоза зерна и других товаров из России и доставки их

через Кексгольм и Выборг до Стокгольма [13: 37], [14: 23].

В 1631 году Шютте сообщил королю, что он приступил к организации городов: Ниен – в Ингрии, Сордавала и Салмис – в Карелии [12: 318–320]. Богородицкий Кирьяжский, Никольский Сердобольский и Воскресенский Соломенский погосты обладали развитой поселенческой структурой с торговыми связями, имевшими глубокие исторические корни. Не удивительно, что для организации новых городов Сордавала и Салмис были выбраны центры Сердобольского и Соломенского погостов. Почему в тот момент в перечень не попал центр Кирьяжского погоста Куркиёки (Кроноборг), мы увидим далее.

В 1632 году Густав II Адольф издал указ об учреждении новых городов, в котором упоминался в целом Кексгольмский лен. Но 6 ноября 1632 года король погиб в битве при Лютцене, оставив наследницей престола шестилетнюю дочь Кристину, которая до 1644 года управляла Швецией под регентством канцлера Акселя Оксенштерны.

В 1633 году на основании королевского указа 1632 года генерал-губернатор Шютте прислал управляющему администрацией Кексгольмского лена Хенрику Споре (Henrik Spore) распоряжение, в котором предписывалось основать города Салмис и Сордавала [14: 24]. В 1633 году, после обсуждения предложений о переезде в города, купеческое сообщество нашло несколько невыгодных для себя пунктов и оправило в Стокгольм делегацию. Предметом разногласий стали таможенные пошлины, налоги и льготы. Все торговые люди Кексгольмского лена, ведущие сельскую торговлю, были православными. Вновь, как это уже случалось на переговорах разных уровней, был поднят вопрос о свободе вероисповедания [13: 38].

В самом Кексгольме торговля была возобновлена с начала 1630 года, при этом купечество было представлено преимущественно немецкими фамилиями. Но после большого пожара 1634 года город опустел, и все купцы съехали [12: 318–320]. Генерал-губернатор Шютте предложил правительству пригласить в Кексгольм для укрепления торговли 10–12 известных купцов православной веры. Предложение было отвергнуто из-за боязни перехода торговых людей на сторону соотечественников и сдачи крепости в случае военных действий [13: 38]. Упадок торговли в Кексгольме послужил дополнительной причиной для привлечения купцов в новые города Салмис и Сордавала [14: 24]. Рассмотрим, насколько не-

простым оказался процесс организации города Салмис на границе России и Швеции.

ГОРОД САЛМИС

После того как в 1629 году земли Кексгольмского лена вновь отошли короне, начальником пограничной заставы Салмис был назначен Нило Толпо (Nilo Tolpo), которому за службу были пожалованы земли на острове Валаам, а также монастырские рыбные ловли и деревни на материке. Из-за недовольства местных жителей двое крестьян были делегированы в Стокгольм, где обвинили Толпо в ненадлежащем управлении и жестокости, в результате которой крестьяне бежали в Россию. Вскоре он был лишен поста и вотчин. И хотя со временем ему удалось снять обвинения, на его место в 1634 году был назначен Хенрик Бланкенхаген (Henrik Blankenhagen) [13: 30].

Для представления к должности начальника пограничной заставы и бургомистра города Салмис Бланкенхаген прибыл в Стокгольм [12: 287], [13: 38]. Вместе с годовым окладом в 100 талеров он получил пастбища для выпаса лошадей и скота. Обширная должностная инструкция включала в себя порядок основания города Салмис, выполнение таможенных обязанностей и множество иных формальностей:

1. Для прибывающих в Швецию из России через Салмис вменялось ведение особого реестра паспортов с отметкой даты въезда. Выявленные при пересечении границы преступники с той и другой стороны подлежали аресту. На заставу должны были прислать сформированное в Кексгольме специальное пограничное подразделение из 20 солдат под руководством офицера с отличным послужным списком;

2. В связи с тем, что в Кексгольмском лене наблюдалось широкое хождение фальшивых денег, предписывалось всячески искоренять их изготовление и распространение;

3. По причине того, что в Кексгольмском лене бытовали разные системы меры и веса, Бланкенхагену надлежало привезти из Стокгольма образцы фунта, локтя, бочки, кувшина и обеспечить ими все погосты. Эти единицы измерения должны были храниться в церквях или у старост⁴;

4. Начальнику заставы надлежало поддерживать дружественные отношения с русскими. Запрещалось заниматься сельской торговлей [13: 30–31].

На обратном пути Бланкенхаген попал в кораблекрушение. Ему удалось спастись, но все образцы мер пропали [13: 30]. Вместе с генерал-губернатором Шютте бургомистр Бланкенхаген

начал вести активную деятельность по приглашению торговых людей в новый город, но отклика так и не последовало. Купцов больше интересовала налаженная сельская торговля [13: 38].

Деятельность Бланкенхагена была самой разнообразной. Так, в силу служебных обязанностей он был причастен к расследованию дела «о серебряниках из Олонца». Главарем шайки был златокузнец Макарий Тарасов с двумя братьями. Сначала фальшивомонетчики действовали в Олонце, но, почувствовав неладное, перешли границу через Салмис и укрылись на одном из ладожских островов. Там была устроена кузня, и дело пошло. Вскоре весть о «клепачах» дошла до шведских властей, и шайка снова перешла границу. Вернувшись через некоторое время, серебряники обучили своему ремеслу других умельцев. Из Карелии Макарий Тарасов с братьями отправился в Ингрию, но там их задержали и выдали русским властям [7: 56], [10: 138], [13: 31]. Вопрос о «денежных ворах» был предметом обсуждения на переговорах между Россией и Швецией. В судебных записках неоднократно упоминалось имя начальника заставы Салмис «дворянина Индрика Блакенгагина»⁵.

В 1637 году Бланкенхаген вновь прибыл в Стокгольм за дальнейшими служебными инструкциями. Главным вопросом для начальника заставы оставался большой поток беженцев, следующих через Салмис, а также получение в Стокгольме образцов мер и весов, которые в 1634 году пропали во время кораблекрушения. На плане будущего города Салмис на территории деревни Мийнала был зарезервирован участок для строительства здания таможни, в которой решено было проводить и заседания суда. Для этого требовалось обсудить формальности. Помимо того, для усиления береговой охраны требовалось приобретение судна. Прошения Бланкенхагена касались как государственных, так и частных дел. Для своей семьи он испрашивал земли в приходе Пюхьярви Южного Кексгольмского лена и рыбные тони на реке Тулемайоки [13: 31–32, 38].

Сельская торговля продолжала доставлять много хлопот и убытков государству, из-за нее казна упускала доход в виде контролируемого налога. До войны 1656–1661 годов сохранялись старые торговые связи, которые были сосредоточены у русских и карельских купцов. При пресечении границы Швеции и России на заставе Салмис необходимо было оформлять проезжую грамоту, в которой указывалось имя торгового человека, иногда погост, а также цель и направление поездки. Так, в период с 1635 по 1636 год была выдана 61 проезжая грамота

в Стокгольм, Выборг, Турку, Остроботнию, Ингрию, Таллинн, Нарву, Олонец, Александровскую слободу (Алекса́ндро-Сви́рский монасты́рь), Новгород, Ярославль. Сохранялись и традиционные торговые связи с Олонцом [10: 132].

Скупая по северным карельским погостам пушнину, деготь, шкуры, сало, масло, торговые люди выезжали в русские города на ярмарки. Так, из таможенных книг 1637 года Тихвинского монастыря известно, что среди прочих товаров Макарий Петров из Соломенского погоста привез 21 бревно, 2 красных лисы, 10 зайцев, 2 пистолета. У Ивана Васильева из деревни Тервозим Кирьяжского погоста были описаны товары: 80 овчин, 300 зайцев, 4 лисы, 30 белок, у Петра Ильина из Кирьяжского погоста: 500 зайцев, 50 овчин⁶.

Итак, в рассматриваемый период купцы продолжали заниматься сельской торговлей и не спешили переезжать в новые города.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА ОСНОВАНИЯ ГОРОДОВ САЛМИС И СОРДАВАЛА

Новый план по основанию городов в Кексгольмском лене начал осуществляться по инициативе губернатора Финляндии Пера Браге (Per Brahe) и при поддержке шведского правительства. Губернатор Браге представил этот план 4 июня 1642 года в Государственном совете. 18 июня правительство передало инструкцию генерал-губернатору Ливонии, Ингрии и Карелии Эрику Гилленштерне (Erik Gyllenstierna). 30 июля инструкция поступила губернатору Кексгольмского лена Рейнхольду Метцтаке (Reinhold Mettstake). Предписывалось найти подходящие места для городов, куда сельские купцы могли переехать на постоянное жительство. Торговое сообщество до этого времени было представлено православными купцами. Предполагалось, что предложением заинтересуются и торговые люди лютеранского вероисповедания с территорий шведского подчинения. Зимой 1642/43 года с купцами прошли переговоры о переселении в города Салмис и Сордавала. Начальник пограничной заставы и бургомистр Салмиса Бланкенхаген принял деятельное участие в организации городов Салмис, Сордавала, а также Тайпале Южного Кексгольмского лена. В 1643 году генерал-губернатор Гилленштерна прибыл с инспекцией осмотреть выбранные места для города Сордавала в районе Келломаниеми и Салмис – в деревне Мийнала, где располагалось здание пограничной заставы. В этом же году к зданию таможенной службы в деревне Мийнала завезли бревна для строительства новых домов для города [12: 318–320], [13: 26], [14: 26–27].

По мнению Э. Кууйо, заслуги в основании новых городов Салмис и Сордавала принадлежали прежде всего генерал-губернатору Гилленштерне. Именно при нем сельская торговля постепенно переместилась в города [13: 44], [14: 26–27].

Несмотря на то что купцам городов Тайпале, Кексгольм, Сордавала и Салмис было позволено торговать в Выборге, Таллинне, Турку и Стокгольме, они не спешили оставлять сельскую торговлю и переезжать в новые города [13: 44]. Потребовалось время, чтобы наконец упорядочить обещанные налоговые льготы и привилегии. Так, в 1643 году были отмечены следующие причины послабления налогов: у купца Егорки Игнатова из прихода Салмис затонула лодья с дегтем; у пятерых салминцев, торгующих в Стокгольме, пошло ко дну судно с дорогим стеклом стоимостью 1000 талеров [13: 41].

В 1646 году Бланкенхаген прибыл в Стокгольм с очередным отчетом. За успешную службу королева Кристина повысила ему оклад до 400 серебряных талеров в год. Бланкенхаген был включен в состав шведского посольства для участия в переговорах с Россией по приграничным вопросам [12: 341–342], [13: 32–33].

В декабре 1646 года был принят устав города Сордавала и утверждены правила торговли при сохранении на один год налоговых льгот. В списке числилось 55 православных купцов ближайших погостов: Сордавальский – 25, Китела – 15, Пялкъярви – 5, Куркиёки – 5, по одному представителю из погостов Суйстамо, Тохмаярви, Укуниemi, Яккима и Йоукио. Но не все купцы сразу переехали в город, продолжая заниматься торговлей в деревнях [13: 44], [14: 26–27].

В 1647 году королева Кристина расширила полномочия Родиона Лобанова, служившего фогтом Кексгольмского лена, и назначила его бургомистром города Сордавала. Указ королевы подтвердил право на пожалованные ему ранее земли в погостах Куркиёки и Тиурула Северного Кексгольмского лена, а также Рауту Южного Кексгольмского лена [11: 260], [12: 318–320], [14: 26–27].

Учитывая влияние Родиона Лобанова в политических кругах, можно предположить, что он мог препятствовать основанию нового города в центре погоста Куркиёки, несмотря на выгодное географическое положение и давние торговые традиции. Сдерживающими факторами послужили также близость города Кексгольма, позиция местных чиновников и старост, конкуренция купеческих сообществ, развитая сельская торговля. Дальнейшее развитие городов в Северном Кексгольмском лене было связано с учреждением новых графств.

ГРАФСТВО КРОНОБОРГ

10 ноября 1651 года королева Кристина основала графство на землях погоста Куркиёки и даровала титул графа Туру Габриэлю Оксенштерне (Ture Gabrielsson Oxenstierna) из знатного шведского рода [8: 223, 249], [12: 332]. В центре погоста, который граф посетил в 1653 году, возвышалась замковая гора. Граф решил назвать Куркиёки звучным именем Кроноборг – Королевская крепость, имея на то веские основания. В годы Тридцатилетней войны Тур Габриэль Оксенштерна участвовал в битве при взятии Вюрцбурга (Wurstsburg) в Германии. 2 октября 1631 года он вынес с поля боя тяжелораненого короля Густава II Адольфа, сам получив ранение в плечо двумя пулями. Это же событие было отражено и на гербе графа [8: 250].

Пребывание графа в своих владениях зимой 1667/68 года оставило неизгладимые впечатления на жителей Кроноборга. Он прибыл с семьей на корабле из Кексгольма под самое Рождество. При проверке счетов, обнаружив недоимки, великодушно дал крестьянам освобождение от налога за предшествующий год на сумму 576 талеров. Во время праздника раздавал крестьянам по 10 талеров, а для увеселения народа приготовил пиво и угощение. Здание усадьбы, построенное в 1661 году, было самым роскошным не только в Кроноборгском графстве, но и на всем ладожском побережье Карелии. Симметричный особняк в стиле барокко с 40 окнами возвышался в устье реки. Центральное положение занимал зал с 10 окнами, к которому примыкали покои на 4 и на 3 окна. В каждой комнате были высокие печи, обшитые железом. Зная, что граф приедет с семьей и сыном Йоханном, которому было 2 года, для мальчика смастерили маленький стол и стульчик. В усадебный комплекс входило административное здание с кафельной печью, пекарня, просторный постоялый двор с двумя отдельными комнатами для знатных гостей. На хозяйственном дворе стояло четыре коровника, свинарник, большая конюшня, две риги. Вторая усадьба графа в деревне Терву выглядела поскромнее: в главном здании – зал и две комнаты, дом амтмана (управляющего) и дом пекаря [9: 114–115]. После инспекции хозяйства и проверки счетов граф собрался в обратный путь, но ударили морозы, встал лед, пришлось заказывать сани. В соседней деревне Отсанлахти жил каретник Лука Матвеев, у которого на продажу были готовы лишь одни сани. Граф заказал ему еще трое саней, а к ним купил и медвежьей полости. Далее граф отправился на ревизию в Ингрию. На обратном пути, уже будучи в Выборге, 20 мая 1668 года граф Тур Габриэль

Оксенштерна Кроноборгский издал указ об основании города Кроноборга.

Кроноборгские купцы ходили на судах в Ниеншанц, Выборг, Нарву, Стокгольм, Олонец. В Ниеншанце у них находился свой постоянный торговый представитель и располагался склад, который, правда, пришлось перенести при расширении крепости. В центре Кроноборга в устье реки стояла церковь, рядом располагались судоверфь, таверна, цирюльня, баня. Город содержал свою пожарную команду. На осеннюю и весеннюю ярмарку съезжались купцы из Олонца, Ниеншанца и Кексгольма. Здесь можно было купить дорогое оконное стекло и голландские изразцы для печей. Основными предметами торговли были зерно, масло, воск, деготь, лен, конопля, пушнина, шкуры и шерстяная пряжа. Привозили в Кроноборг соль, пряности, табак, олово, текстиль. За границей славились кроноборгские лошади. Из налоговых списков 1681 и 1682 годов известно, что в Кроноборге проживало 100 купцов и служащих, а общая численность населения составляла около 500 человек [8: 223–238].

ГРАФСТВО СОРДАВАЛА

В 1651 году королева Кристина даровала Сордавальское графство сыну фельдмаршала Йохана Банера (Johan Baner) – Густаву Адаму (Йоханссону) Банеру (Gustaf Adam (Johansson) Baner) за военные заслуги отца. Элементы герба Банера вошли в герб и печать города Сордавала [6: 61–62], [13: 152], [14: 51]⁷. В 1653 году Густав Банер стал главным камергером королевы Кристины⁸. Большинство новых городов входило в состав созданных графств, но в 1656 году земли города Сордавала изъяли из владений графства в пользу короны [12: 377].

После войны 1656–1661 годов здание городской управы и усадебный комплекс графства разместили на другой стороне пролива Ваккосалми. Уже в октябре 1661 года городской совет заседал в новом здании [13: 153], [14: 51]. Граф Банер никогда не бывал в своем графстве. Дела его вели управляющие, которые занимали должность бургомистра.

В 1681 году, после того как земли графства отошли короне, была проведена ревизия оставшегося имущества. В описях числилась полуразвалившаяся лачуга и новый дом на 11 окон. В одном крыле располагался зал и три комнаты, в другом – кухня и две комнаты. Хозяйственный двор усадьбы состоял из обветшавших построек: коровников, конюшен, амбаров, бани и риги. Тщательно было переписано поголовье скота: 21 корова, 2 телки, 5 телят, 2 быка. Любопытно,

что при этом был отмечен окрас дойных коров: 8 черных, 2 черно-пестрых, 4 красных, 3 красно-пестрых, 4 белых [13: 153], [14: 52].

В 1682 году земли Сордавальского графства разделили и передали арендаторам. Город Сордавала и Сордавальский погост достался Йохану Метеру (Johan Mether). В начале 1690-х годов его стал теснить арендатор прихода Пиелисъярви (Pielisjärvi) Саломон Энберг (Salomon Enberg). В результате в 1692 году Энберг получил из камер-коллегии Стокгольма право аренды земель Сордавальского погоста вместе с городом на 12 лет. При Энберге городскую управу вновь перенесли на другой берег Ваккосалми, ближе к церкви, так как старое место было топким [14: 52].

ГРАФСТВО САЛМИС

По указу королевы Кристины в 1651 году из земель погостов Салмис и Суйстамо было образовано графство Салмис, которое было даровано генерал-губернатору Померании, государственному советнику, адмиралу и фельдмаршалу Карлу Густаву Врангелю (Carl Gustaf Wrangel), получившему вместе с землями титул графа Салмисского [12: 331], [13: 152].

В конце 1652 году Бланкенхагену пришлось передать графу право аренды земель. С надеждой на то, что граф предоставит ему часть земель в аренду, он составил прошение с описанием своего вклада в развитие Салмиса. Так, за время его службы бургомистром число семей в городе увеличилось с 86 до 172. Он привел в порядок мосты и дороги, оказал помощь новым поселенцам для обустройства. В городе была построена лютеранская церковь, число прихожан увеличилось с 9 до 200. Но доводы не помогли, и первое время семье Бланкенхагена пришлось испытать ощутимые житейские трудности без дополнительного дохода, который давала земля [13: 35], [15: 126–127]. Сначала граф Врангель сдал свои владения в аренду Даниэлю Франку (Daniel Franck) из Ингрии, но затем вновь передал право аренды Бланкенхагену, назначив его управляющим. Считается, что граф Врангель Салмисский так ни разу и не посетил свои владения в Карелии [13: 153].

В 1649 году была построена крепость в Олонце. Для привлечения русских купцов Бланкенхаген организовал зимой 1650/51 года первую ярмарку в Салмисе, которая проводилась в январе и стала ежегодной [13: 46]. В 1656 году началась война между Россией и Швецией. Пограничная застава Салмис не имела укреплений. Бланкенхаген попал в плен и был доставлен в Олонец. Далее его следы теряются [10: 137], [13: 70], [14: 41].

После войны 1665–1661 годов и заключения Кардисского мирного договора были установлены новые порядки по охране границы. Здание управления пограничной заставы располагалось в усадьбе Мийнала [13: 107]. 10 ноября 1660 года генерал-губернатор Ингрии и Карелии назначил новым начальником пограничной заставы Мауно Олафссона Армандера (Mauno Olavsson Armander), который служил инспектором графа Врангеля Салмисского. После войны приграничный город Салмис обезлюдел, право торговли там было упразднено. В 1669 году граф Врангель вернул короне налог за 1664–1665 годы и обменял графство Салмис на Сёлвесборг (Sölvesborg) в лене Блекинге (Blekinge) на юго-восточном побережье Швеции [12: 378]. После того как графство Салмис отошло короне, Армандер еще некоторое время арендовал земли в деревнях Мийнала, Тулемайоки и Карку [13: 153–155].

ГРАФСТВА В КОНЦЕ XVII–XVIII ВЕКЕ

За годы шведского владычества на территории Кексгольмского лена произошли кардинальные этнические и конфессиональные изменения. Основу экономики в этот период, как и в русское время, составляли сельское хозяйство, промыслы и торговля. После Кардисского мирного договора 1661 года, когда здесь почти не осталось коренного населения, наблюдался значительный упадок экономики. Оценочная стоимость Кроноборгского графства в 1681 году составляла 50 % от 1654 года, Сордавальского погоста – 28 %, погоста Салми – 43 %, погоста Суйстамо – 43 % [12: 292]. При этом в усадьбах Кроноборг, Терву и Сордавала продолжали собирать самые высокие урожаи зерновых в Кексгольмском лене. Так, в 1683 году в Кроноборге и Терву он оценивался в 808 серебряных талеров, в Сордавале – в 562 [9: 120].

Шведское владычество в Корельском уезде закончилось в годы Северной войны победоносным взятием Петром Великим крепости Кексгольм 8 сентября 1710 года. Вскоре Петр I пожаловал земли своим сподвижникам: подполковнику Виллиму Геннину в 1711 и 1714 годах – в Хийтольском погосте, адмиралу Корнелиусу Крюйсу в 1715 году – в Куркиёкском. В 1720 году donations были аннулированы, после чего земли в Куркиёкском погосте были пожалованы тайному советнику, сенатору, князю Якову Федоровичу Долгорукову, а в Сердобольском погосте – генерал-фельдцейхмейстеру Якову Вилимовичу Брюсу. В 1725 году Петергофскому инспектору садов и парков Карлу Арнандеру были дарованы земли в Салми [3: 88–91, 95, 97], [5], [18: 37–41]⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этапы создания и развития городов Северного Приладожья напрямую зависели от внешнеполитических условий и были связаны с потребностью пополнения казны и поставками зерна. Для основания городов были выбраны исторические центры погостов русского времени. Первая попытка основания городов Салмис и Сордавала не привела к успеху из-за слабого контроля со стороны шведского правительства в годы Тридцатилетней войны. Православные купцы, сохранившие налаженные связи с русских времен, продолжали вести сельскую торговлю.

Вторая попытка организации городов была осуществлена при новых политических условиях. Для привлечения купечества был разработан ряд мер, включающих налоговые и таможенные льготы. В финской историографии основание городов Финляндии и Карелии шведского периода связывают с именем видного государственного деятеля Пера Браге, который, выполняя указы королевы Кристины, проводил административные реформы и лично инспектировал создание новых городов. Но за именами влиятельных чиновников просматриваются и не всегда остаются замеченными те самые личности, которые выполняли повседневную, рутинную работу, сопряженную с риском, опасностью, проявлявшие искусство дипломатии и добившиеся, наконец, основания городов Салмис и Сордавала, – это начальник пограничной заставы Салмис Хенрик Бланкенхаген и фогт Кексгольмского лена Родион Лобанов. Оценка их важной роли в политической и экономической жизни Кексгольмского лена заслуживает отдельного исследования.

Появление графств в Кексгольмском лене было связано со стремлением королевы Швеции Кристины поощрить за заслуги перед короной государственных деятелей и военачальников, отличившихся в годы правления ее отца, короля Густава II Адольфа. В 1651 году по указу королевы Кристины были учреждены графства Кроноборг, Сордавала и Салмис. Граф Тур Габриэль Оксенштерна Кроноборгский, Густав Адам Банер Сордавальский, Карл Густав Врангель Салмисский принадлежали к знатным, влиятельным и богатейшим родам Швеции. Графства были учреждены для них, прежде всего для возможности пожалования почетного титула. Усадебные комплексы графств, ставшие центрами сельскохозяйственного производства и торговли, управлялись инспекторами, давали некоторый доход, но не представляли для их владельцев большого экономического интереса. Гораздо большее значение имела созданная мо-

дель хозяйствования для местных крестьян, производивших продукцию, и купечества, которое осуществляло товарооборот, включающий международные рынки. История основания города Кронборга связана с именем графа Тура Габриэля Оксенштерны Кронборгского, который, учитывая экономический потенциал своего графства, привлек международное купечество к развитию территории.

Экономика Северного Приладожья в XVIII веке была прочно связана с близостью Санкт-Петербурга. Развитие деревообрабатывающей промышленности, добыча камня, традиционное сельскохозяйственное производство и промыслы способствовали увеличению товарооборота между новой столицей и населенными пунктами ладожского побережья и дальнейшему развитию экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Катаяла К., Хирвонен С. Предисловие // Поземельная книга Кексгольмского лена, 1637. История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу: КНЦ РАН, 1991. С. 25.
- ² Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И., Коваленко Г. М. Апология Юхана Видекинда // Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 232.
- ³ Ныне п. Куркиёки, г. Сортавала, п. Салми Республики Карелия.
- ⁴ О мерах подробнее см.: Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV веков. М.: Наука, 1980. 360 с.
- ⁵ Якубов В. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1887. С. 146–148.
- ⁶ Архив ЛОИИ, ф. Тихвинский монастырь, оп. 2, № 1294, л. 23, 35 об.–36, 42, 42 об., 43 об.
- ⁷ Rancken A. W., Pirinen K. Suomen vaakunat ja kaupungin sinetit. Porvoo, 1949. S. 96.
- ⁸ Национальный архив Швеции (Riksarkivet) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=19036> (дата обращения 17.02.2020).
- ⁹ Чумиков А. А. Русские землевладельцы в Старой Финляндии // Русский архив. 1893. № 2. С. 105–107.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм: Шведский институт, 1997. 164 с.
2. Давыдова М. Б., Шаскольский И. П., Юхт А. И. Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М.; Л.: АН СССР, 1960. 654 с.
3. П а с к о с к и Ю. Жалованные земли на территории Старой Финляндии. 1710–1812 // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти; Отв. сост. А. Куйала. Т. 17. М.: Модест Колеров, 2015. С. 85–112.
4. П е т р о в а М. И. Демография Кирияжского погоста в период шведского завоевания в XVI–XVII веках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 80–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.173
5. П е т р о в а М. И. Сподвижник Петра I В. И. Геннин и его имение Асила в Хийтольском погосте Кексгольмского уезда // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 101–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.297
6. П а ш к о в А. М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. 351 с.
7. Ш а с к о л ь с к и й И. П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. 319 с.
8. I m m o n e n Т. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710. Kurkijoen kihlakunnan historia I. Pieksamäki, 1958. S. 83–422.
9. К а т а j а л а К. Nälkäkapina. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1994. 464 s.
10. К а т а j а л а К. Suurvallan rajalla. Ihmisiä Ruotsin ajan Karjalassa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. 265 s.
11. К у j а л а А. Käkisalmen läänin ensimmäisen Ruotsin vallan aikaisten läänityksen tai lahjoituksensaajien värikkäät vaiheet // Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. Viipurin läänin historia. III. Suomenlahdelta Laatokalle. Porvoo, 2010. S. 259–261.
12. К у j а л а А. Viipurin Karjala. Käkisalmen Lääni ja Inkerinmaa Ruotsin suurvaltakaudesta 1617–1710 // Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. Viipurin läänin historia. III. Suomenlahdelta Laatokalle. Porvoo, 2010. S. 239–461.
13. К у u j o Е. Raja-Karjala Ruotsin vallan aikana. Helsinki: Karjalaisen Kulttuurin edistämisseuran tiedote, 1963. 253 s.
14. К у u j o Е. Sortavalan kaupunki ruotsin vallan aikana // Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Sortavalan kaupungin historia. Jyväskylä, 1970. 485 s.
15. К у u j o Е. Taka-Karjalan verotus v: teen 1710. Historiallisia tutkimuksia LII. Helsinki, 1959. 226 s.
16. Rajoil ja randamill: Salmi ja Salmilaiset 1617–1948 / J. Kokkonen (toim.) Kuopio: Salmi Säätiö, 2015. 665 s.
17. R a n c k e n A. W., P i r i n e n K. Suomen vaakunat ja kaupungin sinetit. Porvoo, 1949. 133 s.
18. P a a s k o s k i J. Viipurin ja Käkisalmen provinssit // Viipurin läänin historia. 4. osa: Vanhan Suomen aika. Keuruu, 2013. S. 12–42.
19. P a a s k o s k i J., T a l k a A. Etelä-Karjalan historia. Helsinki: Etelä-Karjalan liitto, 2018. 827 s.

Поступила в редакцию 08.04.2020; принята к публикации 30.11.2020

Marina I. Petrova, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
Director, Kurkijoki Local History Center
(Kurkijoki, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1906-586X; kirjazh@mail.ru

SWEDISH CITIES ON THE NORTHERN COAST OF LAKE LADOGA IN THE XVII AND THE EARLY XVIII CENTURIES

Abstract. After the Treaty of Stolbovo was signed in 1617, Korela Uyezd was under Swedish rule for about a hundred years. A long peace period led to the expansion of trade relations between Russia and Sweden and the emergence of new cities in the Northern Ladoga. In Russian historiography, the data on the cities and counties of Kronoborg, Sordavala and Salmis are fragmentary. So, the objectives of the study are to determine the stages of development of the cities and counties, and to substantiate their role in the local economy and international trade. The author used the works of Finnish researchers based on the archival sources from Sweden and Finland, usually not available to Russian readers. The formation of the cities took place amid complex migration processes, demographic decline, interreligious conflicts, and competition between rural and urban trade. New cities were involved in international trade, which contributed to the development of the territory. In 1710, after Peter the Great seized the fortress of Kexholm, the Korela Uyezd was returned to Russia.

Keywords: Kurkijoki, Sortavala, Salmi, Kronoborg, Sordavala, Salmis, Ture Gabrielsson Oxenstierna, Gustaf Adam Baner, Carl Gustaf Wrangel

Acknowledgments. The article was prepared as part of the project “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia” under the Russian Foundation for Basic Research grant “Peter the Great’s epoch: a modern scholarly view” for 2020–2022, project No 20–90–42034. The author expresses her deep gratitude to her research advisor, Doctor of Historical Sciences, Professor A. M. Pashkov, for his consultations.

For citation: Petrova, M. I. Swedish cities on the northern coast of Lake Ladoga in the XVII and the early XVIII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):61–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.585

REFERENCES

- Weibull, J. A brief history of Sweden. Stockholm, 1997. 164 p. (In Russ.)
- Davydova, M. B., Shaskolsky, I. P., Yuht, A. I. Russian-Swedish economic relations in the XVII century. Moscow, Leningrad, 1960. 654 p. (In Russ.)
- Paaskoski, J. Granted lands in the territory of Old Finland. 1710–1812. *Russian collection: Studies in the history of Russia*. (O. R. Airapetov, M. A. Kolerov, B. Menning, P. Chaisty, Eds.; A. Kujala, Comp.). Vol. 17. Moscow, 2015. P. 85–112. (In Russ.)
- Petrova, M. I. Demography of the Kiryazh Pogost in the period of the Swedish conquest in the XVI–XVII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018;5(174):80–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.173 (In Russ.)
- Petrova, M. I. Peter the Great’s associate Villim Hennin and his estate of Asila in the Hiitola Pogost of the Kexholm County (uezd). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;2(179):101–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.297 (In Russ.)
- Pashkov, A. M. Coats of arms and flags of Karelia. Petrozavodsk, 1994. 351 p. (In Russ.)
- Shaskolsky, I. P. Economic relations between Russia and the Swedish state in the XVII century. St. Petersburg, 1998. 319 p. (In Russ.)
- Immonen, T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710. Kurkijoen kihlakunnan historia I. Piek-sämäki, 1958. S. 83–422.
- Katajala, K. Nälkäkapina. Helsinki, 1994. 464 s.
- Katajala, K. Suurvallan rajalla. Ihmisiä Ruotsin ajan Karjalassa. Helsinki, 2005. 265 s.
- Kujala, A. Käkisalmen läänin ensimmäisen Ruotsin vallan aikaisten läänityksen tai lahjoituksensaajien värikkäät vaiheet. *Katajala, K., Kujala, A., Mäkinen, A. Viipurin läänin historia. III. Suomenlahdelta Laatokkalle*. Porvoo, 2010. S. 259–261.
- Kujala, A. Viipurin Karjala. Käkisalmen Lääni ja Inkerinmaa Ruotsin suurvaltakaudesta 1617–1710. *Katajala, K., Kujala, A., Mäkinen, A. Viipurin läänin historia. III. Suomenlahdelta Laatokkalle*. Porvoo, 2010. S. 239–461.
- Kuujon, E. Raja-Karjala Ruotsin vallan aikana. Helsinki, 1963. 253 s.
- Kuujon, E. Sortavalan kaupunki ruotsin vallan aikana. *Kuujon, E., Tiainen, J., Karttunen, E. Sortavalan kaupungin historia*. Jyväskylä, 1970. 485 s.
- Kuujon, E. Taka-Karjalan verotus v: teen 1710. Historiallisia tutkimuksia LII. Helsinki, 1959. 226 s.
- Rajoil ja randamill: Salmi ja Salmilaiset 1617–1948 (J. Kokkonen, Toim.). Kuopio, 2015. 665 s.
- Rancken, A. W., Pirinen, K. Suomen vaakunat ja kaupungin sinetit. Porvoo, 1949. 133 s.
- Paaskoski, J. Viipurin ja Käkisalmen provinssit. *Viipurin läänin historia. 4. osa: Vanhan Suomen aika*. Keuruu, 2013. S. 12–42.
- Paaskoski, J., Talka, A. Etelä-Karjalan historia. Helsinki, 2018. 827 s.

Received: 8 April, 2020; accepted: 30 November, 2020

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ЮХИМЕНКО

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Отдела рукописей и старопечатных книг
Государственный исторический музей
(Москва, Российская Федерация)
em_yukhim@mail.ru

ПОЧИТАНИЕ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА: ПРАЗДНИК И ОБРАЗ ВСЕХ РОССИЙСКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена актуальной теме почитания святого равноапостольного князя Владимира. Основным предметом рассмотрения является восприятие русским религиозным сознанием места равноапостольного князя в кругу всех российских чудотворцев. Материалом для исследования послужили произведения гимнографического и панегирического жанров XVI–XVIII веков, восхваляющие сонм русских святых в целом. Авторы этих немногочисленных сочинений подчеркивают главенствующую роль князя Владимира – крестителя Руси в истории отечественного православия. Показан значительный вклад старообрядцев в сохранение на протяжении XVIII–XIX веков праздника всем русским чудотворцам и церковного почитания князя Владимира как основоположника этого сонма. В Выговском старообрядческом общежительстве в 1730-е годы не только было написано новое слово, посвященное всем российским чудотворцам, но и впервые создана их сводная иконография – Образ всех российских чудотворцев. Апостольская деятельность князя Владимира, принявшего православие от Византии, служила отправной точкой историографической концепции, созданной выговскими книжниками в первой трети XVIII века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : крещение Руси, князь Владимир, церковное почитание, старообрядчество, гимнография, панегирический жанр, иконопись

Д л я ц и т и р о в а н и я : Юхименко Е. М. Почитание св. равноапостольного князя Владимира: праздник и Образ всех российских чудотворцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 71–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.586

ВВЕДЕНИЕ

История церковного почитания крестителя Руси князя Владимира Святославича давно является предметом научного исследования. Последний обстоятельный обзор источников и существующих точек зрения представлен в соответствующей статье «Православной энциклопедии» [8]. Проблема становления почитания князя Владимира и время его канонизации остаются дискуссионными, но не вызывает сомнения, что к середине XIII века он имел уже устойчивое почитание, в Прологах первой половины этого столетия его житие помещалось под 15 июля (старейший древнерусский список: ГИМ, собр. Щукина, № 97, который, согласно палеографическим наблюдениям А. А. Турилова, датируется началом – серединой XIII века). С середины XIV века почитание князя Владимира было активно поддержано московским великокняжеским домом, что знаменовало преемственность Московской Руси по отношению к Киевской. В первой половине XV века оно приобрело черты церков-

но-государственного празднования, а для Ивана Грозного родство со святым крестителем Руси послужило важным аргументом для принятия царского титула.

Изучение многовекового почитания князя Владимира до сих пор не затрагивало такого важного аспекта, как восприятие русским религиозным сознанием места равноапостольного князя в кругу всех российских чудотворцев. Рассмотрению именно этого вопроса посвящена настоящая статья.

* * *

Обширная канонизационная деятельность митрополита Московского Макария, явившегося инициатором проведения соборов 1547 и 1549 годов и прославления в лике святых около 39 русских подвижников, привела к появлению внушительного сонма собственно русских святых. Смысловым завершением этой агиологической работы стало установление нового для Русской церкви праздника – совокупного дня памяти всех российских чудотворцев. Выбор дня празд-

ника – 17 июля, через день после памяти князя Владимира, – безусловно, не был случайным, напротив, он указывал на глубокую внутреннюю связь двух событий – крещения Руси и взлета отечественного благочестия. Эта идея получила разработку в двух сочинениях, написанных специально для нового праздника, – в Слове и Службе, созданных около 1550 года иноком суздальского Спасо-Евфимиева монастыря агиографом и гимнографом Григорием [2], [3], [7], [12].

Основой для «Слова на память всех святых новых чудотворцев Росийских» Григория послужило читавшееся в Сырную субботу «Слово о преподобных отцах» митрополита Григория Цамблака; отсюда русский автор заимствовал даже некоторые текстовые фрагменты, но в то же время он наполнил конкретным содержанием абстрактные панегирики болгарского писателя [2: 171], [3: 131–132]. В Слове середины XVI века упомянут 61 русский святой. Здесь нет четкого разделения по чинам святости. Начальную и самую обширную группу составляют преподобные, затем перечислены с краткими характеристиками 3 юродивых, 2 князя-мученика, 3 благоверных князя, 3 св. жены, мученик Меркурий Смоленский и более развернуто святители.

Панегирик князю Владимиру открывает основную часть Слова:

«Что в Росии чуднейши благовернаго князя Владимира, иже познавшаго веру истинну? Понеже бо акы великий Павел Апостол свыше зван есть, тако и сий правидный Владимир, от слепоты просветився, просветися банею Святаго Духа и потреби идолы и приведе архиерея от грек и всю землю Росийскую просвети Святым Крещением. Той бысть первый ходатай нашего спасения, акы вторый Константин делом и словом. Кто же любимцы не дивится слыша или зря прежде бесплодную землю Росийскую, ныне же ради Владимира – многочадну и доброчадну, толики инок полки, ими же просвещя земля Росийская насади, и воздела и плод приносити устрои Евангелию достойны» [3: 136].

В этом отрывке автор, подчеркивая особую заслугу св. Владимира перед Русской землей и русским народом, уподобляет князя апостолу Павлу (по признаку духовного переворота и обращения в христианскую веру) и равноапостольному царю Константину (по эпохальной роли в распространении истинной веры). За панегириком Владимиру следуют похвальные тексты русским преподобным, начиная с основоположников русского монашества – Антония и Феодосия Печерских. В первом случае уже сам святой Владимир становится объектом сравнения: «Якоже Владимир победы вся кумиры и потреби боги

и божница», так и преподобный Антоний победил «лукавые полки» (бесов).

Главенствующая роль князя Владимира в истории отечественного православия была подчеркнута в первых же строках «Службы на память всех святых новых чудотворцев росийских», на малой вечерни:

«О, дивное чудо, величавый разум погубляется днесь и рыдают всяческая лукавая воинства, видяще ветвь сущую всесилою божественною благодатию пресаждаему и светло венчаема от Бога великаго Василия, нашего начальника крещению, и тем светло просвети любви своя во всех странах царствия Твоего, Боже!».

Используя образ богонасажденной лозы, гимнограф Григорий указывает, что князь Владимир есть корень русской святости: с одной стороны, он насадил

«нам ветви богонасажденные и цветы благоуханныя нам источающи – Бориса чудного и Глеба ревнителя благочестию, кипящи всем верным обильно чудесы, с ними же предстоя, Христу молися, царю нашему, победы подати на неверныя и умирить всего мира»,

а с другой, Владимир

«дарова нам наставники и укрепители вере преподобных отец, <...> Антония верх Росийской земли, мнихом первоначальника, Феодосия, общему житию начальника, и Дионисия добродетелем наставника, их же молитвами от тмы к свету приближаемся»².

Упоминание о равноапостольном подвиге Владимира – крестителя Руси проходит красной нитью через весь текст службы середины XVI века, в ряде случаев вместе с ним называется и княгиня Ольга: «Вы бо есте прежнии ко Владыце всех наши ходатаи и начальницы православия и наставницы по истинней вере»³.

В службе на 17 июля поименно названы 68 русских святых. Князь Владимир трактуется как первоначальник этого сонма. На великой вечерни поется:

«Вси помолимся Христу, иже творящий память днесь отцу нашему Владимиру, начальнику просвещения русския земли нашея, и с ним вкупе воспоим согласно божественныя отцы наши, иже постом просиявший»⁴.

До недавней находки О. В. Панченко слово Григория Суздальского считалось единственным древнерусским сочинением, посвященным собору отечественных святых. Петербургский ученый обнаружил в рукописях, исследовал и опубликовал два неизвестных ранее произведения выдающегося соловецкого книжника Сергия Шелонина: «Похвальное слово русским преподобным» и «Канон всем святым, иже в Велицей Росии в посте просиявшим» [4], [5], [7]. Эти сочинения возникли на волне духовного

и культурного подъема 40-х годов XVII века и в определенной мере отразили инициированную патриархом Иосифом программу канонизации русских святых.

Однако к этому времени церковное сознание давно и прочно освоило основные вехи истории русской святости, шло лишь постепенное приращение числа отечественных святых к тому сонму, который сформировался в результате Макарьевских соборов, и основополагающая роль князя Владимира уже не нуждалась в дополнительном подтверждении (заметим, что официальное почитание крестителя Руси в XVII–XIX веках имело преимущественно государственно-политический характер). Эту ситуацию наглядно отражают названные произведения Сергия Шелонина. Они разрабатывают идею равного достоинства святых «своя Русския земли» с великими подвижниками древности и были созданы для того, чтобы дополнить одно из уставных чтений триодного цикла (обычно читаемых в церкви в субботу «сырную» и посвященных *древним* преподобным отцам) новыми текстами, написанными в честь *русских* преподобных [4: 564–565]. Перечисление благоверных князей русских появилось лишь во второй редакции Слова Сергия Шелонина, после того как соловецкий книжник сочинил «Канон всем святым, иже в Велицеи России в посте просиявшим». В 7-й песне Канона прославляется лик благоверных князей, поживших «преподобне» и «равноангельно» (то есть этот лик как бы сближается с ликом преподобных). Первыми названы князь Владимир и княгиня Ольга:

«Радуйся, крестоносный княже и царское священне Василие преславне, вторым Коньстантине, просветивый Рускую землю святым крещением, с праmaterию твою Еленю Спасителю Христу предстояще, в веселии вопиете: Благословен еси, Господи Боже во веки» [5: 477].

Праздник всех святых российских чудотворцев, вошедший в русский церковный обиход в середине XVI века как следствие прославления большого числа подвижников на соборах 1547 и 1549 годов, первоначально отмечался 17 июля. Однако спустя какое-то время, видимо, еще до середины XVII века, он переместился на первое воскресенье после Ильина дня, то есть после 20 июля по старому стилю⁵. Именно в этот день он отмечался в Выго-Лексинском старообрядческом монастыре. В церковном уставе поморской киновии, составленном в конце XVIII века, записано: «В неделю по Ильине дни празд[ник] всем святым российским чудот[ворцам]»⁶. Даны подробные указа-

ния о службе этого дня; в заключение отмечено: «Аще есть, икону святых в столовую носят, и чтение за столом святым»⁷.

В связи с данным праздником мы имеет наглядный пример творческого развития старообрядцами древнерусских традиций. В Выговской пустыни не только было написано новое слово, посвященное всем российским чудотворцам, но и впервые создана их сводная иконография – Образ всех российских чудотворцев.

«Слово воспоминательное о святых чудотворцах в России во<с>сиявших, яко о святости жития, тако и о преславных чудесах их» принадлежит перу выговского киновиарха и писателя Семена Денисова.

Повторю основные выводы, сделанные нами при изучении данного памятника [11]. Он был написан в 30-е годы XVIII века. Композиция сложилась под влиянием Слова и Канона Григория Суздальского, однако текстуально сочинение Семена Денисова абсолютно самостоятельно. В этом произведении был значительно расширен круг упоминаемых святых – 167 по сравнению с 61 в Слове Григория Суздальского и 76 у Сергия Шелонина. Таким образом, старообрядческий автор представил самый пространственный перечень русских святых (что вполне соотносится с другими агиологическими трудами выговских книжников, прежде всего с Выговскими Четьями Минеями). Основной принцип организации материала – по чинам святости: сначала идут преподобные (93), затем юродивые (8), святые жены (9), святители (25), благоверные князья (15) и мученики (16). Особняком стоит похвала св. равноапостольному князю Владимиру: как и у Григория Суздальского, с нее начинается основная часть Слова. Содержание текста указывает на совершенную независимость работы старообрядческого автора, его хорошее знакомство с житийными источниками, а также на то, что Слово воспоминательное создавалось как общерусское, а не сугубо старообрядческое или поморское.

В Слове Семена Денисова князь Владимир стоит первым в ряду русских святых:

«Принеси убо первѣе, – пишет старообрядческий автор, – да воспомянем отца всероссийскаго, корень благочестия, вину богопознания, равноапостольнаго мужа, великаго, глаголю, князя ВЛАДИМИРА, иже яко сам от нечестия во благочестие преложився, тако и всю российскую землю богопознанием одарив, честный и многоцѣнный дар Владыцѣ всѣхъ принесе»⁸.

Далее упоминается чудо с внезапной слепотой и прозрением князя Владимира. Таких подробностей, как мы помним, не было у Григория

Суздальского. Семен Денисов предлагает и собственную библейскую аналогию-антитезу: если восхваляется Моисей, выведший евреев из египетского плена в землю обетованную – но всего лишь в «землю чувственну», то «колико сей святой муж (то есть Владимир. – *Е. Ю.*) похвалится», который «толика тмы многочисленны народов <...> в самый небесный Иерусалим к самому престолу Божию представи»⁹. Предваряя последующие панегирики святым, автор Слова подчеркивает святость «корня» русского православия:

«Колици от сего чресл святии князи, колици праведнии местоначалници и властодержци изыдоша! Колици велиции мученици и чудотворци возсияша, по гласу суда избраннаго: “Аще корень свят, то и ветвие свято”»¹⁰.

Особенное внимание Семена Денисова к церковному значению деятельности князя Владимира не может быть объяснено лишь влиянием композиции Слова Григория Суздальского. Восхваление крестителя Руси и непрерывности восходящей к нему церковной традиции, а также прославление обширного сонма русских подвижников, своим житием и подвигом освятивших Российскую землю, имело скрытый полемический подтекст, поскольку указывало на истинность сохраненного старообрядцами древлеправославия и глубокую укорененность именно старообрядческой традиции.

Апостольская деятельность князя Владимира, принявшего православие от Византии, служила отправной точкой историографической концепции, созданной выговскими книжниками в первой трети XVIII века. В частности, в предисловии к «Винограду Российскому» Семен Денисов особо подчеркивал, что князь Владимир «своим доброподвижным тщанием взыска светлость пресветлаго благочестия Сионскаго на востоце, и, взыскав от восточных стран в Россию, всю Россию, привел во благочестие, просвети»¹¹.

Помимо «Слова воспоминательного» Семена Денисова в Выговском общежителстве в 30-е годы XVIII века была создана новая иконография – Образ всех российских чудотворцев, включавшая 186 изображений русских святых [9: 152–167], [10]. Таким образом, впервые в отечественной традиции праздник всех российских чудотворцев получил полное церковное оформление.

На основе изучения документального, литературного и изобразительного материала, а также сохранившихся списков иконы мы установили время создания Образа, его автора – выговского иконописца, представителя династии каргопольских иконописцев Даниила Матвеева, выявили

иконографические источники, связь с агиологическими разысканиями выговских книжников, характер использования в богослужебной практике, местонахождение в храмовом пространстве, особенности дальнейшего бытования.

Относительно интересующего нас аспекта – почитания князя Владимира – заметим, что его изображение было помещено первым (ближайшим к центру) в шестом правом ряду, в чине благоверных князей. Роль Владимира как крестителя Руси была подчеркнута тем, что за ним располагалось изображение княгини Ольги, которая должна была бы быть гораздо выше, в чине благоверных жен.

Праздник всех российских чудотворцев, смысловым центром которого являлось почитание князя Владимира, сохранялся в старообрядческой среде на протяжении XVIII–XIX веков. Слово Семена Денисова являлось структурообразующим ядром рукописных житийно-богослужебных сборников, посвященных русским святым. В частности, оно открывало знаменитый Поморский сборник, которым широко пользовался В. О. Ключевский при написании своего классического труда «Жития святых как исторический источник». В состав подобных сборников иногда входила и Служба новым российским чудотворцам Григория Суздальского. Служба Григория Суздальского и Слово Семена Денисова в 1786 году дважды были изданы в старообрядческих типографиях в Гродно (сборник в 80) и Супрасле (сборник в 40).

Именно к этим старообрядческим изданиям обратились в начале XX века инициаторы восстановления в Синодальной церкви празднования Всем российским чудотворцам – профессор Петроградского университета Б. А. Тураев и иеромонах, будущий священноисповедник Афанасий (Сахаров). Одобренный Отделом о богослужении, проповедничестве и храме доклад Б. А. Тураева «О восстановлении празднования в первое воскресенье Петровского поста всех святых новых чудотворцев Российских» был зачитан на пленарном заседании Поместного собора 20 августа 1918 года. 26 августа было принято постановление: «1. Восстанавливается существовавшее в Русской Церкви празднование дня памяти Всех святых русских. 2. Празднование это совершается в первое воскресенье Петровского поста» (в современном месяцеслове – 2-я неделя по Пятидесятнице). В конце 1918 года была опубликована составленная Б. А. Тураевым служба, текст которой в дальнейшем был существенно переработан епископом Афанасием (Сахаровым) (опубликован в 1946 году) [1], [7: 50]. Князь Владимир

как просветитель русского народа упоминается в 1-й песне канона в хронологической последовательности; ему предшествуют седмочисленные херсонские святители, первые варяги-мученики, княгиня Ольга. Еще раз его имя называется в стихирах на хвалитех 5-го гласа после 9-й песни, заимствованных из службы Григория Суздальского.

До сих пор не осуществлена мечта святителя Афанасия, высказанная им в 1955 году, о составлении особого Похвального слова на память Всех святых, в земле Русской просиявших. В 1934 году по его же благословению монахиней Иулианией (Соколовой) был написана икона «Все святые, в земле Российской просиявшие» (князь Влади-

мир изображен в центре нижней части иконы, в группе святых, упоминаемых в 1-й песне Канона Афанасия (Сахарова)).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ письменных и изобразительных памятников, связанных с праздником всех российских чудотворцев, убеждает нас в том, что в средневековой и старообрядческой традициях князю Владимиру как крестителю Руси, сделавшему выбор в пользу Византии и заложившему основы отечественного древлеправославия, отводилось центральное место при осмыслении исторического пути Русской церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Служба всем российским чудотворцам. Гродно: Старообрядческая типография, 1786 (в 8о). Л. 1–1 об.
- ² Там же. Л. 1 об.–2.
- ³ Там же. Л. 8.
- ⁴ Там же. Л. 10.
- ⁵ Сергей, архим. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 1. С. 385 (репринт: М., 1997). В печатных изданиях первой половины XVII в. (Святцы, Пролог) данный праздник не зафиксирован.
- ⁶ Устав: Круг вселетного богослужения Поморского Выгорецкого монастыря. Саратов, 1913. Л. 159.
- ⁷ Там же. Л. 160.
- ⁸ ГИМ. Музейское собр. № 1510. Л. 4.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Денисов С. Виноград Российский. М., 1907. Л. 1 об.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
 ЖМП – Журнал Московской патриархии
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасий (Сахаров), еп. О празднике всех святых, в земле Российской просиявших, и о службе на сей праздник // Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Ученые записки. М., 1995. Вып. 1. С. 91–101.
2. Дмитриева Р. П. Григорий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Ч. 1. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. С. 169–172.
3. Макарий (Веретенников), архим. Эпоха новых чудотворцев (Похвальное слово новым русским святым инока Григория Суздальского) // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1997. № 2 (13). С. 128–144.
4. Панченко О. В. Из археографических разысканий в области словесной книжности. I. «Похвальное слово русским преподобным» – сочинение Сергия Шелонина (вопросы атрибуции, датировка, характеристика авторских редакций) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 547–592.
5. Панченко О. В. Из археографических разысканий в области словесной книжности. II. «Канон всем святым, иже в Велицей России в посте просиявшим» – сочинение Сергия Шелонина // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 453–480.
6. Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534.
7. Пасский И. Первая служба всем русским святым и ее автор // ЖМП. 1949. № 8. С. 50–55.
8. Э. П. Р. Владимир (Василий) Святославич // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 690–718.
9. Юхименко Е. М. Агиологические разыскания выговских старообрядцев и Образ всех святых российских чудотворцев // XIV научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995). Ярославль, 2010. С. 152–167.
10. Юхименко Е. М. Выговская икона «Образ всех российских чудотворцев» // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 167–174.

11. Ю х и м е н к о Е. М. «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова как отражение культурно-агиологических начинаний Выга // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 329–344.
12. [Без автора] Григорий // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12. С. 559–560.

Поступила в редакцию 29.10.2020; принята к публикации 30.11.2020

Original article

Elena M. Yukhimenko, Dr. Sc. (Philology),
State Historical Museum,
(Moscow, Russian Federation)
em_yukhim@mail.ru

VENERATION OF SAINT EQUAL-TO-THE-APOSTLES PRINCE VLADIMIR: HOLIDAY AND ICON OF ALL RUSSIAN MIRACLE WORKERS

Abstract. The article addresses the relevant topic of veneration of the Holy Grand Prince Vladimir, Equal to the Apostles. The main subject of the study is the perception in the Russian religious consciousness of the place of the Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir among all Russian miracle workers. The study was conducted using the works of hymnographic and panegyric genres of the period between the XVI and the XVIII centuries, praising the host of Russian saints as a whole. The authors of these few works emphasize the dominant role of Prince Vladimir, the christianizer of Russia, in the history of Russian Orthodoxy. The article shows the significant contribution of the Old Believers to the preservation of the feast of all Russian miracle workers and the Church's veneration of Prince Vladimir as the formalizer of this host of saints in the XVIII and the XIX centuries. In the 1730s, the Vyg Old Believers' Community not only created a new literary piece dedicated to all Russian miracle workers, but also for the first time created their consolidated iconography – the Image of All Russian Miracle Workers. The apostolic activity of Prince Vladimir, who adopted Orthodoxy from Byzantium, served as the starting point of the historiographical concept created by the Vyg Old Believers in the first third of the XVIII century.

Key words: Christianization of Rus, Prince Vladimir, church worship, Old Belief, hymnography, panegyric genre, iconography

For citation: Yukhimenko, E. M. Veneration of Saint Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir: holiday and icon of all Russian miracle workers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):71–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.586

REFERENCES

1. Athanasius (Sakharov), Bishop. The Feast of All the Saints who Shone Forth in the Russian Land and the church service for this holiday. *Russian Orthodox University of St. John the Theologian. Proceedings*. Moscow, 1995. Issue 1. P. 91–101. (In Russ.)
2. Dmitrieva, R. P. Gregory. *Dictionary of scribes and books of Ancient Rus'*. Leningrad, 1988. Part 1. Issue 2: The period between the second half of the XIV and the XVI centuries. P. 169–172. (In Russ.)
3. Macarius (Veretennikov), Archimandrite. The era of new miracle workers (Eulogy to new Russian saints by Monk Gregory of Suzdal). *Alpha and Omega: Proceedings of the Society for the Dissemination of the Scriptures in Russia*. Moscow, 1997. No 2 (13). P. 128–144. (In Russ.)
4. Panchenko, O. V. The archeographic studies of Solovki literature. I. “Eulogy to Russian Reverends” by Sergius Shelonin (attribution, dating, characterization of the author's editions). *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2003. Vol. 53. P. 547–592. (In Russ.)
5. Panchenko, O. V. The archeographic studies of Solovki literature. II. “Canon to All the Saints who Shone Forth in the Great Russian Land” by Sergius Shelonin. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2004. Vol. 56. P. 453–480. (In Russ.)
6. Panchenko, O. V. Poetics of assimilation (the question of the “typological” method in the Old Russian hagiography, epideictics and hymnography). *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2003. Vol. 54. P. 491–534. (In Russ.)
7. Spasskiy, I. The first service venerating all Russian saints and its author. *The Journal of the Moscow Patriarchate*. 1949. No 8. P. 50–55. (In Russ.)
8. E. P. R. Vladimir (Basil) Svyatoslavich. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2004. Vol. 8. P. 690–718. (In Russ.)
9. Yukhimenko, E. M. Hagiological searches of the Vyg Old Believers and the Image of All Holy Russian Miracle Workers. *XIV Conference in Memoriam of Irina Petrovna Bolottseva (1944–1995)*. Yaroslavl, 2010. P. 152–167. (In Russ.)
10. Yukhimenko, E. M. The Vyg Icon of All Russian Miracle Workers. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2014. Vol. 62. P. 167–174. (In Russ.)
11. Yukhimenko, E. M. “Commemorating Word for the Holy Miracle Workers who Shone Forth in Russia” by Simeon Denisov as a reflection of cultural and hagiological undertakings of Vyg. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2010. Vol. 61. P. 329–344. (In Russ.)
12. [No author], Gregory. *Orthodox encyclopedia*. Moscow, 2006. Vol. 12. P. 559–560. (In Russ.)

Received: 29 October, 2020; accepted: 30 November, 2020

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

**«ДЕРЕВО РАСТЕТ ОТ КОРНЯ»: ИВАН НИКИФОРОВИЧ ЗАВОЛОКО
И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНТЫ В КАРЕЛИИ**

А н н о т а ц и я . Анализируется переписка известного деятеля староверия XX века Ивана Никифоровича Заволоко (1897–1984) с сотрудниками Государственного музея Карельской АССР, а также краеведами, поэтами и учеными Карелии В. П. Ершовым, И. А. Костиным, Ю. В. Линником и Е. Г. Сойни. Материалом для исследования служат более 30 писем 1960–1980-х годов, хранящихся в Национальном музее Республики Карелия, архиве Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, Древлехранилище им. В. И. Малышева в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в личном архиве Е. Г. Сойни. Предметом обсуждения в письмах являются история и культура Выговской поморской пустыни и старообрядчества в целом, вопросы собирания и коллекционирования предметов старины, музейной работы, литературного творчества, научной и культурной жизни. В статье освещается история создания поэтом И. А. Костиным стихотворения, посвященного протопопу Аввакуму. Переписка дает новый ценный материал к изучению личности, деятельности и круга интересов И. Н. Заволоко. Сделан вывод о влиянии И. Н. Заволоко на представителей интеллигенции Карелии в их постижении старообрядчества и других явлений русской культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а : старообрядчество, Выговская поморская пустынь, эпистолярный жанр, поэзия Карелии, И. Н. Заволоко

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН. Автор благодарит сотрудников Национального музея Республики Карелия и архива Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины за предоставление фотокопий необходимых для написания статьи материалов, а также Е. Г. Сойни – за возможность использовать в работе письма И. Н. Заволоко из ее личного архива.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пигин А. В. «Дерево растет от корня»: Иван Никифорович Заволоко и его корреспонденты в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.587

ВВЕДЕНИЕ

20 марта 1968 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее – ИРЛИ) в Ленинграде произошло знаменательное событие: в Древлехранилище Института поступила бесценная рукопись – Пустозерский сборник с автографами сочинений протопопы Аввакума и инока Епифания. Рукопись была подарена в Древлехранилище Иваном Никифоровичем Заволоко, в науке за ней закрепилось название «Пустозерский сборник Заволоко»¹.

Иван Никифорович Заволоко (1897–1984) – крупнейший представитель староверия XX века,

писатель, просветитель, коллекционер. Уроженец латвийского города Режици (ныне Резекне), большую часть своей жизни он провел в Латвии. Заволоко учился в Карловом университете в Праге, посещал знаменитый семинар Н. П. Кондакова, позднее в Риге издавал журнал «Родная старина», в течение долгих лет был одним из основных авторов «Старообрядческого церковного календаря». Он принадлежал к федосеевскому согласию, при этом был тесно связан с поморской Рижской Гребенщиковской старообрядческой общиной (далее – РГСО). В 1940 году, после установления в Латвии советской власти, Заволо-

ко был арестован и около 18 лет провел в лагерях и на поселении в Архангельской области и в Сибири. Тяжелые испытания не сломили его; вернувшись во второй половине 1950-х годов в Ригу, он продолжил свою просветительскую деятельность. В 1960–1980-е годы особенно плодотворными для него оказались связи с Пушкинским Домом и создателем пушкинодомского Древлехранилища В. И. Малышевым, под влиянием которого Заволоко начал собирать в Прибалтике свою вторую коллекцию древнерусских и старообрядческих рукописей (первая была собрана им еще до ареста, но она не сохранилась)². В настоящее время рукописная коллекция Заволоко хранится в Древлехранилище ИРЛИ [6].

Важную часть литературного наследия Заволоко составляет его обширная переписка с разными лицами (деятели науки, культуры, старообрядцами), представляющая интерес и для понимания его личности, и для изучения старообрядческой и в целом – русской – истории и культуры. Некоторые письма изданы³, но основной массив пока не опубликован, хранится в архиве РГСО и в других хранилищах.

Среди корреспондентов Заволоко были и специалисты из Карелии. На территории Карелии (Олонецкой губернии) в конце XVII – середине XIX века находилось Выговское поморское общежитие, история которого входила в круг первостепенных интересов Заволоко: он публиковал о нем статьи в «Старообрядческом церковном календаре», составил альбом с уникальными фотографиями Выгореции, изучал выговское медное литье. Вполне естественно, что в разыскании выговских предметов и информации о самом общежитии Заволоко обращался к специалистам и собирателям Карелии.

Корреспондентами Заволоко в разные годы являлись сотрудники Государственного музея Карельской АССР (ныне – Национальный музей Республики Карелия (далее – НМРК)), а также Виктор Петрович Ершов (в то время учитель Медвежьегорской школы-интерната), петрозаводский поэт Иван Алексеевич Костин, философ и поэт Юрий Владимирович Линник, филолог, поэт, ныне сотрудница Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (далее – ИЯЛИ КарНЦ РАН) Елена Григорьевна Сойни. Всего переписка с этими лицами составляет более 30 писем и открыток и охватывает период с 1965 по 1983 год. Источники хранятся в архиве РГСО, НМРК, коллекции И. Н. Заволоко в Древлехранилище ИРЛИ и в личном архиве Е. Г. Сойни. Содержание писем не ограничивается историей Выгореции,

в них обсуждается достаточно широкий круг вопросов, связанных с культурой Севера, поэзией, изобразительным искусством и т. д.

ПЕРЕПИСКА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ МУЗЕЕМ КАРЕЛЬСКОЙ АССР

Самое раннее письмо Заволоко – в краеведческий музей от 9 августа 1965 года – пока не обнаружено, но о его содержании известно из ответного письма, подписанного директором музея В. М. Ионовой⁴. Инициатором переписки был Заволоко; в письме он интересовался наличием в музее выговских предметов и призывал сотрудников собирать материалы по Выгореции. Вероятно, чтобы расположить к себе администрацию музея, Заволоко сообщал, что его родной дядя Павлин Яковлевич Заволокин был революционером, соратником М. И. Калинина, с которым в начале XX века он отбывал ссылку в Олонецкой губернии. Информация Заволоко о его дяде подтверждается документально. Павлин Заволокин был фотографом, писал и публиковал стихи, о своей революционной деятельности и общении с М. И. Калининым он написал книгу, в 1930-е годы заведовал Отделом редких книг и рукописей Публичной библиотеки (ныне – Российская национальная библиотека) в Ленинграде, умер в 1941 году [4: 21–25]. В своих мемуарах о Заволоко рижский писатель С. А. Журавлев вспоминал, как однажды Иван Никифорович, «несколько смущаясь», рассказывал ему о дяде-революционере; при этом чувствовалось, что Заволоко «вполне гордился своим дядей – также известным книжником, библиографом, коллегой по духу, литературно-научным интересам» [3: 164]. В карельском музее знали о Павлине Заволокине и даже отправили Ивану Никифоровичу фотографию доски с дверей этапной избы в дер. Мянсельга Петрозаводского уезда с именами Заволокина и Калинина.

«Такие надписи, – сообщила В. М. ИONOVA Заволоко, – делались в целях установления связи с другими политическими ссыльными. Доска была доставлена в наш музей в 1932 году. Ныне дом этапной избы не сохранился».

В. М. ИONOVA просила Заволоко прислать материалы о его родственнике-революционере, обещающая показать их в экспозиции музея.

Заволоко заинтересовал сотрудников музея и как знаток Выгореции. В те годы старообрядчество трактовалось советской идеологией прежде всего как антимоноархический и антицерковный протест, и потому музеи относились к этой теме лояльно. Из дальнейшей переписки Заволоко с музеем выясняется, что он отправлял сюда рижский «Старообрядческий церковный

календарь» и свои материалы по выговскому литью, которые с благодарностью принимались.

В 1978 году Заволоко подарил музею три листа из рукописной поморской певческой книги Праздники XVIII века. В письме, отправленном в музей вместе с листами, он сообщал, что получил их в дар от Ф. А. Каликина – известного старообрядческого собирателя рукописей, знатока икон, работавшего реставратором в Русском музее и Эрмитаже (см. о нем: [8]). Прочитав письмо Заволоко:

«По словам Ф. А. Каликина, от которого я получил эти листки, они находились в Лексинской книге, которую он нашел в п. Березовка в 6 км от Данилово в 1912 <году>. Во время второй Отечественной войны ему пришлось эвакуироваться из Ленинграда. Книги (их было немало у него) с собой взять не мог. Поэтому выбрал титульные листы и начальные стихеры. А когда вернулся, то оказалось, что снарядом была уничтожена вся его комната и всё, что в ней находилось. А часть листков, которые он взял с собою, сохранились. Эти три листка примите от меня как скромный вклад в Ваш краеведческий музей»⁵.

Листы представляют собой образцы поморского (выговского) орнамента XVIII века (инициалы и заставки-рамки с вписанными в них, частично вязью, названиями), содержат стихеры служб на Благовещение, Успение и Богоявление⁶.

ПЕРЕПИСКА С В. П. ЕРШОВЫМ

Глубоко интересовавшийся культурой Выга, Заволоко, однако, в Поморье и Заонежье не бывал, но очень хотел посетить эти края. В 1969 году из статьи журналиста В. В. Шевелева, опубликованной в журнале «Наука и религия»⁷, он узнал о собирателе поморской старины в Медвежьегорске, учителе географии и создателе музея в местной школе-интернате Викторе Петровиче Ершове⁸. 13 мая 1970 года Заволоко отправил Ершову письмо, в котором писал о своем желании приехать в Медвежьегорск, чтобы ознакомиться с коллекцией образцов медного литья в школьном музее⁹. Он интересовался также возможностью посещения Данилово – места бывшей Выговской пустыни – и острова Киж. Желание посетить Киж именно в этот период было вызвано, вероятно, тем, что для «Старообрядческого церковного календаря» 1969 года Заволоко подготовил материал о кижских церквях. В ответном письме В. П. Ершов пригласил Заволоко посетить его музей, но поездка так и не состоялась; не была продолжена и сама переписка.

ПЕРЕПИСКА С И. А. КОСТИНЫМ

Особый интерес для нашей темы представляет история эпистолярного и личного общения

Заволоко с петрозаводским поэтом Иваном Алексеевичем Костиным¹⁰. Как писал И. А. Костин в своих опубликованных мемуарах, с Заволоко он познакомился в начале 1970-х годов в Ленинграде в гостях у В. И. Малышева, с которым тесно общался и которому периодически передавал для Древлехранилища найденные в северных деревнях рукописи.

«Звонок в прихожей. Хозяин дома (Малышев. – А. П.) открыл дверь, и на пороге появилась полноватая фигура благообразного старца на костылях, с широкой окладистой бородой. За плечами рюкзак»¹¹.

Это и был Заволоко. Позднее Костин приезжал к нему в Ригу, привозил для консультаций свою коллекцию старообрядческого медного литья, которую в 2004 году передал в музей «Киж»¹². С середины 1970-х годов между Заволоко и Костиным установилась переписка, часть которой сохранилась (8 писем от Костина Заволоко и 7 писем и открыток от Заволоко Костину)¹³.

Большая разница и в возрасте, и в самом жизненном и духовном опыте, при общности интересов, определила характер этой переписки: Костин обращался к «легендарному» Заволоко с просьбами поделиться знаниями, посоветовать нужную литературу, проконсультировать по тому или иному вопросу. Так, в одном из писем (без даты) Костин просил Заволоко рассказать интересные факты из истории его «поисков», «особенно северных, все что связано с нашим краем». В письме Заволоко 1975 года содержится ответ на вопрос Костина о том, что значит в его жизни Поморский край:

«Я давно интересуюсь этим краем. Ведь в нем сохранились драгоценные осколки прошлой старины. И в области зодчества и в области древнерусской письменности и фольклора (былины, стихи старинные и пр.). Поморье было до сих пор неиссякаемым кладом такой старины. И это важно – не как археология только. Ведь для построения здания будущего необходимы драгоценные камни прошлого. Дерево растет от корня»¹⁴.

Последние слова – «Дерево растет от корня» – составляли суть мировоззрения Заволоко. Вариант этой фразы использован также в письме к известному московскому старообрядцу и коллекционеру М. И. Чуванову, которому Заволоко писал о необходимости сохранения традиций в самом старообрядчестве: «А я был и остался традиционалистом. Дерево не растет без корня» [12: 198].

По совету Заволоко Костин изучил труды В. Н. Майнова об Обонежье, В. Г. Дружинина о Выговской пустыни, «прочел с удовольствием» подшивку журнала «Родная старина», в Древлехранилище ИРЛИ прочитал переписку За-

волоко с Ф. А. Каликиным. Все эти материалы он планировал использовать в своих сочинениях о Русском Севере, о Заонежье. Об этих планах и о уже опубликованных очерках и книгах Костин сообщал Заволоко во многих письмах. Консультации рижского знатока старообрядчества и порекомендованные им источники пригодились Костину при написании очерков «Письма из Заонежья»¹⁵, «Раскольники в Заонежье»¹⁶ и др.

В свою очередь Костин также старался быть полезным «рижскому старцу». Он сообщал Заволоко о попадавших в поле его зрения предметах старообрядческого искусства, приглашал его в совместное путешествие по историческим местам Карелии (в том числе в Данилово), знакомил с новостями культурной и научной жизни Петрозаводска, регулярно высылал ему особенно интересные номера литературно-художественного петрозаводского журнала «Север». В письмах Заволоко содержатся краткие и очень доброжелательные отклики на прочитанные им благодаря Костину публикации Ю. В. Линника о художнике рериховского круга Б. А. Смирнове-Русецком¹⁷, петрозаводского историка М. И. Бацера о Выгореции¹⁸. Журнал со статьей М. И. Бацера «Разглагольствие на Выге» Заволоко давал читать своим знакомым.

«Статья понравилась, – писал он Костину, – о старообрядчестве многие пишут. И немало выдумывают всякие глупости в духе прежних миссионеров, “просветителей старообрядчества”. Очень ценно упоминание о патриотизме Андрея Денисовича <...>. Остается только поблагодарить автора статьи за его исторический труд с пожеланием творческих успехов и в дальнейшем»¹⁹.

Костин отправлял Заволоко и свои публикации – поэтические сборники, очерки, подборки стихов или статьи в журнале «Север». В письме от 1 июня 1981 года Заволоко, большой знаток поэзии, в молодости сам писавший стихи, поделился своими впечатлениями от сборника Костина «Озерные песни» (Петрозаводск, 1981), отметил особенно понравившиеся ему стихотворения, дал поэту некоторые рекомендации²⁰.

Под влиянием В. И. Малышева и И. Н. Заволоко И. А. Костин пытался воплощать интерес к старообрядчеству и в своем поэтическом творчестве. В конце 1977 или начале 1978 года он закончил стихотворение «Аввакум», на которое его долго «подвигал» В. И. Малышев. Об истории создания этого стихотворения Костин вспоминал:

«Он (Малышев. – А. П.) долго и подробно в тот вечер рассказывал о встречах с поэтами <...> писавшими об Аввакуме. <...>. Он и меня, скромного стихотворца,

много раз подвигал к мысли написать стихи об Аввакуме. Я не решался взяться за такую сложную тему. Но при каждом удобном случае он напоминал об этом, и я понемногу начинал воспринимать его просьбу как личный долг. И в конце концов стихи были написаны. Владимиру Ивановичу в своей основе они понравились, видимо, тем, что я пропустил образ Аввакума как бы через свое личное к нему отношение и он, по выражению моего наставника, получился “живой фигурой”. При этом он высказал и немало замечаний. Я долго размышлял над ними и переписал стихотворение. Оно было напечатано, но показать его Владимиру Ивановичу я уже не мог: его не стало»²¹.

О трудностях в работе над стихотворением Костин признавался и в письмах к Малышеву:

«Постепенно подхожу к “Аввакуму” – что-нибудь обязательно сделаю, да уж очень личность сложная...»²²; «На днях вышло Вам для консультации первый вариант “Аввакума”, но боюсь, что я далек от той атмосферы. Видно, не хватает чувства историзма, да и таланта тоже»²³.

Стихотворение было опубликовано в журнале «Север» в 1981 году²⁴, спустя пять лет после смерти В. И. Малышева († 2 мая 1976). Костин выслал этот номер журнала Заволоко, от которого в мае 1982 года получил открытку следующего содержания:

«Привет из Риги! Получил “Север” 1981, № XI и за 1982, № IV. Сердечно благодарю. 5/V был в Ленинграде. Выступал на тему “Аввакум в поэзии”. Читал и Ваше стихотворение “Аввакум” <...>. Желая Вам творческих успехов и в дальнейшем!»²⁵.

Знаменательно, что стихотворение «Аввакум», написанное по настоянию В. И. Малышева, было прочитано на конференции его памяти – на «Малышевских чтениях» – человеком, подарившим научному миру автограф «огнепального протопопа»²⁶.

Личность В. И. Малышева и воспоминания о нем также являются важной темой в переписке Заволоко и Костина. В письмах после 1976 года нередко упоминаются ежегодные мемориальные «Малышевские чтения» в ИРЛИ, на которых они старались по возможности присутствовать. Костин делился с Заволоко планами написать статью о редких книгах, посвященную памяти В. И. Малышева. Рассказывая в одном из писем о своем посещении Древлехранилища ИРЛИ, он с удовольствием отмечал, что теперь здесь работают ученики В. И. Малышева – «славные люди», которые «умеют беречь и чтить память хороших людей». В мемориальном кабинете Малышева в Древлехранилище он узнал некоторые его личные вещи «из домашнего обихода»²⁷. Это уважительное отношение к памяти выдающегося археографа, знатока старообряд-

ческой письменности и культуры Заволоко, несомненно, чувствовал и ценил. Приглашая Костина в гости в Ригу (1980 год), Заволоко писал ему: «Рад и Вас повидать. Про Владимира Ивановича вспомнить вместе. <...> Приезжайте!»²⁸.

ПЕРЕПИСКА С Ю. В. ЛИННИКОМ

Гораздо меньше сохранилось сведений о взаимоотношениях И. Н. Заволоко с Юрием Владимировичем Линником – петрозаводским философом и поэтом²⁹. В архиве РГСО имеется пять писем Линника к Заволоко³⁰, но ответные письма обнаружить пока не удалось. Ю. В. Линника – ученого широкой эрудиции в области философии, литературы, живописи, архитектуры и т. д. – Заволоко заинтересовал прежде всего как неординарная личность, обладающая уникальной духовной энергией.

Знакомство Заволоко и Линника произошло летом или осенью 1979 года (вероятно, в Риге); под впечатлением от этой встречи Линник отправил своему новому знакомому письмо, начинающееся восторженными словами:

«Встреча с Вами произвела на меня просто ошеломляющее впечатление. Я никак не думал, что еще есть люди с такими глубокими русскими корнями, как у Вас»³¹.

В следующем письме, написанном через месяц:

«Вы – самый цельный человек из всех, кого я встречал. Вам бы надо обязательно написать эссе или книгу о своем мировосприятии, о том, как Вы понимаете и суть добра, и эволюцию человека, и наше время. Поверьте, это очень и очень нужная работа»³².

Линник просит Заволоко о новых встречах («хочется набраться от Вас духовных сил, ясно-го и мудрого взгляда на жизнь», «очень и очень хочется опять встретиться с Вами»; «очень хотел бы опять зайти к Вам и сделать духовную подзарядку»), благодарит его за «новый духовный заряд», «духовную помощь», «неиссякаемую светоность (*sic!*) духа», «добрую жизнотворную энергию» и т. д.

Как признается Линник, встреча с Заволоко помогла ему преодолеть некоторые стереотипы в восприятии старообрядчества:

«Всегда уважая старообрядцев<о>, я считал, что оно консервативно (в самом положительном смысле), всецело обращено в прошлое. Встретил же я человека (Вас), которы<й> чувство традиции совершенно потрясающим образом сочетает с острым чувством времени, с пониманием всех его и аномалий, и достижений»³³.

Линник сообщает о своем желании более глубоко разобраться в сути старообрядчества, осо-

бенно в его «философской стороне» и «диссидентской функции в русской истории», просит посоветовать ему соответствующую литературу.

Как и И. А. Костину, Ю. В. Линнику было интересно мнение Заволоко о своих поэтических творениях. В архиве РГСО сохранилось несколько стихотворений Линника, отправленных Заволоко в 1982 году: «Китеж-град. Триптих» и «Совесть. Диптих» (машинопись). На первом листе Линник оставил запись: «Дорогому Ивану Никифоровичу – с любовью. 15. XI. 82».

Можно предположить, что одной из тем для обсуждения являлось творчество Н. К. Рериха и художников его круга, к которому Заволоко и Линник питали большой интерес. В 1920–1930-е годы Заволоко состоял в переписке с Рерихом, и не исключено, что именно это обстоятельство и побудило петрозаводского философа-космиста познакомиться со знаменитым рижанином. В одном из писем Линник сообщает Заволоко, что выслал ему журнал «Север» со своей статьей о Рерихе³⁴. Однако это единственное упоминание Рериха в письмах Линника. И если наше предположение верно, то в дальнейшем старообрядческая тематика, судя по сохранившимся письмам, оттеснила все остальные обсуждавшиеся вопросы на второй план.

ПЕРЕПИСКА С Е. Г. СОЙНИ

В работах о Заволоко отмечалось, что Иван Никифорович всегда готов был помочь молодым начинающим ученым, студентам и аспирантам [12: 26]. В этом вновь убеждает история общения Заволоко еще с одним петрозаводским поэтом и филологом – Еленой Григорьевной Сойни³⁵. Е. Г. Сойни познакомилась с Заволоко в конце 1970-х годов, когда ей было около 25 лет. Выпускница Петрозаводского государственного университета, в эти годы она обучалась в аспирантуре при академическом институте Петрозаводска и под руководством видного специалиста по истории финской литературы Э. Г. Карху писала диссертацию на тему «Проблемы финского неоромантизма и литературно-эстетического наследие Н. К. Рериха». Е. Г. Сойни ездила к Заволоко в Ригу, позднее вступила с ним в переписку (сохранились одно письмо и две поздравительные новогодние открытки от Заволоко и одно письмо и одна новогодняя открытка от Сойни)³⁶. Тематика писем – преимущественно «рериховская». Желая помочь молодому исследователю в сборе материалов для диссертации, Заволоко указал в письме (от 16 апреля 1979 года) несколько научных публикаций о Рерихе и приложил к письму статьи о нем из местных газет. В свою

очередь он поинтересовался публикациями о Выговской пустыни в петрозаводской прессе и попросил Е. Г. Сойни присылать ему такой материал, если он будет встречаться. В ответном письме Е. Г. Сойни сообщала о своих предстоящих встречах с известными рериховедами, поэтами и художниками и приглашала Заволоко присоединиться к алтайской экспедиции по рериховским местам. Желание Е. Г. Сойни познакомиться с Заволоко, лично знавшим Рериха, свидетельствует о большой увлеченности молодого исследователя своей научной темой, что и принесло впоследствии богатые плоды: Е. Г. Сойни стала признанным специалистом-рериховедом (см., например: [9], [11]). Небесследно для Е. Г. Сойни осталось и состоявшееся благодаря Заволоко прикосновение к истории и культуре Выговской пустыни: раздел о писателях-старообрядцах этого литературного центра для академической «Исто-

рии литературы Карелии» в конце 1990-х годов написала именно она [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закончить очерк эпистолярного общения И. Н. Заволоко с корреспондентами из Карелии хотелось бы цитатой из его поздравительной открытки, отправленной Е. Г. Сойни на Новый, 1980 год. Пожелав своему адресату «здоровья и творческих успехов», Заволоко завершил это послание словами: «Жизнь – в стремлении к Свету и Добру». Действительно, прошедший через сталинские лагеря, оставшийся инвалидом, Иван Никифорович до конца своих дней сохранял огромный интерес к жизни, людям и культуре. Его слова о стремлении к Свету и Добру, в основе которого для него была вера в Божий промысел, звучат здесь и как напутствие, и одновременно как нравственный итог его собственной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рукопись хранится в Древлехранилище им. В. И. Малышева (собрание отдельных поступлений, оп. 24, № 43). См. издания и исследования рукописи: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975; Житие протопопа Аввакума: (Последняя авторская редакция): В 2 кн. / Подгот. текста, вступ. статья, перевод и коммент. Н. В. Поньрко. СПб., 2016. Кн. 2: Факсимильное воспроизведение автографа по рукописи Пустозерского сборника И. Н. Заволоко.
- ² О И. Н. Заволоко см.: [5]. Разнообразные биографические материалы о И. Н. Заволоко опубликованы в сборниках международных «Заволокинских чтений» (Рига, 2006, 2010, 2014, 2016).
- ³ См., например: Переписка сотрудников Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук с И. Н. Заволоко (1972–1983) / Публ. и предисл. Н. Ю. Бубнова. Рига, 2017; [12].
- ⁴ Письмо из карельского музея И. Н. Заволоко, 13 ноября 1965 года (ИРЛИ, коллекция И. Н. Заволоко, № 227).
- ⁵ Письмо И. Н. Заволоко в карельский музей, 10 мая 1978 года (ИРЛИ, коллекция И. Н. Заволоко, № 352).
- ⁶ НМРК, КГМ-18568/1–3.
- ⁷ Шевелев В. Человеку важно знать свой дом // Наука и религия. 1969. № 4. С. 13–18. В этом же номере содержится и статья самого В. П. Ершова о его музее (Ершов В. П. Наш музей. С. 18–21), которую Заволоко также упоминает в своем письме.
- ⁸ В. П. Ершов (род. в 1937) – кандидат педагогических наук, учитель школы-интерната в Медвежьегорске (1960–1974), преподаватель Карельского государственного пединститута (1974–2017), научный сотрудник сектора этнологии ИЯЛИ КарНЦ РАН (с 2019 года по настоящее время).
- ⁹ Письмо И. Н. Заволоко В. П. Ершову, 13 мая 1970 года (ИРЛИ, коллекция И. Н. Заволоко, № 402).
- ¹⁰ И. А. Костин (1932–2015) – уроженец заонежской деревни Хашезеро, выпускник Литературного института им. А. М. Горького, работал токарем, журналистом; автор ряда поэтических сборников и сочинений в прозе, Народный писатель Республики Карелия. О его творчестве см.: История литературы Карелии. Петрозаводск, 2000. Т. 3 (по именованному указателю).
- ¹¹ Костин И. По следам редких книг // Север. 1982. № 4. С. 89.
- ¹² О своей встрече с Заволоко в Риге Костин вспоминал в нескольких очерках: Костин И. 1) Были Заонежья: Очерки. Петрозаводск, 1983. С. 100–102; 2) Раскольники в Заонежье // Север. 2011. № 9–10. С. 45; 3) «Судьба мне дарила и муки, и радости...» // Север. 2012. № 11–12. С. 159.
- ¹³ Письма хранятся в архиве РГСО (переписка И. Н. Заволоко, опись Д–К, л. 9, № 18) и в НМРК (КГМ-36073/1–6). Фрагмент еще одного письма от Заволоко к Костину, оригинал которого не найден, был опубликован последним в: Костин И. По следам редких книг. С. 91.
- ¹⁴ Письмо И. Н. Заволоко И. А. Костину, апрель 1975 года (НМРК, КГМ-36073-1).
- ¹⁵ Костин И. Были Заонежья: Очерки. С. 83–109.
- ¹⁶ Костин И. Раскольники в Заонежье. С. 44–58.
- ¹⁷ См.: Линник Ю. Несущий свет // Север. 1980. № 1. С. 106–110.
- ¹⁸ См.: Бацер М. Разглагольствие на Выге // Север. 1983. № 1. С. 92–101. Позднее М. И. Бацер включил этот очерк в свою книгу о Выгореции [1: 53–96]. Как пишет М. И. Бацер в предисловии ко второму изданию книги, И. А. Костин сообщил ему о положительном отзыве Заволоко на его исторические разыскания о Выге [2: 7–8].

- ¹⁹ Письмо И. Н. Заволоко И. А. Костину, 15 августа 1983 года (Архив РГСО, переписка И. Н. Заволоко, опись Д–К, л. 9, № 18).
- ²⁰ Письмо И. Н. Заволоко И. А. Костину, 1 июня 1981 года (НМРК, КГМ-36073-3).
- ²¹ Костин И. По следам редких книг. С. 89.
- ²² Письмо И. А. Костина В. И. Малышеву, 29 марта 1975 года (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, № 657, л. 11).
- ²³ Письмо И. А. Костина В. И. Малышеву, 28 января 1976 года (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, № 657, л. 14).
- ²⁴ Костин И. Аввакум // Север. 1981. № 11. С. 45 (стихотворение включено в поэтическую подборку «Осенние дали»).
- ²⁵ Письмо (открытка) И. Н. Заволоко И. А. Костину, 10 мая 1982 года (НМРК, КГМ-36073-5).
- ²⁶ В программе «Малышевских чтений» 1982 года, состоявшихся 5 мая, доклад И. Н. Заволоко не указан (см.: Программы «Малышевских чтений» (1977–1984 гг.) // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 339). Вероятно, Заволоко выступал вне программы или в прениях по докладам.
- ²⁷ Письмо И. А. Костина И. Н. Заволоко, 21 февраля 1978 года (Архив РГСО, переписка И. Н. Заволоко, опись Д–К, л. 9, № 18).
- ²⁸ Письмо И. Н. Заволоко И. А. Костину, 3 февраля 1980 года (НМРК, КГМ-36073-2).
- ²⁹ Ю. В. Линник (1944–2018) – доктор философских наук, профессор, работал в Карельском государственном пединституте и Петрозаводском государственном университете, философ-космист, поэт, библиофил, коллекционер произведений искусства.
- ³⁰ Письма от 26 сентября, 23 октября 1979 года, 1 марта 1980 года, два письма без указания даты (Архив РГСО, переписка И. Н. Заволоко, опись Л–М, л. 10, № 4).
- ³¹ Письмо от 26 сентября 1979 года.
- ³² Письмо от 23 октября 1979 года.
- ³³ Письмо от 26 сентября 1979 года. Похожие отзывы о личности Заволоко можно встретить и в воспоминаниях других людей (ср.: «...Иван Никифорович с первого и до последнего дня нашего знакомства оставался для меня <...> не просто доброжелательным к окружающему миру и людям, а глубоко заинтересованным в каждом новом человеке и в хорошем знании современной действительности. Он до конца обладал этим удивительным важнейшим качеством немногих немолодых людей – сохранять интерес ко всему и удивляться тому, что видишь» [7: 42]).
- ³⁴ Письмо от 1 марта 1980 года. Имеется в виду статья: Линник Ю. Мастер духовного синтеза // Север. 1979. № 4. С. 105–114.
- ³⁵ Е. Г. Сойни (до замужества Бондаренко) (род. в 1953) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН, специалист по русско-финским литературным связям, поэт, член Союза писателей России.
- ³⁶ Письмо и открытки от И. Н. Заволоко хранятся в личном архиве Е. Г. Сойни, корреспонденция от Е. Г. Сойни – в архиве РГСО (переписка И. Н. Заволоко, опись Р–У, л. 12).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бац е р М. Выгоречия: исторические очерки. Петрозаводск: Карелия, 1986. 168 с.
2. Бац е р М. И. Двуперстие над Выгом: исторические очерки. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2005. Изд. 2-е. 324 с.
3. Жу р а в л е в С. А. Иван Никифорович Заволоко – старожил, культуролог, собеседник // Международные Заволокинский чтения. Рига: ELPA 2, 2006. Сб. 1. С. 154–170.
4. Жу р а в л е в С. А. Русские писатели в Латышском крае (конец XIX в. – 1918 г.): Серебряный век. Рига: Улей, 2004. 74 с.
5. М а л ы ш е в В. И. Иван Никифорович Заволоко. (К 75-летию со дня рождения) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1973. Т. 27. С. 461–462.
6. М а р к е л о в Г. В. Коллекция рукописей И. Н. Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. Т. 34. С. 377–387.
7. П о з д е в а И. В. Иван Никифорович Заволоко – человек, собиратель, ученый // Международные Заволокинский чтения. Рига: Poligrāfists, 2016. Сб. 4. С. 41–55.
8. П о н ы р к о Н. В. Федор Антонович Каликин – собиратель древних рукописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1980. Т. 35. С. 446–450.
9. С о й н и Е. Г. Николай Рерих и Север. Петрозаводск: Карелия, 1987. 164 с.
10. С о й н и Е. Г. Писатели-старообрядцы Выговской пустыни // История литературы Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. Т. 3. С. 19–25.
11. С о й н и Е. Г. Северный лик Николая Рериха. Самара: Агни, 2001. 166 с.
12. Ю х и м е н к о Е. М. 25 лет эпистолярного общения И. Н. Заволоко и М. И. Чуванова (1959–1983). М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 264 с.

Original article

Alexander V. Pigin, Dr. Sc. (Philology),
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

**“A TREE GROWS FROM ITS ROOT”:
IVAN NIKIFOROVICH ZAVOLOKO AND HIS CORRESPONDENTS IN KARELIA**

Abstract. The article analyzes the correspondence between a prominent figure among the XX-century Old Believers, Ivan Nikiforovich Zavoloko (1897–1984), and the staff of the State Museum of the Karelian Autonomous Soviet Social Republic, as well as local historians, poets and scholars of Karelia V. P. Yershov, I. A. Kostin, Yu. V. Linnik and E. G. Soini. The research materials were more than 30 letters written between the 1960s and the 1980s and stored in the National Museum of the Republic of Karelia, the Archive of the Riga Grebenshchikov Old Believers' Community, the Depository named after V. I. Malyshev at the Institute of Russian literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, and in the personal archive of E. G. Soini. The subjects discussed in the letters are the history and culture of the Vyg Community and the Old Belief in general, issues of collecting and studying antiquities, museum work, literary activity, and scientific and cultural life. The article also covers the history of I. A. Kostin's poem dedicated to the Archpriest Avvakum. The correspondence provides new valuable materials for the study of the personality, activities, and range of interests of I. N. Zavoloko. The conclusion is made about the influence of I. N. Zavoloko on the representatives of the Karelian intelligentsia in their understanding of the Old Belief and other phenomena of Russian culture.

Key words: Old Belief, Vyg Old Believers' Community, epistolary genre, poetry of Karelia, Ivan N. Zavoloko

Acknowledgments. The study was funded from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The author expresses his gratitude to the staff of the National Museum of the Republic of Karelia and the Archive of the Riga Grebenshchikov Old Believers' Community for providing the photocopies of the materials needed for writing the article, as well as to Elena G. Soini for the opportunity to use the letters of Ivan N. Zavoloko from her personal archive.

For citation: Pigin, A. V. “A tree grows from its root”: Ivan Nikiforovich Zavoloko and his correspondents in Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.587

REFERENCES

1. Bats'er, M. I. The Vyg Community: historical essays. Petrozavodsk, 1986. 168 p. (In Russ.)
2. Bats'er, M. I. Two-finger cross sign over Vyg: historical essays. Petrozavodsk, 2005. Edition 2. 324 p. (In Russ.)
3. Zhuravlev, S. A. Ivan Nikiforovich Zavoloko – an old-timer, culturologist, and interlocutor. *International Zavoloko Readings*. Riga, 2006. Vol. 1. P. 154–170. (In Russ.)
4. Zhuravlev, S. A. Russian writers in the Latvian region (late XIX century – 1918): the Silver Age. Riga, 2004. 74 p. (In Russ.)
5. Malyshev, V. I. Ivan Nikiforovich Zavoloko (commemorating his 75th birth anniversary). *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Leningrad, 1973. Vol. 27. P. 461–462. (In Russ.)
6. Markelov, G. V. Collection of I. N. Zavoloko's manuscripts in the depository of the Pushkin House. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Leningrad, 1979. Vol. 34. P. 377–387. (In Russ.)
7. Pozdeeva, I. V. Ivan Nikiforovich Zavoloko – a personality, collector, and scholar. *International Zavoloko Readings*. Riga, 2016. Vol. 4. P. 41–55. (In Russ.)
8. Ponyrko, N. V. Fyodor Antonovich Kalikin – a collector of Old Russian manuscripts. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Leningrad, 1980. Vol. 35. P. 446–450. (In Russ.)
9. Soini, E. G. Nicholas Roerich and the North. Petrozavodsk, 1987. 164 p. (In Russ.)
10. Soini, E. G. The old-believing writers of the Vyg Community. *History of Karelian Literature*. Petrozavodsk, 2000. Vol. 3. P. 19–25. (In Russ.)
11. Soini, E. G. Northern image of Nicholas Roerich. Samara, 2001. 166 p. (In Russ.)
12. Yukhimenko, E. M. 25 years of epistolary communication between I. N. Zavoloko and M. I. Chuvanov (1959–1983). Moscow, 2019. 264 p. (In Russ.)

Received: 20 August, 2020; accepted: 30 November, 2020

КИРИЛЛ ЯКОВЛЕВИЧ КОЖУРИН

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Института философии человека
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1082-3006; kozhurin@list.ru

НОВОНАЙДЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА СЕЛА КУШЕРЕКИ ОНЕЖСКОГО УЕЗДА

А н н о т а ц и я . На основе новонайденных архивных документов рассматривается история одного из малоизвестных центров Древлеправославия на Русском Севере – села Кушереки Онежского уезда Архангельской губернии. Обращение к данной теме представляется весьма актуальным в силу ее малоизученности и практической важности для конфессиональной истории России в границах старообрядческого сообщества. В научный оборот вводятся новые архивные материалы, освещающие положение староверов в северном селе и его окрестностях. Документальный корпус, взятый автором за основу исследования, представляет собой группу источников из фондов Российского государственного исторического архива: дела «по расколу» Департамента общих дел МВД и Канцелярии министра земледелия. Опираясь на опубликованные и неопубликованные источники, а также историографический материал, автор рассматривает историю села Кушереки в исторической ретроспективе и пытается выявить реальную роль старообрядчества в жизни и мировоззрении ее жителей, формально принадлежавших к господствующей церкви. Поднимаются важные проблемы бытования на севере тайных староверческих скитов, правительственной политики в отношении староверов, их деятельности, репрессий середины XIX века. Одним из главных выводов является тот факт, что авторитет старообрядчества среди населения Поморского Севера, несмотря на гонения со стороны официальных властей, был неизменно высок на протяжении XVII–XX веков.

К л ю ч е в ы е с л о в а : старообрядчество, северное село, старообрядчество Архангельского Севера, староверческое население, тайные скиты, конфессиональная политика, правительственные репрессии

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кожурин К. Я. Новонайденные документы для истории старообрядчества села Кушереки Онежского уезда // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.588

ВВЕДЕНИЕ

В годы, последовавшие за расколом Русской церкви в середине XVII века, появилось немало старообрядческих скитов на Русском Севере, в частности в обширной Архангельской губернии: Ануфриевский, Ипатьев, Сёмженский, Великопоженский, Цилемский, Игнатьевский, Березовый, Половой, Сумозерский, Малолахотский, Большелахотский, Слободской и др. (подробнее см.: [2: 281–295]). Занимаясь исследованием поморского рода Кучиных (моих предков по материнской линии), самым известным представителем которого был российский полярный исследователь, участник экспедиции Амундсена на Южный полюс, капитан судна погибшей экспедиции Русанова – Александр Степанович Кучин (1888–1913?), я натолкнулся на ряд любопытных архивных материалов, проливающих

свет на историю старообрядчества в Онежском уезде, в частности в старинном селе Кушереке.

СЕЛО КУШЕРЕКА И СТАРАЯ ВЕРА

Село Кушерека известно с XVI века. Кушерецкая волостка была в составе Турчасовского стана Каргопольского уезда. До секуляризации 1764 года Кушерека и Унежма были вотчиной Соловецкого монастыря. Правда, во второй половине XVII века некоторое время она была приписана к Кийскому Крестному монастырю, основанному патриархом Никоном. Новый монастырь задумывался Никоном как альтернатива Соловецкому, ставшему одним из центров старообрядческого сопротивления его церковным реформам. Именно тогда Кийскому монастырю была передана часть вотчины с крепостными крестьянами, принадлежавшая ранее Соловецкому монастырю, в том числе и Кушерецкая волость.

На 1668–1676 годы приходится знаменитое «Соловецкое сидение» – восстание соловецких монахов, которые категорически отказались принимать никоновские новшества и в течение восьми лет выдерживали суровую осаду царскими войсками. Известно, что местные жители (думается, и жители принадлежавшей монастырю Кушерецкой волости) активно помогали соловецким монахам, поставляя в монастырь необходимые съестные припасы и уведомляя о военных приготовлениях к осаде. После взятия монастыря стрельцами в 1676 году и последующего его разгрома некоторым инокам все же удалось уйти от расправы. Как отмечает А. Н. Старицын,

«в Кушерецком погосте, центре религиозной и общественной жизни волости, должна была располагаться стрелецкая застава, призванная отлавливать соловецких выходцев и не позволять местному населению сообщаться с монастырем» [4: 198].

Старообрядческий писатель Иван Филиппов в своей «Истории Выговской пустыни» подробно описывает маршрут передвижения черного дьякона Питирима, вышедшего из монастыря еще в 1674 году:

«...изыде из Анзерскаго монастыря ноцию тайно и в малую седе ладейцу и плове морем к устью реки Онеги и не смея приити в жилище, но по берегу моря приплы к Кушерецкой волости и там на устии срете его некий христороубец и даде ему укрох хлеба и невелу ему итти в волость понеже в ней салдаты стояжу тогда и показа ему путь, им же изыти на пустое место и проити на Калгачиху, он же сотвори по повелению оного христороубца и шед пустынею и прииде на Калгачиху к некоему христороубцу иже даде ему хлеба на путь и показа ему путь итти в Выговскую пустыню»¹.

В XVII столетии в Кушерецком приходе существовало два деревянных храма. Наиболее древний из них – во имя Успения Пресвятой Богородицы – впервые упоминается в «Дозорной книге 1648 года по городу Каргополю (Турчасову)». Как отмечает автор «Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии»,

«судя... по грамоте... Афанасия, архиеп[ископа] Холмогорского и Важеского, на имя Соловецкого архимандрита Фирса, келаря Иннокентия и казначея Варсонофия от 7204 (1696) г. об устройении новой Успенской церкви вместо прежней, неизвестно когда построенной и затем сгоревшей, можно полагать, что описываемый (Кушерецкий. – К. К.) приход существовал издавна и был вотчиной Соловецкого монастыря»².

Одновременно с первой Успенской церковью, сгоревшей в конце XVII столетия, в Кушерецком приходе был другой храм в честь Вознесения Господня, построенный в 1669 году самими прихожанами при пособии со стороны Соловецкого мо-

настыря. Церковь была деревянная, двухэтажная, в стиле «кубоватых храмов», широко распространенном на реке Онеге и побережье Белого моря. Церковь Вознесения сохранилась до наших дней: в 1969 году она была перевезена в музей деревянного зодчества «Малые Корелы» под Архангельском. Церковь обшита тесом, главы и шейки сохранили свою первоначальную окраску. Внутри храма сохранился иконостас XVII века.

Однако, несмотря на существование в селе Кушереке двух православных церквей, значительная часть местных жителей продолжала придерживаться старой веры. На протяжении XVIII – первой половины XIX века авторитет старой веры среди здешних поморов был достаточно высоким. В целом в истории русского старообрядчества это был один из немногих и недолгих периодов относительно спокойного существования. По словам местного священника Авенира Титова, прихожане села Кушереки «заражены расколом», проникшим сюда из Соловецкого монастыря и реки Выг. Как отмечает И. Н. Белобородова, онежские старообрядцы принадлежали к поморскому, филипповскому и федосеевскому соглашениям [1: 67].

О широком распространении старой веры среди местных жителей свидетельствует, в частности, дошедшее до наших дней дело 1825 года «По представлению Архангельского Гражданского Губернатора о раскольнике крестьянине Онегского Уезда Андрее Парфенове, сужденном за соращение в раскол православных». Как явствует из дела, крестьянин Кушерецкой волости Онежского уезда Андрей Парфенов занимался «соблазном народа к отвлечению легкомысленных от Православной Церкви». Благочинный Малошуйской волости доносил Онежскому духовному правлению, что

«Кушерецкаго Прихода крестьяне: Дмитрий Иванов, Семен Лапин и Никифор Марков совершают по обрядам своим погребение, и что крестьянин Андрей Парфенов, содержащийся на покаянии в Онежском Крестном Монастыре, за обращение правоверных в раскол, и бежавший из онаго, явсь в Кушерецкой приход, перекрестил того прихода прихожанина Поликарпа Ефремова, вдову Елену Окулову, крестьянскую девку Секлетию Можных и Малошуйской волости крестьянина Ивана Спирькова, для большаго же внушения соблазна христианам, собирает многих в Моленую, находящуюся в доме обращеннаго им же в раскол крестьянина Афанасия Калинина... Раскольник Андрей Парфенов, сознаваясь в нахождении под судом, в однолетнем заключении монастырском и в освобождении из онаго по разрешению будто бы Начальства, совершенно отрекся от показаний на щет погребения им умерших и перекрещивания в свою секту православных и при сем объявил, что подает советы вступить в старообрядчество одним токмо дряхлым и престарелым людям»³.

Это дело было заслушано на заседании Комитета министров 19 мая 1825 года, и Комитет постановил привести заключение Архангельской уголовной палаты в исполнение. 16 сентября 1825 года было дано Высочайшее соизволение на положение Комитета министров. Парфенов был отослан в Высоковский единоверческий монастырь в Костромской епархии 17 декабря 1826 года на подводах «за благонадежным присмотром».

19 июня 1826 года обер-прокурор Синода князь Петр Мещерский доносил министру внутренних дел В. С. Ланскому:

«Как по донесению Епархиального Начальства известно ныне, что означенной крестьянин Парфенов убеждаясь увещаниями и доводами из Священного писания, сознался в своем заблуждении и обратился к православной церкви, то по сему Святейший Синод предоставил мне снести с Вашим Высокопревосходительством об учинении зависящего от Вас распоряжения дабы крестьянин сей яко обратившийся в православие освобожден был из Высоковского Монастыря»⁴.

Однако вскоре вся эта история закончилась естественным путем: епископ Костромской Самуил донес в Синод, что Андрей Парфенов «быв напутствован по долгу христианскому, 12-го февраля сего года умер» (1827). Об этом обер-прокурор Синода сообщил министру внутренних дел Ланскому 5 мая 1827 года.

С началом правления Николая I (1825–1855) начинается новая волна гонений на старообрядцев: они лишились всех льгот, предоставленных им прежними царями. Вновь принимаются законы, лишаящие староверов элементарных прав. С 1834 года старообрядцам запрещено вести метрические книги – таким образом староверы оказывались вне закона. Не признавались старообрядческие браки, а дети староверов являлись по законам того времени незаконнорожденными. Они не имели прав ни на наследство, ни на фамилию отца. Правительством для борьбы со старообрядчеством создавались различные «секретные совещательные комитеты» с центральным комитетом в Петербурге, занимавшиеся слежкой и контролировавшие жизнь староверских общин с целью их подавления и закрытия.

В 1853 году вышел закон об упразднении «противозаконных раскольнических сборищ», в том числе скитов и монастырей, по которому были опечатаны алтари Рогожского кладбища, часть Преображенского монастыря была передана единоверцам, а Выговское общежитие, сыгравшее такую выдающуюся роль в жизни Поморского Севера, вообще было закрыто и разорено. Под правительственный контроль были взяты Волковская и Малоохтинская богадель-

ни в Санкт-Петербурге, также имевшие давние и тесные связи с северными скитами. Во исполнение новых «драконовских» законов

«многие сотни молитвенных зданий были уничтожены; десятки тысяч икон, сего древнего достояния прадедов, были отобраны, огромную библиотеку можно составить из богослужебных и иных книг, взятых в часовнях и домах старообрядцев»⁵.

Моленные и часовни, построенные и украшенные старообрядцами, стали отбирать и передавать единоверцам. О численности «раскольников» и о «раскольнических моленных» по всем губерниям Российской империи начали систематически собирать информацию. Так, в списке «раскольничьих скитов и проч., находящихся в Архангельской губернии», доставленном в Министерство внутренних дел от управляющего Архангельской удельной конторой в январе 1845 года, в Кушерецком приходе показаны: «3 молитвенные дома»⁶.

С внезапной смертью в 1855 году императора Николая I репрессивная машина, запущенная им, не остановилась, а продолжала еще долго и эффективно работать. О характере правительственных репрессий по отношению к староверам красноречиво свидетельствует начатое в 1856 году «Дело по отношению министра внутренних дел об открытых в Онежских лесах Архангельской г. постройках и укрывательстве в оных раскольников и раскольниц».

Архангельский губернатор доносил министру внутренних дел 4 августа 1856 года:

«Пристав 2-го Стана того уезда, по поводу носившихся слухов, – что между деревнями Верхлопской и Кушерецкой проживают в ските раскольники, 16 Июля... Отправился по дороге, ведущей в Кушереку; пройдя мхами и болотами около 35 и наконец лесом до 3-х верст. Нашел небольшое озеро, на берегу которого новую избу с сенями; в избе этой русская печь, на стенах устроены полки, из коих на одной найден небольшой медный образ и шерстяной подручник, в сенях ржаной и ячменной муки около 2 пуд 10 фунтов, деревянные чашки, ложки и проч.; на ½ сажени от избы небольшой анбар; по устройству в таком виде избы с найденными запасами, Становой Пристав, предполагая, что изба эта непромысловая, а устроена Кушерецкими крестьянами единственно для прибежища раскольников и что таковые должны быть в лесах поблизости, пошел по замеченной тропинке далее в лес; пройдя около пяти верст, нашел дорогу, ведущую в Кушереку; следуя по этой дороге далее, до 10 или более верст, заметил тропинку и на деревьях знаки; эту тропинку дошел до озера, при котором находится две избы, в одной из них найдены крестьянская девка Калгачинского общества и деревни Ефимия Кирилова Васильева, большая крестьянская вдова Кушерецкой деревни Екатерина Романова и девка, именуемая себя Новгородской губернии, Старорусского уезда, деревни Утошкиной Настасьей Ивановой; а в другой избе: крестьянин деревни Куше-

репкой Андрей Амосов с тремя женщинами... Далее в лесу за 10 сажень отыскана еще изба и в ней государственный крестьянин Олонецкой губернии, Каргопольского уезда Яков Андреев Кожин и на полках разных книг 26-ть; собрав эти книги, а также находившихся у прочих женщин 4 книги и шесть образов, Пристав взял с собою как Кожина, так и женщин, исключая больной вдовы Романовой. Кроме сих лиц... по дошедшим до него слухам, должны быть в лесах еще раскольники; но к открытию их в настоящее время нет возможности, по весьма затруднительному в лесах пути, а удобнее приступить к поискам зимою, когда, вероятно, крестьянами Кушерецкой деревни будет проложена дорога для отвоза пищи скрывающимся раскольникам, ибо замечено, что крестьяне не только раскольники не обращаются к православию, но и православные более совращаются в раскол, в чем... много содействует волостное и сельское Начальство, так как Волостной Голова Хохлин, сын раскольника, недавно уклонившагося из Православия в раскол, а Старшина – сам раскольник...»⁷.

Было учреждено следствие. Завязалась переписка между местными властями и министрами внутренних дел и государственных имуществ. Спустя месяц, 13 октября 1856 года, архангельский гражданский губернатор доносил министру внутренних дел следующее:

«Онежский Земский Суд, от 6-го Октября... донес что... в Кушерецких лесных дачах и смежной с ними Нюхотской лесной даче, принадлежащей Кемскому уезду, раскольников не найдено, только в последней (Нюхотской) даче найдены на островах озера Пиккозеро две кельи и не малое количество хлебных и других припасов, кухонная посуда и другое имущество, в числе которого оказались между прочим доскуты солдатской одежды, почему Пристав предполагает, что в кельях тех жили раскольники и беглые, которые скрывались от преследования. На берегу же озера Пиккозеро... находится промысловая изба крестьянина Нюхотской деревни Кемского уезда Максима Прохорова, который в ней и проживает; на спрос его Становым Приставом о живших в упомянутых кельях, Прохоров отозвался незнанием... бывшие же с приставом четверо понятых объявили, что найденные кельи построены покровительницею раскольников, раскольницею крестьянскою вдовою Нюхотской деревни Кемского уезда Авдотьей Ретькиною, где она не редко и сама проживала. ... Становой Пристав... просит, чтобы... коль скоро он получит сведение что скрываются в лесах раскольники и беглые, для преследования их по горячим следам, отряжать к нему до 7 человек солдат, и сверх того для лучшего разузнания о скрывающихся, дозволить ему Приставу иметь временно въезд в Нюхотскую деревню Кемского уезда»⁸.

Все это было становому приставу предоставлено и разрешено.

В своем новом рапорте от 16 апреля 1857 года исправляющий должность архангельского гражданского губернатора докладывает министру внутренних дел:

«Становой Пристав 2-го стана Онежского уезда Лисенко узнавши, что крестьянин Кушерецкого

селения Дмитрий Иванов занимается исправлением духовных треб по расколу не только в своем селении, но даже и в деревне Кемского уезда Нюхче и что к нему собираются для богомоления раскольники, 5 Апреля в 5 часов утра, прибыл в дом Иванова с Волостным Головою Андроновым и 2-мя стражниками; в доме нашел моленную комнату, в которой на аналое Евангелие и деревянный восьмиконечный крест, около 15 икон на стенах, 4 лампы, 5 книг и мантию. Когда Пристав приступил к отобранию икон, книг и других вещей, находящихся в моленной, то домохозяин Иванов вырвал у него из рук Евангелие и вскоре затем собравшиеся 40 человек крестьян и крестьянок того же селения силою отняли все, что Приставом было взято, буйствовали и ругали Приставу с разными угрозами, почему Пристав, видя такое безчинство, должен был удалиться, донеся о сем Земскому Суду...»⁹.

24 января 1858 года последовало очередное донесение архангельского вице-губернатора в МВД:

«Архангельская Духовная Консистория... препроводив в Губернское Правление 11 книг, из числа 19-ти, и 11 тетрадок, отобранных от раскольников, открытых в лесных дачах Кушерецкого селения, Онежского уезда, уведомила, что по рассмотрении помянутых книг оказалось, что восемь из них могут быть в употреблении в Православной Церкви; прочия же 11-ть книг и 11-ть тетрадок, наполнены раскольническими мнениями и заключают бесчисленное множество ошибок и упущений. Почему Консистория и послала помянутыя 8 книг в Онежский Земский Суд для выдачи их по принадлежности, а остальные просит представить в Министерство Внутренних Дел»¹⁰.

К отношению была приложена Опись, согласно которой у старообрядцев были отобраны следующие книги: Псалтырь, 2 Устава, рукописная тетрадь о разных предметах, рукописный Пролог, Поучение, рукописное Евангелие, Цветная триодь, «Страсти Христовы», Каноник, Жития святых и «один связок, заключающий в себе одиннадцать тетрадок». Министр внутренних дел С. Ланской 11 февраля 1858 года отослал эти книги и тетрадки вместе с описью к обер-прокурору Синода.

О том, как непросто было местным старообрядческим инокам придерживаться «древлего благочестия» в условиях постоянных гонений, свидетельствует еще одно дело из архива Министерства внутренних дел «По отношению Управляющего Министерством Государственных Имуществ с препровождением прошения крестьянина Архангельской губернии Онежского уезда Кусторецкого (sic!) общества Григория Кустова об освобождении его из Архангельского тюремного замка» (1859).

В отношении управляющего Министерством государственных имуществ, товарища министра министру внутренних дел от 12 августа

1859 года сообщалось о том, что крестьянин «Кусторецкого» (Кушерецкого) общества Григорий Кустов подал прошение на Высочайшее имя об освобождении его из Архангельского тюремного замка.

«По сношению с Начальником Архангельской губернии оказалось, что Кустов заключен под арест 10 Ноября 1858 г. за ношение монашеской одежды, о чем было произведено следствие, обнаружившее, кроме того, что Кустов, не проживая на родине в Онежском уезде, совратился в раскол и имел при себе еще иноческую мантию, камилавку, книгу и двое четок, и что, по рассмотрении дела сего, местный уездный суд решил 30 Апреля настоящего года передать Кустова на увещание Духовной Консistorии, которая и сделала надлежащее о сем распоряжение»¹¹.

Учитывая существующее законодательство, товарищ министра предлагал освободить Кустова из-под ареста под полицейский надзор. Из суда Кустов был передан в Духовную консисторию на увещание. Увещание было поручено замочному священнику Григорию Конорскому и благочинному священнику Феодору Жаравову, «в случае же бесплодности их увещаний» предписывалось поручить его миссионеру священнику Алексею Васильеву. Однако на все увещания новообрядческих священников Кустов остался непреклонен. В деле сохранилось прошение Григория Кустова об освобождении на имя Александра II. Видимо, прошение дошло до царя, и 21 августа 1859 года министр внутренних дел С. С. Ланской в письме к начальнику Архангельской губернии спрашивает, по какому случаю Кустов содержится в тюремном замке уже после решения о нем суда, и предписывает освободить арестанта из-под стражи под полицейский надзор. На это архангельский вице-губернатор отвечал, что

«Губернское Правление, по постановлению своему 27 минушаго Августа сделал распоряжение об освобождении Кустова из под стражи, отослало его в местную Палату Государственных Имуществ, для отсылки на место его жительства с тем, чтобы Палата поручила его сельскому надзору, дабы он не распространял своего раскола между Государственными крестьянами и воспретила ему именовать себя... раскольническим иноком и носить подобную инокам одежду; а вместе с тем Правление отнеслось и в Духовную Консistorию, чтобы и она с своей стороны поручила местному духовенству наблюдение о неразпространении Кустовым раскола на месте его жительства»¹².

Из других документов также известно, что и во второй половине XIX века старая вера, несмотря на практически не прекращавшиеся гонения со стороны местных церковных и светских властей, была весьма распространена среди местного населения, а авторитет ее оставался

неизменно высоким. В 1885 году приход был включен в состав Кушерецко-Калгачинского миссионерского комитета 1-го разряда. А к этому разряду относились как раз те приходы Архангельской епархии, которые «в сильной степени были заражены старообрядческим расколом». Выписки из «Духовных росписей» о лицах, не бывших у исповеди более трех лет за 1888 год, красноречиво говорят об этом: в Кушерецком приходе, несмотря на наличие здесь двух новообрядческих церквей, таковых насчитывалось 1042 человека, что составляло две трети жителей! При этом 7 человек из них были военными. В этом смысле характерна история поморского рода Кучиных, известного с XVII века. Многие представители этого рода, как явствует из опубликованной Т. Ф. Мельник родословной Кучиных [3], [5: 545–546, 1011–1020], были строгими ревнителями старой веры: «за расколом не исповедан», «за расколом не исповедалась», «по наклонности к расколу не исповедалась», «замечен в наклонности к расколу», «не была на исповеди и причастии по наклонности к расколу», «имел наклонность к расколу» и т. д.

Согласно данным 1896 года,

«раскольнических скитов, официально признанных, не было, но вверх по реке в разных местах жили “старички и старухи” – раскольники. Раскольническая молельня находилась в доме крестьянина Авксентия Гаврилова Овчинникова – раскольнического наставника, где и проходили собрания по воскресным и праздничным дням»¹³.

При этом общая численность прихожан в 1896 году составила: в с. Кушереке – духовных 2 двора, 1 мужчина; военных 16 дворов, 45 мужчин, 35 женщин; крестьян: а) православных 577 мужчин, 569 женщин, б) «склонных к расколу» 223 двора, 54 мужчины, 209 женщин; в) «раскольников по суду признанных» 1 двор, 1 мужчина. Церковно-приходское попечительство открыто в 1893 году, состояло из председателя и 10 членов. Имелись церковная и противораскольничья библиотеки, однако книг было недостаточно.

Как пишет этнограф А. А. Жилинский, еще в начале XX века влияние старообрядчества в Онежском Поморье оставалось сильным.

«Православные поморы приглашают старух старообрядок петь панихиды, наделяют их деньгами и богато угощают. Для этой цели у некоторых поморов вся посуда разделяется на староверскую и мирскую. Староверы считают грехом есть или пить из одной посуды с православными. Староверство, по понятием населения, будто бы способствует достижению счастья и богатства»¹⁴.

Нередки были случаи, когда поморы перед смертью принимали старую веру, считая ее самой угодной Богу верой.

XIX век явился периодом выживания для сельских и городских старообрядческих общин и периодом борьбы за свое право исповедовать веру предков. Борьба эта завершилась фактической победой ревнителей «древлего благочестия» – публикацией в 1905 году императором Николаем II Манифеста о веротерпимости, за которой последовал недолгий золотой век старообрядчества, период бурного храмового строительства и легального существования старообрядческих общин. К сожалению, период этот продолжался недолго, и после революции 1917 года начинается постепенное «закручивание гаек», завершившееся полным разгромом старообрядческих общин и сносом большинства сельских моленных.

В послереволюционные годы Поморский Север медленно приходит в упадок: деревни вымирают, а оставшееся население разъезжается по большим городам. Трудные дни для кушережан и жителей других поморских сел настали с началом сплошной коллективизации. Уполномоченные выбрали время, когда все мужчины были далеко на промыслах и, натолкнувшись на несогласие женщин вступать в колхоз, стали искать виновных. Среди первых репрессированных были священник Павел Титов, бывший судовладелец Михаил Хохлин. Затем начали раскулачивать всех судовладельцев подряд. А поскольку больше половины жителей Кушереки были заняты рыбным промыслом, то все они попали в разряд классовых врагов революции. От коллективизации бежали, бросая дома, скот, засеянные поля. Началось массовое переселение на побережье Кольского полуострова. В итоге к 1932 году в Кушереке осталась четвертая часть населения! Из пятисот дворов было раскулачено триста пятьдесят. И вот результат: если на 1920 год население Кушереки составляло 1286 человек, то на сегодняшний день здесь осталось всего 7 человек.

Начавшееся в 1990-е годы постепенное возрождение старообрядчества в России, к сожа-

лению, в основном коснулось городов и совсем в малой степени затронуло Русский Север. Что касается сельских общин, то они, как и русская деревня в целом, находятся в самом плачевном состоянии. Северная русская деревня, которая на протяжении веков была благодатной почвой для развития старообрядческих общин, стремительно вымирает, а оставшееся население разъезжается по городам. Однако хочется верить, что история северного старообрядчества, столь богатого своими традициями, не уйдет полностью в прошлое, и молодое поколение продолжит историю своих благочестивых предков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере старообрядцев села Кушереки мы могли наблюдать общую судьбу старообрядчества в России на протяжении XVII–XX веков. Вопреки постоянным гонениям со стороны светских и духовных властей, староверам удалось не только выжить и сохранить традиции своих предков, но и творчески их продолжить. Героический начальный период мученичества за старую веру сменился периодом полемическим, когда в беспрецедентных для Русской церкви условиях отсутствия церковной иерархии происходила дальнейшая конфессионализация старообрядчества, деление его на самостоятельные согласия и толки. На Русском Севере наиболее распространены были поморское, филипповское и федосеевское согласия. После недолгого периода относительного спокойствия в конце XVIII – начале XIX века наступила эпоха новых гонений за веру при императоре Николае I, решившем раз и навсегда покончить с «расколом» административными мерами. Однако, несмотря на разгром главных старообрядческих центров и многих локальных «потаенных скитов», это не смогло в целом пошатнуть позиций старообрядчества на Русском Севере, о чем свидетельствуют статистические данные, лишь в малой степени отражающие реальную картину жизни местных староверов. Авторитет старой веры здесь оставался неизменно высоким и продолжал оказывать существенное влияние на мировоззрение и быт крестьян-поморов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 127.

² Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 20–24.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195–1825. Д. 13. Л. 2–4 об.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Записка о русском расколе, составленная Мельниковым для великого князя Константина Николаевича по поручению Ланского (1857) // Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае I и Александре II, пополненные запискою Мельникова. Лейпциг, 1882. С. 81.

- ⁶ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 92. Л. 45 об.
⁷ Там же. Ф. 381. Оп. 44. Д. 23716. Л. 2–4.
⁸ Там же. Л. 11–12 об.
⁹ Там же. Л. 21–22.
¹⁰ Там же. Л. 29–29 об.
¹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 214. Д. 35. Л. 1–1 об.
¹² Там же. Л. 12–12 об.
¹³ Кушерецкий приход. Сайт «Православные приходы и монастыри Севера» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=252 (дата обращения 04.06.2020).
¹⁴ Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Пг., 1919. С. 132.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белобородова И. Н. Старообрядчество Архангельской губернии: состав, численность, расселение (середина XIX – начало XX вв.) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург, 1999. С. 52–67.
2. Кожурин К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев. 2-е изд. М., 2017. 560 с.
3. Мельник Т. Ф. Поморский род Кучиных из Кушереки // Лодия. 2006. № 1. С. 78–128.
4. Старицын А. Н. География расселения соловецких выходцев – основателей староверческих пустыней во второй половине XVII в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 16. М., 2018. С. 194–200.
5. Шумилов Н. А. Архангельский родословец: (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли); Генеалогический справочник. Архангельск, 2009. 1088 с.

Поступила в редакцию 26.08.2020; принята к публикации 29.01.2021

Original article

Kirill Ya. Kozhurin, Cand. Sc. (Philosophy),
 Herzen State Pedagogical University
 (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-1082-3006; kozhurin@list.ru

NEWLY FOUND DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE OLD BELIEVERS IN KUSHEREKA VILLAGE OF ONEGA UYEZD

Abstract. The article uses newly found archival documents to examine the history of one of the little-known centers of Ancient Orthodoxy in the Russian North – the village of Kushereka in the Onega Uyezd (canton) of the Arkhangelsk Province. Investigating this understudied topic is very relevant because of its practical importance for the confessional history of Russia within the Old Believers' community. The article introduces new archival materials covering the situation of the Old Believers in this northern village and its surroundings. Documentary corpus used by the author of the research comprised a group of sources from the funds of the Russian State Historical Archive: the “Schism” cases of the Department of General Affairs of the Ministry of the Interior and the Office of the Minister of Agriculture. Using published and unpublished sources, as well as historiographical materials the author examines the history of the village of Kushereka from a historical prospective and makes an attempt to identify the real role of the Old Believers in the life and worldview of its inhabitants, who formally belonged to the official church. The author raises important questions about the existence of secret Old Believers' sketes in the north, about the government policy towards the Old Believers and their activities, and about the repressions of the mid-XIX century. One of the main conclusions of the article is that the authority of the Old Believers among the population of Pomorian north, despite the persecution by the official administration, was consistently high between the XVII and the XX centuries.

Keywords: Old Believers, northern village, Old Believers of the Arkhangelsk north, Old Believers' population, secret monasteries, confessional policy, government repression

For citation: Kozhurin, K. Ya. Newly found documents on the history of the Old Believers in Kushereka village of Onega Uyezd. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.588

REFERENCES

1. Beloborodova, I. N. The Old Believers of the Arkhangelsk Province: composition, population, settlement (mid-XIX – early XX centuries). *Ural Proceedings. History. Culture. Religion*. Issue 3. Ekaterinburg, 1999. P. 52–67. (In Russ.)
2. Kozhurin, K. Ya. The daily life of the Old Believers. Moscow, 2017. 560 p. (In Russ.)
3. Mel'nik, T. F. The Kuchin family from Pomorian village of Kushereka. *Lodia*. 2006;1:78–128. (In Russ.)
4. Staritsyn, A. N. Geography of the settlement of the Solovetski natives – the founders of the Old Believers' hermitages in the second half of the XVII century. *Old Belief: History, Culture, Modernity*. Issue 16. Moscow, 2018. P. 194–200. (In Russ.)
5. Shumilov, N. A. An Arkhangelsk genealogist: (genealogy of the most famous noble, merchant, middle-class and peasant families of the Arkhangelsk region): Genealogical index. Arkhangelsk, 2009. 1088 p. (In Russ.)

Received: 26 August, 2020; accepted: 29 January, 2021

ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ МЕЛЬНИКОВ

кандидат культурологии, младший научный сотрудник
Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
(Великий Новгород, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-4962-0705; potep_88@mail.ru

СВЯТЫЕ НОВГОРОДА И РУССКОГО СЕВЕРА В РУКОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ НОВГОРОДСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

А н н о т а ц и я . Раскрывается содержание памятника старообрядческой письменности первой половины – середины XVIII века, выявленного в собрании фонда рукописной и старопечатной книги Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Сборник содержит тропари и кондаки избранным святым, большинство из которых связаны с Новгородской землей. Делаются выводы о связи этого памятника с агиологическими изысканиями старообрядцев XVIII века, а также с аналогичными произведениями письменности («Книга глаголемая описание русских святых») и иконописи («Образ Новгородских чудотворцев»), популярными в старообрядческой среде. С помощью сопоставительного анализа выявляются специфические особенности памятника, отличающие его от «Книги глаголемой...». Высказываются предположения о возможном составителе сборника, его профессиональной принадлежности, а также месте создания памятника. Введение сборника в научный оборот позволяет дополнить сведения о систематической работе старообрядцев по собиранию агиологических и гимнографических материалов, посвященных русским святым прежде всего дониконовского периода.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Великий Новгород, святые, старообрядчество, книжность, XVIII век

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках работы по проекту № 19-312-60001.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Мельников И. А. Святые Новгорода и Русского Севера в рукописи из собрания Новгородского музея-заповедника // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 92–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.589

ВВЕДЕНИЕ

Почитание местночтимых святых являлось важной частью культурного строительства локальных религиозных сообществ. Помимо собственно религиозной составляющей (почитание святого и «святынь», с ним связанных), оно позволяет упрочить преемственность от избранных исторических образцов, создает привязку к почитаемым «святым местам» и объектам, играет важную роль в личных религиозных практиках членов сообщества. Известно, что в беспоповском старообрядчестве особое внимание оказывалось новгородским и севернорусским святым [7], [8]. Это происходило во многом благодаря тому, что ранние беспоповские согласия, федосеевское и поморское, сложились в Новгородских землях, на территории которых концентрировалось множество «святых мест», связанных с именами древних подвижников. Если связи старообрядцев с Соловецкой, Палеостровской и прочими северными обителями достаточно

известны, то о культурной ориентации на сам Новгород говорилось лишь вскользь. Однако в годы становления старообрядческих согласий (конец XVII – начало XVIII века) Новгород был не только административным центром провинции, но и точкой, сосредотачивавшей в себе множество почитаемых православными объектов¹. Многочисленные отсылки к артефактам, хранящимся в церквях Новгорода и окрестностей, имеются в различных старообрядческих сочинениях начала XVIII века, например в «Поморских ответах» и «Дьяконовых ответах» [5: 27–47, 204–250], [9]. В настоящей статье мы постараемся продемонстрировать интерес старообрядцев к «древлецерковным» святыням Новгорода на примере памятника, хранящегося в собрании Новгородского музея-заповедника.

* * *

Выявленный нами рукописный сборник был составлен в первой половине – середине XVIII века (филиграни – «Герб Амстердама» [1: кат.

344)]². Это книга в 1/8 долю листа, написанная железистыми чернилами и киноварью в два цвета и одним почерком – уверенной скорописью на 297 листах. В некоторых местах имеются добавления тем же почерком, но другим пером и чернилами более темного цвета. Наличие более поздних добавлений и редактур текста косвенно свидетельствует о том, что, вероятно, мы имеем дело с оригинальным авторским сборником, а не списком.

«Жизнь» книги, скорее всего, была довольно драматична. Она поступила в довоенные коллекции Новгородского музея-заповедника из миссионерского «Братства Святой Софии», о чем свидетельствует соответствующая бирка на переплете, в который книгу «облекли» уже в XIX веке. В библиотеку братства в конце XIX – начале XX века в обилии поступали книги из Новгородской Консистории, конфискованные в ходе преследований «раскольников». Сложившееся подобным образом книжное собрание предназначалось для работы епархиальных миссионеров, занимавшихся внутренней «миссией» в особо зараженных «расколом» местностях губернии³.

Сборник структурирован, хоть и не разбит жестко на определенные части. Он предваряется молитвой («За молитв святых отец наших...»⁴), следом за которой идет многостраничное перечисление святых и церковных праздников, причем каждая позиция имеет нумерацию славянскими буквами, а некоторые позиции выражены в форме молитвенного обращения к святым, например: «О, пресвятая владычице наша Богородице Знамение заступнице Великому Нову Граду»⁵. Перечисление святых и праздников завершается молитвой небесным силам⁶. Она включает прошение о сохранении от различных искушений и скорбей, а также «скудости и убытков» и завершается просьбой об избавлении дома просящего «от всякого разорения и от огненного запаления»⁷. Следующую часть сборника составляют собственно тропари и кондаки праздникам⁸. В этом разделе приводятся как оригинальные гимнографические сочинения, так и общие тропари в случае отсутствия оригинальных. Завершается сборник молитвой архистратигам Михаилу, Гавриилу и прочим бесплотным силам⁹, а также приписанными другими чернилами дополнительными тропарями и кондаками¹⁰. Они пронумерованы арабскими цифрами, которые соответствуют тем позициям основного текста, к которым они были присоединены при редактуре.

Интересна структура основной части сборника, отраженная и в своеобразной преамбуле «оглавлении». Тропари представлены не в традиционном календарном, а в тематико-хронологическом порядке. Вначале приведены тексты, посвященные «господским» праздникам и Иисусу Христу (17 наименований), далее следуют «богородичные» праздники, включая празднования «чудотворным» иконам (18 наименований). Следом по старшинству следуют тропари, посвященные персонажам Ветхого и Нового Завета: архангелам, пророкам, апостолам, «богоотцам» и т. д. (39 имен и праздников). Следующий блок посвящен деятелям ранней церкви, «равноапостольным» и «святителям» (31 единица). Далее, вероятно, в целях демонстрации преемственности от древней церкви помещены тексты, посвященные деятелям русской церкви – «равноапостольному» князю Владимиру, а также киевским и московским митрополитам (всего 19 имен и празднований). Отдельный блок составляют тропари и кондаки новгородским владыкам, а также обретению и перенесению их мощей (16 имен и празднований). Также можно считать отдельным тематическим блоком выделенные тексты, связанные с памятью ростовских епископов (6 имен). Небольшие разделы посвящены священномученикам (8 имен) и преподобным (4 имени) древней церкви. Достаточно представителен список русских святых, почитавшихся в лике «благоверных князей» (34 имени и празднования, включая перенесение мощей). В этот же раздел включен тропарь Александру Невскому и перенесению его мощей. Следом помещается раздел, посвященный чествованию преподобных отцов древней церкви (30 имен и празднований), который переходит в краткий список самых почитаемых преподобных Древней Руси (4 имени и празднования). Небольшой блок объединяет юродивого Андрея Цареградского и четырех его русских подражателей (Василия Блаженного, Максима Московского, Прокопия Устюженского и Исидора Ростовского). Следом составитель включил тексты, посвященные новгородским святым, причем в их число включены как преподобные, так и благоверные князья и некоторые святители, не вошедшие в соответствующие разделы, упоминавшиеся ранее. Это самый крупный тематический блок, он включает 60 имен и празднований. Далее следует раздел, посвященный менее известным и почитаемым русским святым различных регионов (25 имен и празднований), а также 4 святым древней церкви, по какой-то причине не вошедшим

в предыдущие разделы. Завершается основная часть сборника тропарями мученикам (49 имен и празднований) и мученицам (29 имен и празднований), а также тропарями за упокой.

Таким образом, тематические блоки располагаются в основном по принципу «ликов святых», при этом отдельно выделен блок новгородских и севернорусских святых. В итоге представлено 80 наименований святых, чудотворных икон и празднований, связанных с Новгородской землей, 60 из которых выделены в отдельный текстовый блок, а еще 20 размещены в других разделах. Также особенностью сборника является то, что некоторые из текстов сгруппированы по признаку «почивания» святых, которым они посвящены. Например, составитель сборника перечисляет подряд святых князя Владимира Ярославича и его мать Анну – «создатели святая церкве Софеи Премудрости Божии в Нове городе», деву Гликерию, Мстислава Ростиславича, князя Феодора и Мстислава Мстиславича¹¹, мощи которых можно было видеть в Софийском соборе. Упомянуты и другие отдельные местночтимые святые, прославленные практически исключительно благодаря чудесам, происходившим от их останков, – это Иаков Боровичский¹², Иоанн и Яков Менюшские¹³, Никита, Кирилл, Никифор, Климент и Исаакий Сокольницкие¹⁴ и др. Такие же своеобразные «подразделы» касаются и других регионов, например, отдельно перечислены «чудотворцы», покоившиеся в Троице-Сергиевой лавре, включая в то время не канонизированного государственной церковью Максима Грека¹⁵. Любопытно, что составитель-старообрядец, в сборнике которого не нашлось места ни одному святому, жившему и канонизированному после раскола русской церкви, все же включил в него тропари перенесению мощей Иакова Боровичского и Александра Невского¹⁶, которые были совершены уже после начала никоновской реформы. Более того, в обоих случаях эти перестановки святых совершались злейшими врагами старообрядчества – патриархом Никоном и императором Петром I.

Также обращает на себя внимание, что имена практически всех северных святых (Зосима, Савватий, Герман, Ирнарх Соловецкие, Афанасий Муромский, Александр Ошевенский, Варлаам Пинежский и др.) приводятся с дополнительным уточнением – «новгородские чудотворцы». Преемство некоторых из них от древнего Новгорода в отдельных случаях акцентируется дополнительно. Например, уточняется, что Антоний Дымский был учеником Варлаама Хутынского¹⁷.

Кроме тропарей святым, в состав сборника включен малораспространенный тропарь Софии Премудрости Божией («девственная душа»)¹⁸, иконе Знамения Богородицы («заступнице Великому Нову Граду»)¹⁹ и другим новгородским святыням.

Вероятнее всего, часть сборника, посвященная русским святым, основывается на таком памятнике русской письменности, как «Книга глаголемая описание русских святых»²⁰ [6], содержащая расширенный список местночтимых русских подвижников с краткими сведениями их биографии. Известно около двух десятков списков этой книги²¹. Однако перечень новгородских святых в сборнике из собрания НГОМЗ и в опубликованной М. В. Толстым «Книге глаголемой...» существенно разнятся. Во-первых, в список новгородских святых составитель музейной рукописи включил многочисленных святых Северо-Запада, в «Книге глаголемой...» входящих в другие разделы (Зосима и Савватий Соловецкие, Александр Ошевенский, Никандр Псковский, Ефрем Новоторжский и др.). Во-вторых, в выявленном нами сборнике имеются имена святых, не вошедших в «Книгу глаголемую...» (князь Феодор Новгородский, Афанасий Муромский, Корнилий Палеостровский, Варлаам Пинежский). Некоторые из этих святых приводятся лишь с атрибуцией «Новгородские», что затрудняет их идентификацию. Так, непонятно, кого составитель имел в виду, перечисляя Никодима, Никифора и Гурия Новгородских, имена Кирилла и Федора также вызывают вопросы, учитывая, что Федор Блаженный, а также Кирилл Белозерский и Кирилл Новоезерский уже присутствуют в списке. Наконец, в музейном сборнике отсутствуют имена некоторых новгородских святых, имеющих в «Книге глаголемой...». Это Иаков и Феофил Омучские, Иоаким Опочский, Леонтий, основатель Карихова монастыря, Георгий Юродивый, преподобная Харитина, иконописец Анания, Зиновий Отенский, мать Николы Качанова Иулиания, а также родители Александра Свирского Сергей и Варвара. Несмотря на это, список новгородских святых в сборнике НГОМЗ значительно шире списка, приводимого в «Книге глаголемой...» благодаря включению в него многочисленных святых Русского Севера и подвижников, не вошедших в «Книгу глаголемую...».

Однако основной отличительной особенностью является то, что в выявленном нами сборнике перечисление русских святых сопровождается приложением тропарей и кондаков, что также говорит об определенной самостоятельности со-

ставителя и несколько иных задачах, которые он перед собою ставил. Если «Книга глаголемая...» являлась своего рода агиографической энциклопедией, то выявленный нами сборник – это собрание богослужебных молитвенных текстов.

Актуальным вопросом остается вероисповедная принадлежность составителя. Во-первых, обращает на себя внимание, что все начертания имен собственных, географических названий (Исус, Никола, Иеросалим и т. д.), а также все тексты тропарей и кондаков праздникам, молитвы даны в дореформенной традиции. Однако при более детальном рассмотрении становится очевидным, что составитель далеко не всегда следовал сохранившейся у старообрядцев архаичной традиции произношения имен. Так, в большинстве случаев знаки церковнославянского ударения (*акут* и *вария*) в написании имен собственных стоят на тех слогах, в которых было принято ставить их в пореформенной церковной традиции. Это относится к таким именам, как «Савв́атий» (вместо «Савватíй»), «Миха́йл» (вместо «Михаíлл») и др. Более того, в заключительной молитве Михаилу архангелу составитель поставил надстрочное выносное «в» в завершении молитвы «вовечи веком», однако хорошо видно, что после он сам исправил собственную ошибку, пририсовав к горизонтальному выносному «в» две мачты, превратившие букву в «м».

Таким образом, перед нами постепенно вырисовывается портрет составителя сборника. Судя по составу и структуре книги, это был новгородец, испытывавший особенный пиетет к новгородским святыням и имевший достаточно хорошие познания в церковной истории и сакральной топографии Новгорода и его ближайших окрестностей. Также можно сказать, что это был достаточно образованный для своего имени, «книжный» человек, так как устойчивый почерк свидетельствует о том, что составитель имел дело с переписыванием книг и ранее. Наконец, отдельно можно отметить, что он имел новообрядческое происхождение и, вероятно, к моменту написания сборника не полностью усвоил старообрядческие текстуальные традиции, к чему, впрочем, стремился. В описываемый период времени старообрядчество в Новгороде не было исключительным явлением среди городского населения, мы знаем примеры обращения в старую веру даже среди лиц духовного сословия (Феодосий Васильев, поп Никифор Лебеда, Алексей Самойлов и Григорий Яковлев)²² [2]. Возможно, составитель или переписчик сборника принадлежал к подобного рода деятелям,

отсутствие сохранившихся автографов которых не позволяет нам установить возможную причастность кого-либо из них к составлению данного источника.

Подобного рода сборники также можно рассматривать в их связи с другими интересными памятниками той вдумчивой и масштабной работы, которую проводили старообрядцы в целях подтверждения своей исторической преемственности от благочестия Древней Руси. В собрании Новгородского музея-заповедника имеются, например, святцы, переписанные «девичьей рукою» в Лексинской обители в 1760-х годах. Они дополнены разделом «Припис российских новых чудотворцев празднества коему когда память»²³. Также уместно вспомнить об иконах «Новых чудотворцев Российских», которые писались на Выгу и в дочерних скитах общезжителства. Иконография этих памятников напоминает состав выявленного нами сборника. Как правило, на подобного рода иконах изображалась София Премудрость Божия, ряд почитаемых русских икон Богородицы. Святые, значительное количество которых имеют новгородское или севернорусское происхождение, располагаются в соответствии с их принадлежностью к тому или иному «лику» [3], [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявленный сборник интересен по нескольким причинам. Во-первых, он показывает, что масштабная работа по собиранию агиографических и гимнографических текстов, связанных с историей Русской церкви, предпринималась в первой половине XVIII века в различных центрах старообрядчества, в том числе в Новгороде. Во-вторых, общий контекст старообрядческой культуры периода ее становления и активного развития был во многом predetermined сложившейся системой почитаемых святынь. Можно сказать, что своеобразная топография святых мест Новгорода, унаследованная им от богатого средневекового исторического прошлого, получала выражение в сборниках, подобных выявленному нами. Такие тексты выступают в тесной связи с иконографией «Всех российских чудотворцев» и являются частью большой культурной программы, разрабатывавшейся в старообрядчестве XVIII века. Наконец, в некоторых случаях сборник демонстрирует образец достаточно раннего почитания в старообрядчестве местночтимых святых дораскольного периода, широкое почитание которых было установлено официальной церковью лишь в конце

XVII – начале XVIII века (например, Иоанн и Яков Менюшские). Отдельно следует отметить, что определенную исследовательскую перспективу имеет сравнение выявленного сборника с сохранившимися списками «Книги глаголемой...» первой половины – середины XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Краснянский Г. Месяцеслов (Святцы) Новгородских святых угодников Божиих. Новгород, 1876. 282 с.; Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях: В 2 т. М., 1860. Т. I. 654 с.; Т. II. 358 + LXII с.
- ² НГМ КП 30056/136. КР-236.
- ³ Отчет Совета Новгородского Епархиального братства Св. Софии Премудрости Божией (с 7 марта 1893 по 27 марта 1894 г.) // НЕВ. 1894. № 9. С. 383.
- ⁴ НГМ КП 30056/136. КР-236. Л. 1.
- ⁵ Там же. Л. 8.
- ⁶ Там же. Л. 30–31 об.
- ⁷ Там же. Л. 31–31 об.
- ⁸ Там же. Л. 31 об.–285 об.
- ⁹ Там же. Л. 285–288.
- ¹⁰ Там же. Л. 288 об.–297.
- ¹¹ Там же. Л. 23.
- ¹² Там же. Л. 213–213 об.
- ¹³ Там же. Л. 217 об.–218.
- ¹⁴ Там же. Л. 204 об.–205.
- ¹⁵ Там же. Л. 242 об.–244.
- ¹⁶ Там же. Л. 288 об.–289.
- ¹⁷ Там же. Л. 23 об.–24.
- ¹⁸ Там же. Л. 7.
- ¹⁹ Там же. Л. 8.
- ²⁰ Книга глаголемая Описание о Российских святых / Подг. изд. М. В. Толстого. М., 1887. 289 с.
- ²¹ Автор выражает признательность А. В. Пигину, указавшему на возможную связь описываемого сборника с «Книгой глаголемой...».
- ²² Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии: В 2 т. Т. I. СПб, 1861. С. 13–14; [Федосеев Евстрат]. Житие Феодосия Васильева // ЧОИДР. 1869. С. 73–74.
- ²³ НГМ КП 32965. КР-394. Святцы с житиями. Л. 277 об.–281 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дианова Т. В. Филигранные XVII–XVIII в. «Герб города Амстердама». М., 1998. 166 с.
2. Мельников И. А. Деятели русского старообрядчества среди выпускников Новгородской духовной семинарии // Новгородский исторический сборник. В. Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 252–259.
3. Пивоварова Н. В. Икона «Образ новгородских чудотворцев» из собрания Русского музея: вопросы иконографии // Новгород и новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 4. В. Новгород, 2011. С. 241–255.
4. Пивоварова Н. В. Образ Всех Российских Чудотворцев с Софией Премудростью Божией // Образы и символы старой веры. Памятники старообрядческой культуры из собрания Русского Музея. СПб., 2008. С. 82–85.
5. Поморские ответы. М., 2004. 354 с.
6. Романова А. А. Святые Обонежского края в «Книге глаголемой Описание о российских святых...» // Святые и святыни Обонежья: Материалы всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения-2013». Петрозаводск, 2013. С. 59–65.
7. Романова А. А. Источники русской агиографии: святцы поморского наставника Ф. П. Бабушкина // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 174–180.
8. Юхименко Е. М. Агиологические изыскания выговских старообрядцев и образ Всех Святых Российских чудотворцев // Чтения памяти И. П. Болотцевой. Ярославль, 2010. С. 152–167.
9. Юхименко Е. М. Изучение новгородских церковных древностей старообрядцами в первой четверти XVIII века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (16). С. 91–99.

Поступила в редакцию 20.10.2020; принята к публикации 29.01.2021

Original article

Ilya A. Melnikov, Cand. Sc. (Culturology),
National Museum Complex in Veliky Novgorod
(Veliky Novgorod, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4962-0705; potep_88@mail.ru

SAINTS OF NOVGOROD AND NORTHERN RUSSIA IN ONE MANUSCRIPT FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM COMPLEX IN VELIKY NOVGOROD

Abstract. The article reveals the contents of the Old Believers' written monument dating back to the period between the early and the mid-XVIII century, found in the collection of the manuscripts and early printed books of the National Museum Complex in Veliky Novgorod. The miscellany contains troparia and kontakia to selected saints, most of whom are associated with the Novgorod land. Conclusions are made about the connection of this monument with the hagiological research of the Old Believers of the XVIII century, as well as with similar written works (*The Book of Descriptions of Russian Saints*) and icon paintings (Icon of the Novgorod Miracle Workers), which were popular among the Old Believers. At the same time, with the help of comparative analysis, the specific features of the monument are revealed that distinguish it from *The Book of Descriptions of Russian Saints*. Assumptions are made about a possible compiler of the miscellany, his confession, and the place where the monument was created. The introduction of this miscellany into research circulation makes it possible to supplement information about the systematic work of the Old Believers on collecting hagiological and hymnographic materials dedicated to Russian saints, primarily from the pre-Nikon period.

Keywords: Veliky Novgorod, saints, Old Belief, manuscripts, XVIII century

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 19-312-60001.

For citation: Melnikov, I. A. Saints of Novgorod and Northern Russia in one manuscript from the collection of the National Museum Complex in Veliky Novgorod. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):92–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.589

REFERENCES

1. Dianova, T. V. Watermarks of the XVII and the XVIII centuries. Coat of Arms of Amsterdam. Moscow, 1998. 166 p. (In Russ.)
2. Melnikov, I. A. Prominent Russian Old Believers among the graduates of Novgorod Seminary. *Novgorod Historical Proceedings*. V. Novgorod, 2016. Issue 16 (26). P. 252–259. (In Russ.)
3. Pivovarova, N. V. Icon of the Novgorod Miracle Workers from the collection of the Russian Museum: questions of iconography. *Novgorod and Novgorod land. Art and Restoration*. Veliky Novgorod, 2011. Issue 4. P. 241–255. (In Russ.)
4. Pivovarova, N. V. Icon of All Russian Miracle Workers with Sophia, the Wisdom of God. *Images and symbols of Old Belief. Monuments of the Old Believers' culture from the collection of the Russian Museum*. St. Petersburg, 2008. P. 82–85. (In Russ.)
5. Pomorian answers. Moscow, 2004. 354 p. (In Russ.)
6. Romanova, A. A. Saints of Obonezhye in *The Book of Descriptions of Russian Saints. Saints and relics of Obonezhye: Proceedings of All-Russian Research Conference "Vodlozero Readings-2013"*. Petrozavodsk, 2013. P. 59–65. (In Russ.)
7. Romanova, A. A. Sources of Russian hagiography: menology of a Pomor elder F. P. Babushkin. *Genesis: Historical Research*. 2016;5:174–180. (In Russ.)
8. Yukhimenko, E. M. Hagiological research of the Vyg Old Believers and the Icon of All Russian Miracle Workers. *Readings in Memoriam of I. P. Bolottseva*. Yaroslavl, 2010. P. 152–167. (In Russ.)
9. Yukhimenko, E. M. The study of Novgorod church antiquities by the Old Believers in the first quarter of the 18th century. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2019;2(16):91–99.

Received: 20 October, 2020; accepted: 29 January, 2021

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СТАРИЦЫН

главный библиограф

Институт научной информации по общественным наукам РАН

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8240-6703; profitens@yandex.ru

УСТАВНЫЕ ПРАВИЛА ЖЕНСКОГО ЛЕКСИНСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА РАННЕГО ПЕРИОДА

А н н о т а ц и я . Рассматриваются вопросы существования в 1706–1727 годах женского староверческого поселения на Лексе. Цель исследования заключается в выявлении основных правил жизни поселения с учетом идеологических особенностей мировоззрения староверов. На основе комплексного анализа официальных документов и источников староверческого происхождения предпринимается попытка проникнуть во внутренний мир закрытого для непосвященных людей сообщества, чтобы исследовать его изнутри с позиций самих староверов. Среди уставных правил для женщин следует различать уставы, написанные для женского отделения Выгорецкого общежития, и уставы для основанной в 1706 году Лексинской обители. Типологически Лексинское поселение определяется как женский монастырь, но отличающийся от традиционного монастыря тем, что в его руководстве могли участвовать как монахини, так и белицы. Исследование руководящего состава поселения и определение круга его деятельности позволили заключить, что главным для руководительниц Лексинского монастыря было поддержание правил общежительного устава.

К л ю ч е в ы е с л о в а : старообрядчество, староверческие поселения, внутреннее устройство, монастырь, эсхатология

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020–2022 годы, проект № 20-09-42034.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Старицын А. Н. Уставные правила женского Лексинского общежития раннего периода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 98–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.590

ВВЕДЕНИЕ

До пожара 1727 года Лексинское поселение простояло на небольшом участке земли между лесом и рекой 21 год (потом было перенесено на новое место). Именно в этот период было написано большинство уставов, регулировавших жизнь поселения. Изучению внутреннего устройства женского общежития на реке Лексе посвящены статьи Е. В. Барсова, П. С. Смирнова и Е. М. Юхименко¹ [6]. Если Е. В. Барсов опирался только на выговские уставные документы, то П. С. Смирнов и Е. М. Юхименко помимо уставов использовали «Историю Выговской пустыни» И. Филиппова, слова и частные послания выговских наставников. Авторы статей, справедливо считавшие Лексинское общежитие монастырем, сосредоточили свое внимание на изучении церковного обихода и культурных традиций обители, на выявлении должностных лиц и их обязанностей. Монастырь понимался исследователями без учета эсхато-

логических особенностей идеологии староверов. Простая констатация факта, что староверы в основу организации общежития положили монастырский устав, вызывает законный вопрос: почему они решили устроить жизнь по монастырскому образцу? Л. К. Куандыков признавал, что именно давление эсхатологии заставило староверов избрать монастырскую форму организации своих поселений [2: 93]. Однако автор не придал этому наблюдению должного значения, рассматривая выговскую идеологию не как основанную на святоотеческом предании, а как искусственно созданную для нужд «модели старообрядческого монастыря» [2: 99–100]. Роберт Крамми отмечал, что выговцы, оставаясь православными, придерживались особого вида монастырской традиции [7: 108]. В методологическом плане важно учитывать, что идеология староверия опиралась на традиционное православное учение, в котором особое место было отведено эсхатологии. Понимание того,

что староверы воспринимали переживаемое ими время как «последнее», позволяет объяснить, почему основанные ими поселения приобретали специфические монастырские формы. Исходя из этого обстоятельства целесообразно обратиться к проблеме типологии Лексинского поселения, установить отличия традиционного монастыря от староверческого, выявить лиц, занимавших руководящие должности, и очертить круг их обязанностей. Привлечение уже известных староверческих произведений и документов («История Выговской пустыни» Ивана Филиппова, жития, слова, послания, письма, синодики, уставы), а также использование данных массовых источников (I и II ревизии) позволяют осветить обозначенные проблемы.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИНСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА

И. Филиппов в «Истории Выговской пустыни» назвал основанное в 1706 году женское общежитие на Лексе «девическим монастырем» и добавил, что выговцы дали им «устав против своего братского Выговского монастыря всенепременно»². По утверждению И. Филиппова, во главе женского монастыря стояла старица, выполнявшая роль игуменьи, затем следовали: надсмотрительница, келарь, стольницы, казначей, хлебницы, повара, десятские, привратницы, караульщики. В часовне женской обители распорядилась уставщица, которой помогали певицы, псаломщицы и другие служительницы. В соответствии с общежительным уставом все насельницы на обеды и ужины собирались вместе на общую трапезу, во время которой все обязаны были хранить молчание и слушать жертвенное чтение (жития святых или творения святых отцов). При вновь образованном женском монастыре было устроено мужское отделение, где отдельно от женщин на некотором расстоянии от обители жили присылаемые из Выговского общежития трудники. Старшим надсмотрителем над ними был поставлен родственник Даниила Викулова Исакий Евфимов. Надсмотрительницей, а потом и правительницей женского монастыря И. Филиппов называл Соломонию Денисову³. Как видим, И. Филипповым была дана общая характеристика нового женского монастыря, как его понимали староверы, но возникают вопросы, касающиеся некоторых частных проблем.

Исследователями признавалось, что устройство Лексинского женского общежития копировало устройство Выговского мужского монастыря, потому что было основано, по справедливому наблюдению П. С. Смирнова, как отделение этого монастыря⁴. Однако не со-

всем понятно, что означает выражение Филиппова «старица вместо Игуменьи», не ясно, кто (монахини или белицы) имел право исполнять указанные Филипповым должности, какие функции они в себе заключали.

Выгорецкий Чиновник, который содержит 17 документов, посвященных Лексинскому женскому общежитию (№ 4–10, 12–15, 17, 33, 42, 43, 45, 46), предоставляет возможность расширить существующие знания об устройстве поселения на Лексе и разрешить возникшие недоумения.

Среди уставных правил для женщин следует различать уставы, написанные для женского отделения Выгорецкого общежития, и уставы для основанной в 1706 году Лексинской Крестовоздвиженской обители. П. С. Смирнов полагал, что первые уставы предназначались для женского отделения староверческой обители на Выгу и были написаны еще до построения отдельного женского монастыря на Лексе⁵. По мнению Смирнова, первым уставом для женского отделения был документ (автор Андрей Денисов), состоящий из 15 статей (9 + 6) и начинающийся со слов: «Благоговейны творите, сыны Израилевы» (док. № 14). В. Г. Дружинин также считал его первым уставом (в списке, принадлежавшем Дружинину, было 6 статей), но не женского отделения на Выгу, а Лексинской обители⁶. Вторым уставом и П. С. Смирнов, и В. Г. Дружинин называли документ (автор Андрей Денисов), насчитывавший 14 статей, который начинался со слов: «Аще хотите свое житие исправить» (док. № 13). Различие во мнениях ученых заключалось лишь в том, что П. С. Смирнов считал этот устав предназначенным для женского отделения Выговского общежития, а В. Г. Дружинин – для Лексинского⁷. Г. В. Маркелов высказал предположение, что уставной документ, начинающийся словами: «Аще хотите свое житие исправить», который он датировал временем около 1706 года (док. № 13), был первым уставом для женского монастыря на Лексе [4: 322]. На наш взгляд, в соответствии с датировкой Г. В. Маркелова, первым следует признать устав, состоящий из 14 статей (док. № 13). В то же время имеются основания прислушаться к высказанному П. С. Смирновым мнению, что 14 уставных правил были написаны Андреем Денисовым не для Лексинской обители, а для женского отделения на Выгу. Более того, содержание некоторых статей наводит на мысль, что устав предназначался не только для женщин, но и для мужчин, то есть для всех насельников Выгорецкого общежития. Текст устава содержит основные принципы жизни в общежительном монастыре и в этом плане близок к первому Выговскому уставу 1702 года (док. № 3а). В 11-й статье, определяющей наказания за различные преступления, руководителями

названы настоятель и старшая братия, что было характерно в большей степени не для женского Лексинского, а для мужского Выгорецкого общежития: «Аще кто от братии или от сестр согрешит каковое согрешение, и будет то явно всем – и такового настоятелю и большим братии... обличити»⁸. В 9-й статье, запрещающей покупать что-либо для личного пользования, упомянуты шапки, которые были в обиходе только у мужчин⁹. Из анализа содержания 4, 5, 6 и 7-й статей (которые собственно и были посвящены женщинам) становится очевидным, что речь идет не о женском монастыре, а о поселении, в котором проживали и мужчины, и женщины. Обращает на себя внимание то, что автор особо выделил из общих положений статьи, регламентирующие поведение женского пола в общежитии. Женщины должны были жить в отдельных кельях, мужчинам запрещалось посещать женскую половину. При свиданиях с родственниками необходимо было присутствие пожилой старицы, а во время посылки на сельскохозяйственные работы женщин обязательно должен был сопровождать старик, надсматривающий за соблюдением благочиния. На церковной службе женщинам предписывалось стоять на своей половине отдельно от мужчин¹⁰. Такие порядки больше соответствуют начальному периоду существования Выговского монастыря, когда служба проходила в единственной часовне, разделенной на мужскую и женскую половины. Поэтому однозначная трактовка В. Г. Дружинина и Г. В. Маркелова, считавших устав из 14 статей «Уставом для Лексинской обители», вызывает сомнение и требует дополнительных пояснений.

Следующий по времени устав из 15 статей (док. № 14), датированный Г. В. Маркеловым 1710-ми годами [3: 324], бесспорно, предназначался для Лексинской обители. Здесь названы должностные лица, которые встречаются во многих уставных документах, относящихся к монастырю на Лексе: матка Пелагия (встречается в док. № 4, 6, 12), уставщик Соломония (встречается в док. № 4, 12), помощница уставщика крылошанка-грамотница Ирина (встречается в док. № 9), соборная сестра Агафья (встречается в док. № 12).

Прежде чем приступить к анализу лексинских уставов, необходимо обратить внимание на то, с каких идеологических позиций подходили к их созданию выговские руководители, и в первую очередь Андрей Денисов – автор многих наставлений насельницам женского монастыря (док. № 5, 9, 13, 14). Речь идет о понимании староверами современного им времени как «последнего». Желая укрепить в сознании своих единомышленников мысль о необходимости введенных

им жестких общежительных правил, Андрей Денисов написал специальное сочинение «Слово о последних днях и скорбях»¹¹, в котором он обратился к 16-й главе пророка Ездры:

«Слышите, возлюбленные мои, – рече Господь, – се пред вами дни скорбни, и от всех избавлю вас... и иже воздержати заповеди и повеления моя... да не отягчают вас грехи ваши, не воздвигнутся беззакония ваша» [1: 351].

Андрей Денисов стремился показать, что уже наступили «последние» времена, когда христиан ждут гонения, но те, кто сохранит заповеди Божии, будут находиться под покровительством Божиим:

«Сие убо и в самую кончину настоящего века присвоеннейшия ему чрез правую веру люди своя во многоразличных злодыхательных от навождения чермнаго змия нападаниях и волнениях соблюдати и о их паче, яко отец чадолюбивый, промышляти обетоват не преста... ово же советую и наказую, во еже всесвятейшия его заповеди соблюдати и скверностию греховною не отягчаться» [1: 351].

Таким образом, Андреем Денисовым были сформулированы главные принципы, которые необходимо соблюдать староверам в условиях гонений: сохранять преданность старой вере и особенно строго соблюдать заповеди Божии. Попытаемся проследить, каким образом обозначенные Андреем Денисовым принципы нашли отражение в лексинских уставах.

При разработке правил внутреннего распорядка для девичьей обители Андрей Денисов за основу взял устав общежительного монастыря, творения святых отцов Василия Великого, Никона Черногорца, Иосифа Волоцкого, то есть те же самые произведения, что и для устава мужской обители¹². В уставах для женщин (док. № 9, 12, 13, 14) много места отведено общей трапезе как главному отличительному признаку общежительного монастыря. Прием пищи должен быть только общим, не разрешалось ничего приносить с собой и уносить. Запрещалось держать в кельях какие-либо съестные припасы. Пища была для всех одинаковая, но строго регламентированная в соответствии с уставом. За неблагочинное поведение в церкви или во время трапезы полагались наказания: поклоны в обеденное время, замена обычной пищи на хлеб и воду или полное отлучение от пищи¹³.

В уставах (док. № 7, 9, 12, 14) и посланиях (док. № 4, 6, 15, 17) названы практически все должности, существовавшие в Лексинском монастыре в 1706–1730 годах: управляющие монастырем – матка-старица или начальная матка, строительница, казначея, келарь; отвечающие за церковную службу – уставщик, учительница,

псалтырщицы, крылошанки; отвечающие за хозяйственную деятельность и порядок в монастыре – надзирательницы, нарядницы, стольницы, хлебницы, коровницы, челядницы, привратницы, сторожа. При сравнении структуры управления женского и мужского монастырей выявляются не только близкие черты, но и особенности, присущие исключительно Лексинской обители, на которые следует обратить внимание.

Можно заметить, что в женском монастыре, так же как и в мужском, существовал круг начальственных лиц, ближайших помощниц матери-настоятельницы: «преимущие» или «большие и повелевающие». К ним можно отнести соборных сестер (подробнее о них будет сказано ниже), большух (старших в каком-либо хозяйственном подразделении), вверениц (наставниц, опекающих молодых послушниц), десятниц (старших в звене, состоявшем из 10 сестер). Начальственные и должностные лица, исполнявшие одинаковые обязанности в мужском и женском монастырях, обладали схожим статусом, но на Лексе они имели одно существенное отличие, заключавшееся в двойном подчинении лексинских насельниц как своему, так и выговскому начальству.

О зависимом положении Лексинской обители, которая подчинялась решениям малого собора Выговского монастыря, свидетельствуют документы, датированные 1718–1719 годами. В приговоре малого выговского собора от 4 мая 1718 года говорится о назначении на должность надзирательницы в женский монастырь Агафьи Григорьевой и о ее обязанностях (док. № 12)¹⁴. Из документа следует, что должности в Лексинском монастыре замещались только с разрешения выговских руководителей. Надзирательница Агафья Григорьева должна была следить за соблюдением благочиния на церковной службе, во время трапезы, в кельях, при выходе за ограду монастыря, при общении с родственниками¹⁵. Главное, на что делался упор в подробно расписанных в 16 статьях должностных инструкциях, это поддержание основных правил благочиния, предусмотренных монастырским общежитием уставом.

В ноябре 1719 года по распоряжению настоятеля Выгорецкого монастыря Андрея Денисова и по приговору малого выговского собора духовные отцы старец Пафнутий и Даниил Викулов вместе с лексинским надзирателем Исакием Евфимовым, собрав всех насельниц Лексинской обители в столовой, зачитали им устав внутреннего распорядка, который состоял из 5 правил или глав, написанных Андреем Денисовым (док. № 9), и 12 статей, составленных духовными отцами (док. № 7). Основная мысль устава заклю-

чалась в утверждении и поддержании порядка, при котором соблюдалось «общаго жития благочиние, дабы искуснии и говейнии к хранению оного общества всеусерднейши были»¹⁶. Устав подразумевал понуждение насельниц монастыря к постоянной заботе «о хранении заповедей общежителних во спасение душам вашим о благочинии»¹⁷. После прочтения вслух устава по приказу Андрея Денисова надзиратель Исакий Евфимов вместе с соборными сестрами и старицами произвел своеобразную аттестацию всех должностных лиц на соответствие занимаемой должности. В ответ лексинские насельницы написали выговскому настоятелю письмо (док. № 8) с изъявлением полной покорности¹⁸. Как следует из рассмотренных документов, выговский настоятель совместно с соборными братьями определял правила внутренней жизни женского монастыря и контролировал его руководящий состав на всех уровнях.

В указаниях келарю о соблюдении благочиния среди начальников среднего звена Андрей Денисов настаивал на обращении к настоятелям Выговского общежития¹⁹. Такое требование свидетельствует о том, что высшее руководство Лексинским монастырем находилось в руках выгорецких настоятелей, а окончательное решение по наиболее значимым вопросам принимал общий церковный собор.

Таким образом, на основе произведенного анализа староверческих источников (сочинения И. Филиппова «История Выговской пустыни» и уставных документов) можно заключить, что поселение, основанное в 1706 году на Лексе, задумывалось его основателями как общежительный монастырь. В устройстве монастыря заметны такие важные признаки общежития, как запрет отдельно питаться и иметь личные запасы пищи, общее место для приема пищи, наличие должностей келаря и казначея.

Создатели монастыря, исходя из эсхатологических представлений о «последних» временах, устраивали быт Лексинского поселения по монастырским правилам. Большие усилия они прикладывали к тому, чтобы его насельницы соблюдали монастырское благочиние и сохраняли заповеди общежительного устава. Требования лексинских уставов неизменно соблюдать общежительное благочиние оказались созвучны сформулированным Андреем Денисовым нравственным принципам, необходимым староверам в условиях гонений, подразумевавшим тщательное сохранение и соблюдение заповедей Божиих.

Лексинская обитель не была самостоятельным женским монастырем, а входила в структуру Выго-Лексинского общежития, являясь

его составной частью. Руководители Лексинского монастыря получали указания из Выговского общежития, как из высшей начальственной инстанции. В этой связи важно рассмотреть, насколько широки были полномочия лексинской настоятельницы и ее ближайшего окружения.

НАЧАЛЬНАЯ МАТКА И СОБОРНЫЕ СЕСТРЫ

В наиболее раннем лексинском уставе (док. № 14), датированном 1710-ми годами, в качестве формальной руководительницы монастыря указана начальная матка – престарелая Феврония. Позволительно предположить, что «начальная матка» из уставных документов – это та же должность, которую имел в виду И. Филиппов, говоря: «и поставиша им такожде по чину старицу вместо Игуменнии»²⁰. Из уважения к преклонному возрасту Февронии Андрей Денисов освободил ее от хозяйственных хлопот, оставив за ней почетное право давать благословения на всякое дело. Как подлинная руководительница монастыря действовала другая матка Пелагия, названная в уставе строительницей. В этой должности Пелагия осуществляла надзор за любым делом и благочинием, выполняя также обязанности келаря²¹. Строительница, по замыслу Андрея Денисова, должна была следить за работой всех служб в монастыре, определять размеры наказания для провинившихся сестер и совещаться по этому вопросу с соборными сестрами²². Г. В. Маркелов высказал предположение, что должность строительницы была необходима на начальном этапе формирования руководящих структур Лексинской обители как филиала Выговского монастыря. Тогда, по мнению исследователя, настоятельница была не нужна. Но позднее, когда Лексинский монастырь окреп и приобрел самостоятельность и когда потребовалось ввести должность настоятельницы, тогда должность строительницы была упразднена [3: 508]. Можно согласиться с Г. В. Маркеловым в том, что должность строительницы имела вспомогательный характер и была временной. Но «временность» должности, на наш взгляд, была связана не с начальным этапом развития монастыря, а с невозможностью престарелой матки полноценно исполнять свои обязанности.

На основании имеющихся в нашем распоряжении сведений можно утверждать, что Г. В. Маркелов неправильно отождествил престарелую Февронию с сестрой Петра Прокопьева Февронией Прокопьевной [3: 509]. Во-первых, если учесть, что, как установила Е. М. Юхименко, Феврония Прокопьевна родилась в 1683 году [5: 279], то к 1710-м годам ей было всего около 30 лет. Возраст, который нельзя назвать «престарелым». Во-

вторых, по свидетельству И. Филиппова, первая настоятельница была монахиней²³, а Феврония Прокопьевна монахиней не была: в материалах II ревизии числилась «девкой»²⁴. Престарелую Февронию можно, скорее, отождествить с упомянутой И. Филипповым некоей благочестивой старицей, проживавшей на Лексе. Она за 2 года до пожара 1727 года, то есть в 1725 году, видела в видении лексинскую часовню, стоявшую на новом месте²⁵. По данным сказки 1727 года, содержащимся в материалах II ревизии, известна слепая старица Феврония, умершая в 1739 году²⁶. Однако и в этом случае у нас нет достаточных оснований для полной идентификации, и предложенное отождествление носит гипотетический характер.

По всей видимости, место престарелой Февронии очень скоро заняла инокиня Пелагия, которая в полной мере стала исполнять обязанности начальной матки. Пелагия, до пострижения Прасковья Стефанова Дровнина, уроженка Толвуйского села, была женой сына священника – выходца из Селецкого погоста Михаила Маркова, который вместе со своим отцом (священником Марком) в 1690 году переехал в Шунгский погост. Около 1691 года из Шунгского погоста беременную Прасковью увез в Выговские леса ее брат Захарий Стефанов²⁷. Опираясь на эти сведения, можно предположить, что Прасковья родилась в начале 70-х годов XVII века. О судьбе ее ребенка ничего не известно. По сообщению И. Филиппова, Прасковью постриг в монахини Пафнутий Соловецкий²⁸.

В уставе Андрея Денисова, состоящем из 5 глав, от 1718/19 года (док. № 9) перечислены обязанности матки: 1) регламентировать общение сестер с родственниками, советовать по этому вопросу с духовными отцами; 2) определять размеры наказания за небрежение во время богослужения; 3) наказывать за неподобающее поведение во время трапезы. Также матка должна была надсматривать за всеми «большими», то есть начальницами, чтобы они не отклонялись от установленных правил²⁹. При сравнении обязанностей матки 1718/19 года с обязанностями строительницы 1710-х годов становится очевидным, что они в общих чертах совпадали. Главным для них было надзирание за соблюдением благочиния в монастыре. В уставе Андрея Денисова от 1718/19 года (док. № 9) упомянута матка Мария, как надсматривающая за большухами, но в 1720-х годах в посланиях на Лексу Пафнутия Кольского (док. № 4) и Даниила Викулова (док. № 15) как руководительница монастыря снова названа матка инокиня Пелагия³⁰.

В выговской литературной традиции твердо закрепилось мнение, что правительницей

Лексинского монастыря была сестра выговских настоятелей Андрея и Семена Денисовых Соломония³¹. Возможно, выполняя официальную должность уставщика, Соломония благодаря своему происхождению была негласным лидером и руководителем монастыря. О ее деятельности, не получившей освещения в уставных документах, И. Филиппов писал:

«...но всегда печашеся о деле своем: сперва часто по службам и пашням сама хождает и надсматривает и поучает всегда сестр от Божественного писания в мире и любви пребывать и во всяком сохранении и целомудрии, и наказуя всякому свою службу добре править и о спасении своем промыслиати»³².

Очевидно, что Соломония Денисова выполняла значительную роль в организации духовной и хозяйственной жизни обители. Можно высказать предположение, что Соломония стала начальной маткой в более поздний период, не отраженный в лексинских уставах. В «Послании Соломонии Денисовой» неизвестного автора от 1729 года и в «Надгробном слове», написанном В. Д. Шапошниковым в день ее смерти 18 февраля 1735 года, Соломония называется «киновиярхой», что указывает на ее руководящую роль в монастыре в последние годы жизни³³.

Даниил Викулов в послании на Лексу, написанном в 1719 году, обращаясь к руководительнице женского монастыря, назвал ее игуменьей³⁴. Как предположил Г. В. Маркелов, именование руководительницы женского общежительства игуменьей отвечало желанию Даниила Викулова видеть в нем полноценный монастырь [3: 506]. На наш взгляд, это свидетельствует не о желании, а о восприятии выговцами поселения на Лексе именно как монастыря. Несмотря на то что термин «игуменья» не был прописан в уставах, он имел устойчивое хождение в частном обиходе.

Так же, как в Выговском монастыре, в Лексинской обители главным управляющим органом был малый монастырский собор. О существовании и деятельности малого собора на Лексе свидетельствуют указания, сделанные надзирательнице Агафье Григорьевой в 1719 году: «а о преслушных после трапезы собору пред вящих доносила»³⁵. Под «вящими» или «преизящными» надо подразумевать матку, уставщицу, келаря, казначея и соборных сестер, которые составляли малый собор в Лексинской обители. Функции соборных сестер и малого лексинского собора, как следует из документов № 9, 12, 14, сводились: 1) к наблюдению за тем, чтобы сестры не нарушали принятые в монастыре правила общежительного благочиния, 2) к установлению размеров наказания за различные нарушения³⁶. Как и в деятельности настоятельни-

цы монастыря, надсмотрщицы, келаря и других должностных лиц, главным в деятельности соборных сестер было сохранение и поддержание общежительных норм поведения в монастыре.

Среди ближайших помощниц начальной матки известны действовавшие в начале 1710-х годов казначея Екатерина Дементьевна³⁷, уставщица Соломония³⁸, ее помощница Ириния, повар Татьяна, еще одна Ириния из плачельной (починочной) кельи, Екатерина Толвуйская, соборные сестры Агафья и Марфа Белоголова (док. № 4, 6, 14); в 1713 году келарем была старица Анна (док. № 5); в 1718 году надзирательницей была Агафья Григорьева³⁹ (док. № 12); в 1719 году упомянуты: соборная сестра надсмотрщица Мелания⁴⁰, нарядница Марина (док. № 7, 9)⁴¹. Как показывают документы, соборными сестрами в староверческом монастыре могли быть как монахини (старица Анна), так и белицы (Екатерина Дементьевна, Соломония Денисова, Агафья Григорьева, Марфа Белоголова и др.). Это обстоятельство указывает на господствующие у выговцев эсхатологические воззрения, заключавшиеся в понимании переживаемого ими времени как «последнего», и на вытекающее отсюда главное отличие староверческого монастыря от традиционного, в котором белицы не могли входить в малый собор и занимать руководящие должности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании произведенного исследования можно заключить, что в организованном выговцами женском поселении на Лексе были установлены монастырские правила проживания, основанные на общежительном уставе. Поэтому поселение, в котором проживали на равных условиях и монахини, и белицы, староверы называли монастырем. Лексинский монастырь был основан, как справедливо полагали П. С. Смирнов⁴² и Г. В. Маркелов [3: 506–508], в качестве филиала или отделения Выгорецкого монастыря и являлся составной частью Выго-Лексинского общежительства. Верховное руководство жизнью лексинских сестер осуществлялось настоятелем Андреем Денисовым и большим и малым выговскими соборами. Властные структуры женского монастыря копировали аналогичные институты мужской обители. Различие заключалось в том, что лексинская настоятельница должна была советоваться в важных вопросах с руководителями Выговского общежительства. Основные обязанности настоятельницы Лексинской обители, так же как и ее ближайших помощниц – соборных сестер, заключались в поддержании правил благочиния общежительного устава, по которому жили как мужчины, так и женщины в Выго-Лексинском общежительстве. Действовавший на Лек-

се малый монастырский собор рассматривал в первую очередь вопросы, связанные с поддержанием благочиния в монастыре. В малый лексинский собор входили лица, исполнявшие какие-либо руководящие должности в монастыре, которыми могли быть и старицы, и белицы.

Типологически Лексинское поселение можно определить как общежительный монастырь, но существовавший в особых условиях, обуслов-

ленных пониманием выговскими староверами переживаемого времени как «последнего». Поэтому единственной возможной формой организации поселения выговские староверы считали монастырскую. Совместное пребывание в Лексинском монастыре монахинь и белиц, которые наравне с монахинями занимали руководящие должности, являлось главным отличием его от традиционного женского монастыря.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Барсов Е. В. Уложение братьев Денисовых // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 г. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 95–116; Смирнов П. С. Лексинская безпоповщинская пустынь в первое время ее существования // Христианское чтение. 1910. Февраль. С. 145–172; Март. С. 310–333.
- ² Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филипова. С соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выговских мужского и женского общежительных монастырей. СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1862. С. 134–135.
- ³ Филиппов И. Указ. соч. С. 134–136, 260.
- ⁴ Смирнов П. С. Лексинская безпоповщинская пустынь в первое время ее существования // Христианское чтение. 1910. Февраль. С. 145.
- ⁵ Смирнов П. С. Указ. соч. С. 150–151.
- ⁶ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912. С. 96.
- ⁷ Смирнов П. С. Указ. соч. С. 150–151; Дружинин В. Г. Указ. соч. С. 96.
- ⁸ Выгорецкий Чиновник: В 2 т. / Изд. подгот. Г. В. Маркелов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. Т. 2: Тексты и исследование. С. 107 (далее – Выгорецкий Чиновник. Т. 2).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 106–107.
- ¹¹ Это сочинение Андрея Денисова было опубликовано О. Д. Журавель по списку 20-х годов XVIII века (РГБ, собр. Егорова, № 1992) [1: 351–357].
- ¹² Выгорецкий Чиновник. Т. 2. С. 109.
- ¹³ Там же. С. 87–92, 103, 106, 110–111.
- ¹⁴ Там же. С. 103–105.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 81.
- ¹⁷ Там же. С. 85.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 91.
- ²⁰ Филиппов И. Указ. соч. С. 134.
- ²¹ Выгорецкий Чиновник. Т. 2. С. 109.
- ²² Там же. С. 112–113.
- ²³ Филиппов И. Указ. соч. С. 134.
- ²⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 90 об. (далее – РГАДА).
- ²⁵ Филиппов И. Указ. соч. С. 198.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 90.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. Д. 4816. Л. 57–59.
- ²⁸ Филиппов И. Указ. соч. С. 347.
- ²⁹ Выгорецкий Чиновник. Т. 2. С. 93, 114.
- ³⁰ Там же. С. 73, 87, 90, 93.
- ³¹ Филиппов И. Указ. соч. С. 260–264.
- ³² Там же. С. 264.
- ³³ Смирнов П. С. Указ. соч. С. 331–333; Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 2. С. 65.
- ³⁴ Выгорецкий Чиновник. Т. 2. С. 94.
- ³⁵ Там же. С. 103.
- ³⁶ Там же. С. 89, 103, 109–112.
- ³⁷ По сообщению И. Филиппова, казначая Екатерина Дементьевна отличалась набожностью и трудолюбием, носила власяницу, прожила в общежительстве 39 лет (См.: Филиппов И. Указ. соч. С. 364–365). Из материалов II ревизии следует, что вдова Екатерина Дементьевна родилась в 1684 году, была замужем за новгородцем посадским человеком Иваном Федоровым (РГАДА. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 100).
- ³⁸ Имеется в виду Соломония Денисова (1677–18.02.1735) – сестра Андрея, Семена и Ивана Денисовых.
- ³⁹ Из материалов II ревизии известна девка Агафья Григорьевна 1694 года рождения (РГАДА. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 93 об.).

⁴⁰ По всей вероятности, имеется в виду упомянутая в материалах II ревизии девка Мелания Архипова, умершая в 1743 году (РГАДА. Ф. 288 (Раскольниковская контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 90).

⁴¹ Выгорецкий Чиновник. Т. 2. С. 73, 78, 79, 85, 90, 93, 103, 109–111.

⁴² Смирнов П. С. Указ. соч. С. 145.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2012. 442 с.
2. Куандыков Л. К. Идеология общежития у старообрядцев-беспоповцев выговского согласия в XVIII в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 87–100.
3. Маркелов Г. В. Заметки об уставном нормотворчестве в Выголексинских пустынях // Выгорецкий Чиновник. СПб., 2008. Т. 2: Тексты и исследование. С. 490–540.
4. Маркелов Г. В. Комментарии // Выгорецкий Чиновник. СПб., 2008. Т. 2: Тексты и исследование. С. 283–464.
5. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. I. 544 с.
6. Юхименко Е. М. Лексинская обитель: церковный обиход и культурные традиции // Женщина в старообрядчестве: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители. Петрозаводск, 2006. С. 7–13.
7. Crumey R. O. The Old Believers and the world of Antichrist. The Vyg community and the Russian state, 1694–1855. Madison, Milwaukee; London: The University of Wisconsin press, 1970. XX, 258 p.

Поступила в редакцию 27.03.2020; принята к публикации 29.01.2021

Original article

Alexander N. Staritsyn, Senior Bibliographer,
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8240-6703; profitens@yandex.ru

THE RULES OF ALL-FEMALE LEKSA COMMUNITY OF THE EARLY PERIOD

Abstract. The article studies the all-female Old Believers' community existing between 1706 and 1727 on the Leksa River. The purpose of the study is to identify the fundamental rules of the community taking into account the ideological features of the Old Believers' worldview. The author conducts a comprehensive analysis of official documents and the Old Believers' sources as an attempt to penetrate into the inner world of the community closed to the uninitiated, in order to explore it from the inside, i.e., from the perspective of the Old Believers themselves. Obligatory rules for women of the Leksa community founded in 1706 should be distinguished from the rules established for the female unit of the Vyg Old Believers' community. Typologically, the Leksa settlement is defined as an all-female monastery, which differed from a traditional convent in that both nuns and laywomen could participate in its management. The study of the leadership of the settlement and identification of the range of its activities suggested that the leaders of the Leksa monastery mainly focused on ensuring the compliance with the rules of the community charter.

Keywords: Old Belief, Old Believers' settlements, internal structure, monastery, eschatology

Acknowledgments. The article was written as part of the project "Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia" under the Russian Foundation for Basic Research grant "Peter the Great's epoch" for 2020–2022, project No 20-09-42034.

For citation: Staritsyn, A. N. The rules of all-female Leksa community of the early period. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):98–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.590

REFERENCES

1. Zhuravel', O. D. The literary works of the Old Believers between the XVIII and the early XXI centuries: topics, issues, poetics. Novosibirsk, 2012. 442 p. (In Russ.)
2. Kuandykov, L. K. The ideology of community life of the priestless Old Believers of the Vyg communion in the XVIII century. *Sources on the culture and class struggle of the feudal period*. Novosibirsk, 1982. P. 87–100. (In Russ.)
3. Markelov, G. V. Notes on the rule-making in the Vyg and Leksa hermitages. *Vygoretskiy Chinovnik*. St. Petersburg, 2008. Vol. 2: Texts and research. P. 283–464. (In Russ.)
4. Markelov, G. V. Comments. *Vygoretskiy Chinovnik*. St. Petersburg, 2008. Vol. 2: Texts and research. P. 283–464. (In Russ.)
5. Yukhimenko, E. M. The Vyg Old Believers' hermitage: Spiritual life and literature. Moscow, 2002. Vol. I. 544 p. (In Russ.)
6. Yukhimenko, E. M. The Leksa Monastery: Church life and cultural traditions. *Women and the Old Belief: Proceedings of the International Research and Practice Conference Commemorating the 300th Anniversary of the Leksa Old Believers' Community*. Petrozavodsk, 2006. P. 7–13. (In Russ.)
7. Crumey, R. O. The Old Believers and the world of Antichrist. The Vyg community and the Russian state, 1694–1855. Madison, Milwaukee; London, 1970. XX, 258 p.

Received: 27 March, 2020; accepted: 29 January, 2021

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2982-7418; irinarazumova@yandex.ru

О ДИНАМИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ГРАНИЦ: ВЛАСТЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ ПОДНЕВОЛЬНЫХ ТРУЖЕНИКОВ

Аннотация. Цель статьи – определить, в какой степени и под влиянием каких факторов подвержены ситуативной и ретроспективно-исторической динамике границы между депортированными на Кольский полуостров работниками-спецпереселенцами и институализированной властью как их антагонистом. Источниками являются воспоминания спецпереселенцев. Методологической основой служат теории идентификации, социальных фигураций и социальной памяти. К характеристике данной территории и социально-политическим процессам периода ее модернизации применимо понятие фронта. Факторами динамики отношения к «власти» являются ее структурная дифференциация, идентификация «власти» и «начальства» подневольными работниками, различие функциональных контактов с исполнителями власти на разных этапах переселения, оценка результатов деятельности советской власти в масштабе страны и оценка качества своей жизни мемуаристом в данный момент, этнический и другие социальные идентификаторы субъекта высказывания. Конфигурации отношений представителей власти и поднадзорных складывались из рутинных взаимодействий и случаев-событий, когда от личного выбора и поведения представителя власти зависели жизнь и здоровье переселенцев. Социально-статусная шкала отношений корректируется традиционными этическими представлениями. Балансу в отношениях власти и подвластных способствовали специфика структуры власти в условиях фронта, высокая народная репутация отдельных персон местной власти, сокращение социальной дистанции, согласование целей и ценностей в процессе труда по обустройству новой территории, межличностная взаимопомощь.

Ключевые слова: власть, спецпереселенцы, социальная динамика, фронт, Кольский полуостров
Благодарности. Статья выполнена по теме государственного задания № 0226-2019-0066.

Для цитирования: Разумова И. А. О динамике социальных границ: власть в воспоминаниях подневольных тружеников // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 106–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.591

ВВЕДЕНИЕ

Процесс самоидентификации любой общности проявляется в том, как ее представители, во-первых, определяют свои границы с «другими», во-вторых, создают «приграничное» социальное пространство и способы коммуникации с разными категориями «других». В их окружении есть постоянные и ситуативные союзники, доброжелатели, явные и предполагаемые недруги и т. д. Обращаясь к проблемам социальной идентификации репрессированных групп, в первую очередь спецпереселенцев, и их взаимоотношений с властью, мы ставили целью определить, в какой степени и под влиянием каких факторов подвержены ситуативной и ретроспектив-

но-исторической динамике их границы с теми, кто относится к категории не просто «чужих», но «врагов». С одной стороны, эти границы, казалось бы, четко определены, с другой стороны, далеко не все исследователи считают решенным вопрос о том, почему среди многочисленных пострадавших от советской власти так много собственно «советских» людей, и вряд ли возможно сводить все причины к успехам советской идеологической работы или «рабской природы» народа. Исходя из концепций идентификационных процессов ([2: 99], [17], [21], [22], [24] и др.) легко предположить вариативность и ситуативность определения даже того «врага», которому общность обязана своим происхождением. Это

относится и к историческим общностям, сформированным на основе различных категорий советского «спецконтингента».

В частых сопоставлениях Холокоста с репрессиями 1930–1950-х годов в СССР далеко не всегда учитывается, что «различие между жертвами и палачами нацизма абсолютно», в то время как в советском случае «жертвы» намного более разнообразны и не всегда идентифицируемы», так как в советской реальности жертвы и палачи менялись местами [18]. Холокост, если рассматривать его в широком смысле как преследование и уничтожение различных групп населения, а не только как геноцид евреев [23: 176], [26], и сталинские репрессии были направлены на разные объекты. Если в идеологии нацизма устойчиво доминировали, объединившись, расовый (биологический) и этнонациональный признаки, то идеология сталинского репрессивного режима базировалась на сугубо социальных постулатах. Она намного больше подвергалась варьированию под влиянием политико-экономической конъюнктуры и существовала более длительное время, так что можно пронаблюдать, как постоянно менялись границы между «своими» и «чужими», «друзьями» и «врагами» и пр.

Рассматривая воспоминания вынужденных переселенцев на Кольский полуостров в период коллективизации¹, мы выделили в них группу микросюжетов о взаимодействии с представителями властных структур и отдельных высказываний об отношении к субъектам власти. Под «властью» понималась институализированная власть, основывающаяся на деятельности государственных институтов, субъектами которой выступают главы и функционеры государственной, региональной и местной администрации, политических партий (в данном случае – единственной правящей партии), руководители ведомств, производств, хозяйств и т. д. (мы руководствовались современным понятийным политологическим аппаратом [4]). В исследованиях репрессивных режимов субъекты власти распределяются как минимум на две категории по отношению к подвластному населению: виновников и исполнителей². Между ними устанавливаются свои взаимозависимости.

В то же время мы опирались на теорию социальных фигураций Н. Элиаса [14], [15], [19], в которой используется понятие власти как отношения подчинения, специфического взаимодействия между властвующим и подвластным субъектами. Власть в данной концепции превращается в понятие отношения, которое создается в процессе реальных взаимодействий внутри отдельных общностей и между от-

дельными людьми; «из сплетения поведения многих людей вырастают специфические переплетающиеся структуры», или меняющиеся фигурации. Основу процесса составляет «флуктуирующее равновесие напряжения, постоянное движение баланса власти, который клонится то в одну, то в другую сторону». Масштаб общности и число участников взаимодействия определяют длину «цепей взаимозависимостей» и степень их дифференцированности [20]. В обоих значениях «власть» имеет различные воплощения в представлениях и наименованиях.

И деятельность институтов власти, и структурирование социального пространства посредством динамичных фигураций имеют свои особенности на территориях фронта. Это осваиваемое приграничье крупных государств, которым является и Кольский полуостров. К основным чертам фронта относятся маргинальное геополитическое расположение, «центрирование очагами городской жизни», «де-факто колониальный статус территории», «отличие системы управления от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры», «более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения» [1], «более высокий уровень кооперации, доверия» [11] и др. Особенности формирования и деятельности властных структур на фронтных территориях России исследователи рассматривают, как правило, или на этапах досоветской «колониционной истории», или в аспекте актуальных проблем управления этнокультурными процессами, в том числе в арктических российских регионах. Между тем один из участников недавней дискуссии о концепции фронта верно заметил, что «важное значение имеет выявление основных маркеров превращения фронтной территории в традиционную территорию страны и конкретное исследование этих процессов» [6: 96]. Следовательно, необходимо более пристальное внимание ко времени и специфике советской модернизации на разных приграничных территориях в политико-административном ракурсе. Обращение к истории взаимоотношений власти и трудовых мигрантов, насильственно отправленных осваивать Арктику в конце 1920-х – 1930-е годы, способствует устранению этой лакуны.

«ПРЕСТУПНАЯ ВЛАСТЬ»

На условной шкале социальной близости – чужести у репрессированных, в том числе спецпереселенцев, полярные позиции занимают власть и жертвы ее преступлений. Государство

назначило внутренних врагов и начало борьбу. Представители противоположной стороны избирали непротравление или сопротивление (о формах сопротивления спецпереселенцев по нашим материалам см.: [13: 104–105]). Непротивление большей части спецпереселенцев мотивировалось традиционными установками («плечью обуха не перешибешь», «всякая власть от Бога» и т. п.), которые транслировались межпоколенно. На ретроспективные лояльные и сбалансированные оценки действий советской власти влияют свойства социальной и индивидуальной памяти и ряд личностных факторов. У одних мемуаристов это следствие жизненного опыта, осмысления «большой истории» и возрастных переоценок, у других – советской социализации и идейной убежденности, у третьих – свойств личности с развитой склонностью к эмпатии и к оправданию не только «других», но и «врагов».

Противоречивое отношение крестьянства к власти в период коллективизации – одна из актуальных проблем [5], [7], [10], [16]. Согласимся с тем, что разные модели отношения к советской власти (высокий авторитет, с одной стороны, ненависть и презрение, с другой стороны) хорошо уживались в индивидуальном сознании, а граница между ними зависела от конкретной ситуации [7: 196–197]. В случае крестьян-спецпереселенцев важно, к какому этапу процесса переселения относится проявление того или иного отношения. На основании воспоминаний постреабилитационного времени можно судить лишь о том, как репрезентируется политическая власть в рассказах людей, которые пережили и осмыслили опыт спецпереселения, а также находятся под влиянием актуального на данный момент общественного дискурса. Объединяющим началом высказываний служит признание виновности власти, однако степень негативизма в отношении к ней зависит от совокупности переменных.

Во-первых, большое значение имеет оценка качества своей жизни мемуаристом на данный момент: наличие семьи, успешных детей, внуков, материальное обеспечение, жилищные условия, состояние здоровья и т. д. Все негативное часто воспринимается как следствие травмы, причиненной властью в прошлом, или как продолжение репрессий, которые не заканчиваются со сменой власти («опять нас ущемляют»). Бывшие спецпереселенцы склонны воспринимать социально-экономические, правовые проблемы, недостатки социальной политики власти как направленные прежде всего против их группы. Признание властью их заслуг перед страной (связанное с пресловутыми «льготами») боль-

шей частью расценивается как проявление лицемерия государства. Это не исключает других интерпретаций полученных наград и преференций: исправление исторической «ошибки», заглаживание властью вины, сохранение рабочего и воинского достоинства жертвами репрессий, разграничение понятий «власть» и «Отечество». Высказывания постперестроечного времени на эту тему свидетельствуют, что советская и постсоветская власти нередко воспринимаются как преемственные.

Во-вторых, оцениваются результаты деятельности советской, в том числе сталинской, власти в масштабе страны. Одни мемуаристы просто игнорируют этот аспект, вынося приговор властям за свою «украденную жизнь». Другие задаются болезненным вопросом о цене за развитие и сохранение страны. В попытках ответа они или исключают любые оправдания принесенной жертвы, или рационализируют ее, в той или иной мере принимая свою «необходимую» роль.

В-третьих, имеют значение этнический фактор и совокупность социальных характеристик мемуаристов. В рассмотренных текстах более жесткими являются высказывания депортированных финских колонистов и «раскулаченных» ингерманландских финнов. На смыслы и форму утверждений влияют возраст, образование, вид деятельности, религиозная ориентация и т. д.

В-четвертых, важна идентификация и дифференциация «власти» и «исполнителей» субъектами высказывания, что проявляется в номинациях («советская власть», «Сталин», «большевики», «надзиратели», «начальники», «уполномоченные» и т. д.). Им соответствуют, с одной стороны, реальные институциональные функции, с другой – групповые и индивидуальные представления и образы власти.

В-пятых, имеют значение статусы и личности представителей власти. Так, особое положение в административной или партийной иерархии может занимать человек, который воплощает государственную власть в целом и одновременно отвечает за организацию управления на данной территории. При известном стечении обстоятельств «человек власти» наделяется свойствами патрона и «гения места». Для строителей Хибиногорска таким был С. М. Киров, что подтверждает сохраняющаяся до сих пор локальная фольклорная традиция. Единичные приезды Кирова запечатлелись в рассказах-воспоминаниях о мудром и справедливом правителе, который в простом облике, неузнанным обходит жилища, наблюдает быт спецпереселенцев, общается с людьми, и по его слову улучшается жизнь³. Мифологизация этой личности, безусловно, свя-

зана с гибелью Кирова и фактом переименования города в его честь. О переименовании многие старожилы-спецпереселенцы сожалеют, но это не мешает общей положительной оценке партийного руководителя, который немало способствовал привлечению средств для создания комбината и города и решению производственных и социальных проблем. Народная репутация Кирова здесь была такой же высокой, как и официальная⁴. В подобных случаях маятник отношения к субъектам власти склонялся к положительному или отрицательному полюсу в зависимости от того, как сказывалось на оценках деяний и поведения властного лица сокращение социальной дистанции между ним и жителями.

МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ

Принято считать, что местная власть подвергается в народе большей критике, поскольку именно на местах больше возможностей для злоупотреблений, «искажений» и т. п. [10: 236–237]. С учетом социальной динамики вопрос требует уточнения. В случае спецпереселенцев имеет значение, выражают ли свое отношение крестьяне, которые остались в обстановке колхозной деревни, или же бывшие крестьяне – спецпереселенцы, находящиеся на новом месте, занятые не крестьянским трудом и включенные в иную систему управления. Формирование того или иного типа взаимоотношений между спецпереселенцами и представителями власти зависит и от этапа переселения. Различны функции, которые выполняют при этом властные структуры и лица: «раскулачивание», выселение, транспортировка, размещение, организация работ, надзор и др. В конкретных условиях на разных отрезках жизненного пути переселенца в качестве «местной власти» или «начальства» выступают представители разных властных структур: советской исполнительной власти (администрации городских и сельских поселений), руководства производств, надзирающих органов (комендатур) и т. д.

На отношении высланных к местному руководству сказывались различия территорий и производств. По заключению исследователя крестьянской ссылки в Сибири, если дети спецпереселенцев Нарыма упоминают о «мятежном отношении», оно почти всегда направлено против местных властей [25: 1172]. О сопоставлениях говорить рано, но воспоминания спецпереселенцев – строителей городов Кольского полуострова свидетельствуют, скорее, о лояльности к «местной власти». В ряде случаев руководители совмещали здесь разные властные функции, поскольку на незаселенной ранее территории в местах строящихся крупных комплексных объ-

ектов местную власть представляли руководители строительства. Они были наделены большими административными, хозяйственными, партийными полномочиями, и их взаимоотношения с подчиненными складывались в зависимости от многих переменных обстоятельств.

Прежде всего по-разному выстраивались и понимались самими руководителями их функциональные обязанности и приоритеты, особенно в случае совмещения высоких должностей. На разных этапах строительства облеченные властью лица решали многообразные задачи, административные и профессиональные. Так, в Хибиногорске нужно было обеспечить геологический поиск и исследования, наладить деятельность служб, необходимых в местных условиях (например, противолавинной), руководить промышленным и гражданским строительством, разместить «на голом месте» массы трудовых мигрантов, организовать их работу, экстренно создать социальную инфраструктуру, осуществлять «идеологический» контроль и т. д.

Надзирающие функции выполняли комендатуры, подчинявшиеся НКВД. По существу, бесправные труженики находились в ситуации «двоевластия», и их реальное положение определялось балансом властей. Если «надзиратели» воплощали карающую власть, то администрация была занята обустройством производственного и жизненного пространства, труда и быта. Как бы ни оценивались плоды ее деятельности, местная власть в той форме, в какой она существовала, в частности в Хибиногорске – Кировске и Мончегорске, не могла не составить альтернативу «надзирателям». Отношение к ней склонялось к положительному полюсу.

Главным основанием для положительной оценки руководителей служит рачительное, «хозяйственное» отношение к производству, городу и людям. Мемуаристы отмечают прежде всего В. И. Кондрикова и М. М. Царевского, которые относятся к харизматичным местным лидерам, включенным в официальный региональный пантеон. Оценка этих личностей совпадает в советской, постсоветской историографии и в воспоминаниях бывших спецпереселенцев.

В. И. Кондриков в середине 1930-х годов сосредоточил в своих руках фактически единоличную власть по управлению большой территорией и двумя строящимися комбинатами – в Кировске и Мончегорске. В конечном счете он пострадал по этой причине, получив прозвище «князя Кольского» и пополнив список репрессированных и расстрелянных [8], [9]. Это окончательно сделало его «своим» в памяти спецпереселенцев.

Далеко не у всех руководителей, имевших высокую народную репутацию, была столь печальная участь. Видный организатор производства М. М. Царевский в годы Гражданской войны служил в ВЧК, до и после работы на Кольском полуострове руководил крупными строительствами в разных регионах, во главе треста «Кольстрой» встал после расстрела В. И. Кондрикова, а перед войной был назначен директором комбината «Североникель», когда тот был передан в ведомство НКВД. Прямая принадлежность к «органам» не сказалась на репутации Царевского у поднадзорных рабочих. Автор биографического очерка цитирует слова одной из работниц «Североникеля» о том, что Царевский ассоциируется у нее с С. М. Кировым, глядя на памятник которому она вспоминает бывшего директора [12: 141].

Главными основаниями положительной оценки руководителя, помимо хозяйственности, трудовой самоотдачи и заботы о «жизнеустройстве» подчиненных, являются «открытость» в общении, то есть нарушение статусных границ, и гуманное отношение к «невольникам», которое также проявляется в отказе признавать границы, но уже между ними и «вольными» тружениками.

«НАЧАЛЬСТВО»

Руководители хозяйств, будь то огромное комплексное производство или небольшое сельскохозяйственное предприятие, вообще мало ассоциируются у спецпереселенцев с «властью». Они обозначаются словом «начальство». Контроль за соблюдением особого режима не был задачей этих руководителей даже в тех случаях, когда крупное строительство передавалось в ведение НКВД, как это было с «Североникелем». Надзирающе-карательная роль не входила в приоритеты руководителя масштабного производства, разделение трудящихся на «вольных» и «невольных» не имело большого значения с точки зрения общих целей «промышленного освоения».

Мера отчуждения от «начальников» связана с социальной и пространственной дистанцией между ними. С «большим начальником» у работника, тем более подневольного, мало шансов встретиться лично (и потому рассказы о таких знаменательных встречах включаются в автобиографии). Начальники статусами ниже находятся близко, отношения с ними приобретают более или менее личный характер, и на них больше влияют ситуативные факторы. Взаимоотношения начальника и спецпереселенца зависят от плотности их производственных и поселенческих контактов. А. И. Ковалевская в Хибиногорске работала уборщицей в бараке, где жило «начальство». Она сохранила теплые воспоминания о секре-

таре городского совета Е. И. Потаповой, которая относилась с пониманием к ее труду, а когда с мемуаристкой произошел несчастный случай, организовала медицинскую помощь, навещала в больнице, помогала с лекарствами⁵. В особых случаях отношения могут быть полностью сбалансированными, то есть по существу равноправными. Такой случай, относящийся к послевоенному времени, описал С. В. Тарараксин в рассказе «Две судьбы. По разные стороны колючей проволоки» – о взаимопомощи начальника строительного управления и Белоречлага В. И. Полтавы и его водителя из спецпереселенцев А. А. Барсамова⁶.

Трудолюбивые спецпереселенцы должны были вызывать, скорее, расположение руководителей-хозяйственников: «Люди у нас, и начальство, были очень хорошие. К переселенцам относились хорошо»⁷. Такие утверждения не редкость. Отношение к бесправным труженикам со стороны «начальников» и исполнителей из «органов» противопоставлены:

«В полутора километрах от Тик-губы поднимался совхоз “Индустрия”, куда пошли работать мои брат и сестра. Первый директор совхоза – человек очень энергичный и гуманный – сочувственно относился к спецпереселенцам. Он принял на работу моих родственников, близнецов брата и сестру, хотя им было по 15 лет. В отличие от него и первого управляющего рыбпромхозом В. Кожевникова, стражи порядка строго следили за всеми спецпереселенцами»⁸.

ИСПОЛНИТЕЛИ ПРЕСТУПНОЙ ВЛАСТИ

Образ власти-врага ассоциирован прежде всего с исполнителями надзирающих и карательных функций. Спецпереселенцы непосредственно имели с ними дело с самого начала и на всех этапах постигших их несчастий. В первую очередь враждебность проявлялась в местах выезда: «Приходили агенты по сбору налогов, а так как мама по инвалидности не облагалась налогом, доводили до приступа, потом уходили»⁹. Наибольшее число эпизодов о проявлениях немотивированной агрессии относится к моменту выселения и действиям «уполномоченных». Риторике вражды используют и профессиональные историки спецпереселений:

«Кадры, посланные в деревню, вторгались туда, как на вражескую территорию, в той или иной мере вооруженные страхом, чувством мести и пренебрежением к крестьянской культуре», кулак для них – «демонизированный образ газетных карикатур» [3: 64].

Тексты воспоминаний изобилуют примерами жестокости исполнителей выселения. Однако в отдельной ситуации даже уполномоченный мог оказаться на стороне тех, кого выселял,

так как руководствовался собственными представлениями о справедливости. А. Ф. Позднякова (на момент высылки 10-летней) рассказала, как перед раскулачиванием семья отдала на хранение соседям некоторые вещи, в том числе две рабочие дубленки. Когда они поняли, что повезут в холодные края, то попросили «шубы» обратно, но соседка стала отговариваться. «Тогда оперуполномоченный сказал: “Нет шуб, забираем корову”, – и приказал вести корову со двора», после чего имущество сразу нашлось¹⁰. Семью выселяли из Белгородской области, и получилось, что уполномоченный оказался своего рода «спасителем» будущих жителей Заполярья. Мемуаристка такой вывод не делает, но само упоминание о факте есть знак, что это очень важное событие. И не только в перспективе жизнеобеспечения, но и потому, что «своя» и «чужой» против ожиданий поменялись ролями.

Проводниками политики власти были не только люди, наделенные специальными полномочиями, но и привлеченные профессионалы. А. И. Белякова, из семьи новгородских спецпереселенцев, вспоминает, как перед отправкой на высылку женщинам устроили медосмотр. Прошел слух, что беременных отпустят. Ее мать была на восьмом месяце беременности, но медработница сказала: «Ничего, доедешь»¹¹. Именно от медицинских работников ожидается помощь страждущим, особенно в такой ситуации, и случай не мог не остаться в памяти, так как поведение женщины-медика по существу «противоестественно» (как и все, что произошло со спецпереселенцами).

В местах спецпоселений агрессия проявлялась со стороны «управляющих» и «комендантов». Примеров тому немало у спецпереселенцев, которые до хибинской ссылки побывали в районах Сибири, Казахстана, Дальнего Востока. Рассказы о жизни на Кольском полуострове не содержат сведений о побоях и издевательствах, но свидетельствуют о помещении под арест за нарушения режима, чаще всего – запрета на передвижения между населенными пунктами. По мере расширения промышленного строительства семьи подневольных работников все чаще оказывались разделенными, например между Кировском и Мончегорском, и такие нарушения не были редкостью. В повседневной жизни спецпереселенцам досаждали «подслушивающие» и «присматривающие»¹². Можно предположить, что не только репрессированные были объектами тайного контроля. За любое преступление или политическую неблагонадежность, реальные или приписанные на основании доноса, и спецпереселенец, и «воль-

ный», и начальник, и надзиратель могли быстро превратиться в осужденных с последствиями вплоть до самых трагических.

При ситуативных взаимодействиях большое значение имели личные связи из прошлой жизни, случайные встречи бывших знакомых, коллег, которые формально оказались по разные стороны социальной границы. Деда Р. П. Грицаенко при раскулачивании арестовали и отправили в лагерь. На последнем пересыльном пункте одним из «начальников» оказался его бывший сослуживец по царской армии, и он «сделал все», чтобы дед попал не на Соловки, а на лесоповал под Кемью, что на тот момент было спасением¹³.

Постоянно утверждается идея, что всё решали личные качества человека. К. Н. Ильина, некоторое время находившаяся на поселении в Амурской области, сохранила воспоминание о двух комендантах. Первый «был душевнее и добрее» и однажды дал возможность тем, у кого есть силы и деньги, тайно уйти из спецпоселка. На его место пришел «жестокый комендант». Вопреки разрешению НКВД, он не отпустил малолетних детей и пожилых членов семьи с приехавшим за ними из Хибинского родственным. Более того, семье перестали выдавать хлеб до тех пор, пока у них не закончились оставленные родственником сухари¹⁴.

В целом мемуаристы склонны истолковывать поведение представителей власти, не соответствующее статусным ожиданиям, как проявление личных качеств людей – добрых и злых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С одной стороны, нельзя отрицать устойчивость образа «власти-врага», преимущественно сохраняющегося в памяти и «постпамяти» депортированных и репрессированных. С другой стороны, фактор времени действует в разных направлениях, поскольку актуальные оценки и своего «настоящего», и общего «прошлого» колеблются в широком диапазоне.

Из круга «преступной власти» выделяются особо уважаемые персоны, благодаря высокой личной репутации, активному участию в обустройстве местной жизни и высокому статусу в локальной истории. Они помогали если не смягчить противостояние «жертв» и «насильников», то снизить градус социальной агрессии. Балансу в отношениях власти и подвластных способствовало укрепившееся с опытом осознание факта, что застрахованных от суммы и тюрьмы нет, нет их во всех эшелонах советской власти.

Конфигурации отношений представителей власти с вынужденными переселенцами складывались, во-первых, из рутинных взаимодействий,

во-вторых, из узловых случаев-событий. Это ситуации, в которых от личного выбора и поведения того, кто наделен властью, зависели здоровье, жизнь и смерть. Нормативные взаимодействия варьировались на разных этапах спецпереселения и освоения места. Они регламентировались функциональными обязанностями исполнителей государственной власти и в то же время зависели от степени их служебного рвения, идей-

ной непреклонности, личной гуманности и т. д. На социально-статусную шкалу отношений накладывается и корректирует ее шкала этическая, на которой отмечается степень гуманности к «невольникам». Одним из главных балансиров остается «народная» и «антропологическая» идея, что «все люди разные». Даже самая жесткая статусная иерархия власти расшатывается «властью культуры».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Использованы опубликованные источники: Ежова (Тимофеева) Г. Д. Память сердца // Говорят члены общества Мемориал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://srv.rmls.ru/2015/10/18/700> (дата обращения 15.09.2020); Мончегорск – сплетение судеб: Сборник воспоминаний. Апатиты, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kolanord.ru/html_public/col-Murman-kray-ros/Monchegorsk-spletenie-sudeb_2007/index.html#22 (дата обращения 05.10.2020); Память неподвластна времени / Сост. И. Я. Хищенко, А. А. Барсамов. Апатиты, 2015. 227 с.; Пусть не доведется внукам: Сборник воспоминаний к 80-летию города Мончегорска / Сост. Р. П. Грицаенко. Мончегорск, 2018. 195 с.; Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). Апатиты, 1997. 222 с.; Тарараксин С. В. Судеб створевших очертанье. Мурманск, 2006. 148 с.; Тимофеев В. Г. История одной семьи: Повесть. Апатиты, 2004. 170 с.; Хибиногорск. Память сердца. Апатиты, 2012. 360 с.
- ² Для обозначения субъекта репрессий режимов XX века используется многозначное понятие *perpetrators* («злодеи», «преступники», «мучители», «угнетатели» и т. п.), переводчики могут использовать, например, слово «палачи». В это обобщающее понятие включается и категория исполнителей (*executors*) [18].
- ³ Из рассказов о посещении Кировым Хибиногорска: «Если бы он не приказал строить бараки, то многие бы не пережили зиму. В свой первый приезд он сказал: “Приеду в следующий раз, чтобы здесь ни одной палатки не было!” Бараки и раньше строили, но после его приезда стали строить еще больше» (из воспоминаний А. И. Ковалевской (Память неподвластна времени. С. 181)); «Выхожу из магазина и вижу: народ стоит кружком, а в середине какой-то мужчина. Задают вопросы спецпереселенцы, а Киров отвечает, что привезли нас для строительства нового города, знает, что труженики были в деревне, такие здесь нужны. Город постройте, улучшатся условия жизни, дети будут учиться в каменной школе» (из воспоминаний В. М. Лебедик (Спецпереселенцы в Хибинах. С. 25)).
- ⁴ М. Кацнельсон приводит как пример протестного поведения детей спецпереселенцев Нарыма историю о непослушном ученике, который написал фамилию Кирова в виде палиндрома – «ворик», за что, по его словам, был исключен из школы [25: 1172]. Такой казус был бы невозможен именно в Хибиногорске – Кировске.
- ⁵ Из воспоминаний А. И. Ковалевской (Павловской) (Память неподвластна времени. С. 175–177).
- ⁶ В рассказе, основанном на фактах, точно сформулирована идея: «Случайность попадания по ту или иную сторону страшной разделительной линии <...> и есть причина симбиоза симпатий и ненависти между непримиримыми, на первый взгляд, врагами» (Хибиногорск. Память сердца. С. 183). Оба персонажа, нарушая правовые предписания, помогают друг другу в ситуациях, связанных с жизнью и смертью их близких. В финале утверждаются ценностные приоритеты памяти: «А в доме Барсамова остался на память портрет начальника... И только одна мечта оставалась до самой смерти: очень хотелось Анатолию Андреевичу, чтобы одну из улиц в городе Апатиты назвали именем Полтавы. Потому что хороший человек был Владимир Иванович» (Там же. С. 186).
- ⁷ Из воспоминаний Л. Д. Зверева (Спецпереселенцы в Хибинах. С. 16).
- ⁸ Из воспоминаний М. П. Ильиной (Там же. С. 114).
- ⁹ Из воспоминаний Л. Я. Хлыбовой. Записано Р. П. Грицаенко (Пусть не доведется внукам. С. 28).
- ¹⁰ Из воспоминаний А. Ф. Поздняковой (Там же. С. 126).
- ¹¹ Из воспоминаний А. И. Беляковой (Память неподвластна времени. С. 133).
- ¹² «Проверяли, чтобы после 23 час. все были дома, чтобы на праздниках висел красный флаг, подслушивали под окнами, о чем говорят. Около сараев крутились: одна коза блеет или две, не хрюкает ли поросенок, т. к. были большие налоги» (из воспоминаний В. Е. Русаковой. Записано Р. П. Грицаенко (Пусть не доведется внукам. С. 25)).
- ¹³ Из воспоминаний Р. П. Грицаенко (Пусть не доведется внукам. С. 48).
- ¹⁴ Из воспоминаний К. Н. Ильиной (Ковалевской) (Спецпереселенцы в Хибинах. С. 79).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б а с а л а е в а И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественно-го развития. 2012. № 2. С. 46–49.
2. Б р у б е й к е р Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
3. В и о л а Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпереселений. М.: РОССПЭН, 2010. 335 с.
4. Власть. Политика. Государство и государственная служба: Аналитический словарь-справочник / В. Ф. Халипов и др. М.: Наука, 2017. 384 с.

5. Игнатов Н. М. Социальный и духовный протест спецпереселенцев в 1930–50-е гг. на Европейском Севере: постановка проблем и интерпретация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2005/911-sotsialnyj-i-dukhovnyj-protest-spetspereselencev-v-1930-50-e-gg-na-evropejskom-severe-postanovka-problem-i-interpretatsiya> (дата обращения 18.09.2020).
6. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сеня // Петербургские славянские и балканские исследования/Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1 (27). С. 81–105. DOI: 10.21638/spbu19.2020.105
7. Кедров Н. Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 280 с.
8. Киселев А. А. Василий Иванович Кондриков // Не просто имя – биография страны: Книга первая. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. С. 79–92.
9. Киселев А. А. К характеристике образа и типовых черт покорителя тундры 30-х годов XX века (Василий Кондриков) // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде: Сб. ст. Мурманск: МГПУ, 2005. С. 76–81.
10. Кудюкина М. М. Крестьянство и власть в 1920-е годы // Электронная библиотека «Гражданское общество в России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kudyukina.pdf> (дата обращения 18.09.2020).
11. Немировская А., Фоа Р. Социокультурные особенности фронта России // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 80–88.
12. Разумный А. Михаил Михайлович Царевский // Не просто имя – биография страны: Книга первая. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. С. 141–150.
13. Разумова И. А. Создание и реконструкция общности: случай спецпереселенцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 102–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.419
14. Ритцер Д. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
15. Руткевич А. М. Историческая социология Норберта Элиаса // Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. М.; СПб., 2001. С. 349–374.
16. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня: Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 422 с.
17. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ Транзиткнига, 2004. 635 с.
18. Холокост и ГУЛАГ: что остается после памяти? // Гефтер. 18.01.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/17231> (дата обращения 20.10.2020).
19. Элиас Н. Общество индивидов = Die Gesellschaft der Individuen: Пер. с нем. М.: Праксис, 2001. 331 с.
20. Элиас Н. Понятие фигурации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 62–65.
21. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
22. Bauman Z. Identity. Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge; Malden: Polity Press, 2004. 104 p.
23. Charny Israel W. (Ed.), Adalian, Rouben Paul, Jacobs Steven L., Markusen Eric, Sherman Marc I. Encyclopedia of Genocide. Vol. 1. A–H. ABC–CLIO, 1999. 718 p.
24. Hobsbawm E. Are all tongues equal? Language, culture, and national identity // *Living as equals*. (Paul Barker, Ed.). Oxford: Oxford UP, 1997. P. 85–98.
25. Kaznelson M. Remembering the Soviet state: Kulak children and dekulakisation // EUROPE-ASIA STUDIES. Routledge, 2007. Vol. 59. No 7. November. P. 1163–1177.
26. Marcuse Harold. Holocaust memorials: The emergence of a genre // *The American Historical Review*. University of Chicago Press, 2010. Vol. 115. P. 5–89.

Поступила в редакцию 28.12.2020; принята к публикации 29.01.2021

Original article

Irina A. Razumova, Dr. Sc. (History),
Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal
Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy
Sciences” (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2982-7418; irinarazumova@yandex.ru

THE DYNAMICS OF SOCIAL BOUNDARIES: POWER IN THE MEMORIES OF FORCED LABORERS

Abstract. The purpose of the article is to determine to what extent and under the influence of what factors the boundaries between the workers belonging to the category of special settlers deported to the Kola Peninsula and the institutionalized government as their antagonist are subject to situational and retrospective historical dynamics. The sources used are the memories of the special settlers. The methodological basis comprises the theories of identification, social figuration, and social memory. The concept of frontier is applicable to the characteristics of the studied territory and the socio-political processes during the period of its modernization. The factors of the dynamics of the attitude to the “authorities” include their structural differentiation, identification of “power” and “superiors” by the forced laborers, distinction between functional contacts with the executive authorities at various stages of the resettlement, evaluation

of the results of the activities of Soviet power in the country, and evaluation of the quality of life of the diarist at the moment, as well as ethnic and other social identifiers of the subject of discourse. The configurations of relations between the authorities and the supervised people consisted of routine interactions and various events when the life and health of the displaced persons depended on the personal choice and behavior of the authorities. The social status scale of relations is adjusted by traditional ethical views. The specifics of the power structure under the frontier conditions, the high popular reputation of individual local authorities' representatives, the reduction of social distance, the adjustment of goals and values in the process of work on the development of a new territory, as well as interpersonal mutual assistance contributed to a balance of relations between the authorities and the subordinate forced workers.

Key words: power, authorities, special settlers, social dynamics, frontier, Kola Peninsula

Acknowledgments. The study was carried out as part of the state project No 0226-2019-0066.

For citation: Razumova, I. A. The dynamics of social boundaries: power in the memories of forced laborers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):106–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.591

REFERENCES

- Basalaeva, I. P. Criteria for frontier: statement of the problem. *Theory and Practice of Social Development*. 2012;2:46–49. (In Russ.)
- Brubaker, R. Ethnicity without groups. Moscow, 2012. 408 p. (In Russ.)
- Viola, L. Peasant GULAG: the world of Stalin's special settlements. Moscow, 2010. 335 p. (In Russ.)
- Power. Politics. State and public service. Analytical index dictionary (V. F. Khalipov et al., Eds.). Moscow, 2017. 384 p. (In Russ.)
- Ignatova, N. M. Social and spiritual protest of special settlers between the 1930s and the 1950s in the European North: problem statement and interpretation. Available at: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2005/911-sotsialnyj-i-dukhovnyj-protest-spetspereselentsev-v-1930-50-e-gg-na-evropejskom-severe-postanovka-problem-i-interpretatsiya> (accessed 18.09.2020). (In Russ.)
- How do we study frontiers today? Discussion on the article by D. V. Sen'. *Petersburg Slavic and Balkan Studies/Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020;1(27):81–105. DOI: 10.21638/spbu19.2020.105 (In Russ.)
- Kedrov, N. G. Bast shoes of Stalinism. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s. Moscow, 2013. 280 p. (In Russ.)
- Kiselev, A. A. Vasilij Ivanovich Kondrikov. *Not just a name – the country's biography: Book one*. Murmansk, 1987. P. 79–92. (In Russ.)
- Kiselev, A. A. Characterizing the image and typical features of the tundra conqueror of the 1930s (Vasilij Kondrikov). *Living in the North: challenging the extreme environment: Collection of articles*. Murmansk, 2005. P. 76–81. (In Russ.)
- Kudyukina, M. M. Peasantry and power in the 1920s. *Digital library "Civil Society in Russia"*. Available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kudyukina.pdf> (accessed 18.09.2020). (In Russ.)
- Nemirovskaya, A., Foa, R. Socio-cultural features of the Russian frontier. *Sociological Research*. 2013;4:80–88. (In Russ.)
- Razumnij, A. Mikhail Mikhailovich Tsarevsky. *Not just a name – the country's biography: Book one*. Murmansk, 1987. P. 141–150. (In Russ.)
- Razumova, I. A. Creation and reconstruction of community: the case of special settlers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;8(185):102–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.419 (In Russ.)
- Ritzer, G. Contemporary sociological theories. St. Petersburg, 2002. 688 p. (In Russ.)
- Rutkevich, A. M. Historical sociology of Norbert Elias. *Elias N. The civilizing process. Sociogenetic and psychogenetic investigations*. Vol. 2. Moscow, St. Petersburg, 2001. P. 349–374. (In Russ.)
- Fitzpatrick, S. Stalin's peasants. Social history of Soviet Russia in the 1930s: the village. Moscow, 2001. 422 p. (In Russ.)
- Huntington, S. Who are we? The challenges to America's national identity. Moscow, 2004. 635 p. (In Russ.)
- Holocaust and Gulag: what remains after memory? *Gefter*. 18.01.2016. Available at: <http://gefeter.ru/archive/17231> (accessed 20.10.2020). (In Russ.)
- Elias, N. The society of individuals = Die Gesellschaft der Individuen. Moscow, 2001. 331 p. (In Russ.)
- Elias, N. The concept of figuration. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2000;III(3):62–65. (In Russ.)
- Erikson, E. Identity: youth and crisis. Moscow, 1996. 344 p. (In Russ.)
- Bauman, Z. Identity. Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge; Malden, 2004. 104 p.
- Charny, Israel W. (Ed.), Adalian, Rouben Paul, Jacobs, Steven L., Markusen, Eric, Sherman, Marc I. Encyclopedia of Genocide. Vol. 1. A-H. ABC–CLIO, 1999. 718 p.
- Hobsbawm, E. Are all tongues equal? Language, culture, and national identity. *Living as equals*. (Paul Barker, Ed.). Oxford, 1997. P. 85–98.
- Kaznelson, M. Remembering the Soviet state: Kulak children and dekulakisation. *EUROPE-ASIA STUDIES*. Routledge. 2007;59(7):1163–1177.
- Marcuse, H. Holocaust memorials: The emergence of a genre. *The American Historical Review*. University of Chicago Press, 2010. Vol. 115. P. 5–89.

Received: 28 December, 2020; accepted: 29 January, 2021

АНТОН КИРИЛЛОВИЧ САЛМИН

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1072-9933; antsalmin@mail.ru

СОВМЕСТНАЯ ЕДА КАК ФЕНОМЕН САМОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧУВАШЕЙ

Аннотация. Тема совместной трапезы впервые предложена для обсуждения на чувашском материале. Совместная еда на межсельском, общесельском, родовом и семейном уровнях анализируется в контексте традиционных обрядовых действий и молений. Цель исследования – выявление роли совместной еды в сплочении нации и сохранении традиций. Работа строится на широкой базе первоисточников. Привлекаются полевые записи автора (Саратовская, Оренбургская и Куйбышевская области), архивные источники (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных исследований) и опубликованные материалы. Используются разработки предшественников. На основе проведенного исследования автор утверждает, что чувашки исконно поддерживали друг друга. Совместная еда сплачивала их. Обрядовая трапеза сближала людей и на интимном уровне. Особое внимание уделяли немощным старикам, а также родственникам, ушедшим в мир иной. Аналогичное отношение было к божествам. В целом в работе речь идет о родстве по еде.

Ключевые слова: совместная еда, самобытность, родство, этнография, чувашки

Благодарности. Статья написана по теме НИР МАЭ РАН «Слагаемые этнокультурной идентичности».

Для цитирования: Салмин А. К. Совместная еда как феномен самобытной культуры чувашей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.592

ВВЕДЕНИЕ

Разные народы по-разному понимают и разъясняют систему родства. Например, по крови, по рождению, по совместному проживанию. Еще один вид родства – это родство по еде. «Мы родственники по пище» – говорят папуасы <...> Они делятся пищей, и это создает родство» [1: 68]. Для папуаса достаточно стоять рядом и съесть банан, чтобы назваться родственником. Ибо пища создает тела и дает субстанцию. «Мы берем жен от тех, с кем не едим вместе мясо», – говорят те же папуасы [1: 69]. Другими словами, совместный прием пищи маркирует родство, а отдельная еда указывает на отношение к другому роду, из такого экзогамного рода можно взять жен.

Один из видов совместной еды – это ритуальная трапеза. «Кормление – один из основных магических приемов, с помощью которых реализуются взаимоотношения человека со сверхъестественными силами» [2: 601]. Как правило, необходимость совместной еды в обрядовом смысле возникает перед значительными

действиями. Согласно описанию Ксенофонта, персидский царь Кир,

«стоя, принес в жертву богам начатки еды и стал завтракать, все время уделяя от своей части тем, кто особенно был голоден. Затем, совершив возлияние и вознеся моления богам, он отведал принесенного питья, и все другие окружавшие его люди сделали точно так же. Наконец, обратившись с мольбой к Зевсу Отчему, чтобы он был им предводителем и союзником, Кир вскочил на коня, велел своей свите делать то же самое»¹.

Все сказанное имеет прямое отношение и к чувашам. Согласно наблюдениям А. А. Фукса, «поминовение чувашки считают лучшим средством умиловить покойников и заставить их быть смиренными. От этого у них поминки считаются необходимостью»². Принеся часть еды своим умершим родственникам, чуваш старается поддерживать родство с ними, напоминать им о связях, вызвать расположение.

Еда для чувашки – не просто насыщение, а несомненно сакральное действие. Во время еды даже за семейным столом не позволялось разговаривать, тем более смеяться. Не было принято шу-

меть, выражать недовольство, что его обделили, жадничать³.

Не есть вместе, отказать в совместной еде, предпринимать меры для устранения от совместной еды – значит чуждаться. Для айна не принимать участие в совместном поедании совместно пойманного медведя равносильно отлучению от общины⁴. Тенденция отчуждения соблюдалась чувашами и по отношению к снохе в семье. Сноха как новый член семьи в течение года или до рождения ребенка не могла считаться полноправным ее членом и питалась не за общим столом, а одна в зашторенном углу у печи. Желание разлучить любящих парня и девушку зафиксировано в заговорах. В частности, в них говорится: «Когда дикая лесная лошадь и домашняя лошадь смогут встать рядом и есть из одного стойла – пусть только тогда они будут вместе»⁵.

Конечно, самобытность чувашей заявляет о себе не только в пищевом выражении, но и красочной вышивкой одежды, богатой мифологией, мудрой народной педагогикой и медициной. Вместе с тем,

«акцентируя национальные чувства, религиозные ценности, люди выступают за целостность своего сознания и поведения, прочность своих связей с традиционной общностью»⁶.

Потеря древних ценностей, особенно традиционных обрядов и верований, приводит к потере идентичности (то есть самобытности). Например, волжские татары вместе с принятием ислама чаще стали использовать по отношению к себе термин «мусульманин».

«Эта опасная для будущего этноса тенденция была замечена и верно оценена первым среди татар ученым историком Шигабутдином Марджани. Он поставил перед своим сородичем вопрос ребром: “Кто ты – татарин или мусульманин?” И ответил на него четко и недвусмысленно: “Ты – татарин”. Он выступил против подмены этнонима конфессионализмом, заявив: “Между наименованиями “татарин” и “мусульманин” такая же большая разница, как расстояние между Нилом и Ефратом”» [6: 82–83].

Действительно, нет ничего зазорного в том, что замечательные татары Галимджан Ибрагимов, Хади Такташ, Муса Джалиль и многие другие были не мусульманами, а явными атеистами. Все это несколько не умаляет их вклад в богатые традиции народа. Иначе говоря, принятие чужой веры наносит большой урон традиционным ценностям (в том числе родному языку), перенятым от исторических предков. Отсюда – беспокойство, осознание того, что

«чувашский стереотип, основанный на учении старейшин (ваттисем калани) не в малой степени был гаран-

том сохранения народа и его самобытной культуры <...> Необходимо найти такой вариант симбиоза национальной и общечеловеческой культур, чувашской и общеевропейской ментальностей, при котором взаимовлияние окажется благотворным для обеих сторон. Наблюдения за ментальностью чувашского народа подсказывают, что в новом поколении самобытные положительные качества могут быть скоро и полностью поглощены глобализмом, в таком случае большую часть манкуртной чувашской молодежи постигнет горькая участь травы “перекати-поле”» [5: 47, 90].

В работе анализируются инварианты традиционных обрядов чувашей. Традиционные праздники, обряды и верования классифицируются по составу участников на общесельские праздники и обряды, домашние праздники и обряды, индивидуальные обряды. Объектами изучения также являются божества и духи. Для анализа отобраны праздники, обряды и верования с обязательным «пищевым» компонентом. Хронологический диапазон первоисточников – с XVIII по XX век. При этом приходится хотя бы кратко (для получения общей картины) говорить о композиции анализируемых традиционных обрядов и верований.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Учук (поле + жертвоприношение). Обряд проводится всей деревней или несколькими населенными пунктами сообща. В источниках говорится об объединении 7 и 9 деревень. Если *Учук* совершается несколькими деревнями совместно, то после каждая деревня проводит его отдельно по той же схеме. Цель этого масштабного обряда – обращение с просьбой к божеству *Турь* дать обильный урожай хлеба, приплод скота и благополучие в семьях. Для проведения обряда выбирается локус за деревней у воды (речки, оврага с водой или ключом). Центром служит какое-либо дерево (лучше всего – дуб). У дерева устраивают временный стол. На столе – хлеб, на хлебе – соль в солонке. На *Учук* сначала приходят по одному человеку от каждого дома в деревне. Заранее сообща готовят пиво в большом котле. Обрядовой пищей на *Учуке* служат мясо жертвенных баранов, каша из разных круп, пресные лепешки. Варианты: в один год режут корову, в другой – быка и две овцы (барана). Обязательна домашняя птица. Сбором у народа круп, соли, масла и яиц занимаются взрослые, им помогают дети. Перед заклинанием животных обливают водой: если встряхнутся – то угодны божествам, если не встряхнутся – то таких животных отводят обратно домой. Обливание проводят от головы к хвосту. Кожи жертвенных животных (быка, коровы, овец) вешают тут же на дерево, а в позд-

них обрядах сжигали или продавали. В одном большом котле варят кашу, в другом – мясо. В кашу кладут достаточно масла и молока. Чаше всего ее варят на бульоне. В каше же варятся яйца вкрутую. От каждого дома приносят лепешки, которые складывают в кучу. Очевидцы сравнивают эту кучу с копной сена. Принесенные с собой чашки расставляют на лужайке в два ряда. Приносят также ложки. Во время приготовления обрядовой пищи проводится *Акатуй* со всевозможными состязаниями (игры, борьба, прыжки). К этому времени приходят повзрослевшие девушки и парни в нарядной одежде, готовые выйти на хоровод *Выйй*, который начинается вечером.

Моление проводят сельчане старшего возраста, обычно – старик, а в последние годы – пожилая женщина. Молельщик держит шапку под левой мышкой. При молении обращаются в сторону востока, а смотрят на растущее дерево, при этом молельщик в правой руке держит кусочки жертвенной пищи. Он просит божество *Турй* отвести от народа все беды. Обращались с аналогичными просьбами и к другим божествам – вестнику божества *Турй Пулехсе*, покровителю домашних животных *Пихампару*, родителю хлеба *Тыр-пул никёсе* и т. д.

Перед тем как приступить к совместной еде, в деревню отправляют глашатаев созывать сельчан. Рассаживаются в ряд. В зависимости от количества чашек и числа участников определяют, сколько человек будет есть из одной чашки. Например, в источниках говорится о том, что из одной миски ели четыре человека. Обычно стараются сесть у одной тарелки члены одной семьи. Раздачей еды занимаются два пожилых человека. Один раздает кашу, другой – мясо. Кашу из котла черпают с помощью ковша с длинной ручкой. Каша особенно нравится детям, им достается и по яйцу.

Завершив совместную еду, остатки пищи участники берут домой. Принесенная еда употребляется домашними как святыня. Прежде всего угощают тех стариков и старух, которые не смогли прийти на моление. На такие после-молельные домашние трапезы приглашают самых близких родственников⁷ [4].

Сумйр чўк (дождь + жертвоприношение) – жертвоприношение с целью вызывания (иницирования) дождя. Проводят, когда долго стоит сухая погода, мешающая росту посева. Участниками являются сельчане. Если деревня большая, то *сумйр чўк* может организовать каждая улица отдельно. Проводится через одну-две недели после *симёк* – «семика». Местом для обрядовых действий служит берег реки или озера. Если их

нет, то загодя делают запруду в овраге. Такое место должно находиться на восточной от деревни стороне. Вокруг водоема втыкают спаржу, называемую чувашами *сумйр курйкё* «трава дождевая» (то есть трава, способная вызвать/иницировать дождь). 10–15 мальчиков снабжаются котомками, ведрами и кадками, ходят по улице от дома к дому и собирают продукты. Кто-то дает яйца, кто-то – дрова, другие – молоко, масло, соль, крупу (чаще всего пшено) или муку. На народные деньги могли купить гуся. Все собранное отдают какой-либо женщине для приготовления еды. Ей помогают еще две-три женщины. Варят кашу на молоке и пекут лепешки. В большинстве случаев лепешки или хлеб приносят с собой. К моменту приготовления еды подходят дети со своими чашками и ложками. Старушка становится лицом на восток и начинает моление у котла с кашей, находящегося в это время на земле. Под левой мышкой она держит мужскую шапку. Присутствующие мужчины также держат шапки под левой мышкой. Обращаются к *Турй*. Просят дать дождя, уберечь от несчастий, града, червей, сильного ветра. После моления участники обряда совершают земной поклон. Дети наблюдают за происходящим на некотором расстоянии. Сначала старый человек пробует пресную лепешку *юсман*, кашу с маслом и пиво. Детям отламывают кусочки лепешек, накладывают кашу. Дуть на горячую кашу запрещается, за этим следят пожилые участники. Завершив совместную трапезу, молодежь начинает обливать водой участников церемонии. Многие сами входят в воду и плескаются. Так участники пытаются вызвать дождь на засохшую землю. В некоторых случаях люди шли на кладбище и просили духов предков не разгонять дождевые облака⁸.

Аналогичные обряды проводили и казанские татары⁹.

Сёрен – общесельский очистительный обряд. Само слово означает «изгнать». Время проведения – после *калём* и до *мункуна*. В народном календаре это рубеж старого и нового годов. Обходчики заходили в каждый дом, имеющимися в руках прутьями хлестали дом, решетки, ворота, изгоняя таким образом злых духов. Прутьями ударяли всех членов семьи. В каждом доме им давали яйца, *шйрттан* (рубец, начиненный мясом и зажаренный в печи), крупу, орехи, пироги. Те из участников, которые шумели трещотками, собирали или сырок, или масло. Угощали их и напитками. Они шумели, плясали, пели. Собранные продукты относили в один из домов и варили в котле. Предводитель совершал моление. Обращаясь к соответствующему божеству,

он просил дать возможность дожить до следующего *сёрена*. За деревянной яйца раздавали каждому участнику в руки. Обычно доставалось по два яйца. Если пришедших на моление было мало, то им доставалось и до десяти яиц. Совместную обрядовую еду дети и молодежь совершали на лужайке¹⁰.

Мункун – основной родовой праздник, посвященный духам предков. Приходится на начало нового года по астрономическому календарю. Термин буквально означает «большой день». Основные действия происходят в коренном доме рода, то есть в том доме, откуда происходили и отделялись мужчины. Приходят также кровные родственники, живущие в других деревнях, и их жены. На столе в эти дни обязательно должны быть яйца, а также круглый хлеб, пиво, курятина, блины. На стене у двери зажигают свечи по количеству поминаемых родственников. Проводится ряд ритуальных действий (бой яиц, разделение дужки курятины). Завершив церемонию в родовом доме, участники перемещались в другой дом, входящий в круг родства. Заканчивали обход к утру¹¹.

Праздник в разных формах бытовал во всех традиционных обществах. Например, на Тробрианских островах в этот день каждого приходящего угощали пищей, полежавшей на кровати примерно час¹².

Кёр сáри (букв. «осеннее пиво») – осенний родовой обряд, посвященный духам предков. Приглашают на него кровных родственников по мужской линии, включая и единоутробных. Начинается в четверг после обеда. Участники собираются в коренном доме. Считается, что умершие родственники приходят в свои дома после полуночи. Их можно даже увидеть, если посмотреть в *тёнё* (дымовое отверстие в стене в избах по-черному) через хомут. Согласно верованиям, все пришедшие с того света гости сидят, свесив головы, так как шейные жилки у них во время смерти подрезаются. Но смотреть на них было очень опасно, ибо если духи умерших заметят наблюдающего за ними, то они убивают такого смельчака. Из еды в этот день на столе могут быть мясо (баранина, говядина, курятина, иногда конина), пиво, каша, блины из муки старого урожая. Еду для умерших отделяют в чашку на коннике. Умершим детям также отливают воду, чтобы их не одолевала жажда. Стол переставляют ближе к двери. Поминают всех, включая безродных. Согласно верованиям чувашей, если умершим не отделять пищу, то они на том свете будут голодными. После молитвенного обращения к перешедшим в иной мир родствен-

никам участники приступают к совместной еде. Жена хозяина начинает подносить угощение со стороны печного угла, а сам хозяин – со стороны двери. Отделенную для умерших еду выносят во двор. Если ее поедают собаки, то угощение принято, если кошки или свиньи – то нет. Затем обходят, соблюдая церемонию в сокращенном виде, другие дома родственного круга. К утру обход завершается¹³.

Чуклеме (от слова *чўк* «жертвоприношение») – родовой праздник по случаю начала употребления нового урожая. Другое буквальное название обряда – *киветни* «старение нового хлеба». Участниками становятся только кровные родственники по мужской линии, а также их жены и дети. Исключение составляют соседи, которые в большинстве случаев оказываются родственниками. Из еды на столе бывают каравай, пиво, блины, мед, мясо, пресная лепешка *юсман*. Сначала за стол садятся старики. *Хозяйка* при необходимости накладывает в чашки кашу, подливает масло. Затем к столу присоединяются мужчины, за ними женщины, потом дети. Приходящих в это время чужих людей (даже если они близкие знакомые) за стол не приглашают. В молитвенной речи благодарят *Туря* за урожай. Желают, чтобы корень у зерновых был как у камыша, а колос – как у гороха, чтобы в клети всегда было семь видов зерна, а хлеба хватало и себе, и просителям. Во время моления участники стоят, обращаются на восток, держат в руках кусочки хлеба свежего урожая. После совместной еды в коренном доме основной состав участников идет в другой родственный дом. Так обходят все семьи, входящие в родственный круг¹⁴.

Ака пáтти (сев + каша) – межсемейные обрядовые действия в связи с выходом на сев. Сев проводится двумя-тремя семьями совместно. Таким образом крестьяне объединяли ресурсы в артели: у кого есть лошадь, у кого – хорошие сбри, у кого – борона надежная. К тому же не во всех семьях есть крепкие мужчины. В честь праздника пекут каравай из белой муки. Это жертвенный хлеб с «пупком» и «носами». «Носы» – выпуклости по краям, образованные от прощипывания теста, а «пупком» служит яйцо, выступающее в середине хлеба. Кроме того, варят кашу полбенную или пшеничную, яйца по числу участников сева, колобок *йáва* и пресную небольшую лепешку *юсман*, а также пиво. Стол переставляют в дверную часть. На него устанавливают котел с кашей. Моление проводит старший член семьи. После завершения совместной еды всем раздают по яйцу. Их зарывают на загоне с просьбой к божеству *Сёр йыш* (букв. «боже-

ство семейства земли») вырастить хороший урожай. В засеянное поле также зарывают «пупки» и «носы» от хлеба. Лошади, участвующей на севе, дают хлеб. Во дворе из пудовки сыпят зерно домашним животным и птицам. Вечером после завершения сева дома пьют пиво¹⁵.

Ана пай (загон + доля) – семейный обряд по случаю завершения жатвы. Пищей и жертвенным даром в этот день бывают непечатый хлеб и непечатый сырок *чакйт*. По завершении жатвы в конце загона оставляют пучок несжатого хлеба. Самый старый член семьи опускается на колени у этого пучка, сгибает его к земле и зарывает, сделав ямочку кончиком серпа. Туда же кладет краюшку хлеба и сырок. Этот дар земле называют «счастьем загона» или «хранителем загона». Текст моления заключает мысль-пожелание получать и в дальнейшем добрый урожай. Обращаются к божеству *Ана кѣтѹсѣ* (букв. «пастьух загона») с просьбой уберечь от сильных ветров, бурь и града. Затем все садятся на снопы у этого пучка хлеба и совершают совместную трапезу¹⁶.

У народов, занимающихся традиционным земледелием, данный обряд бытовал в разных вариантах. В Ирландии, например, древняя жатвенная церемония называлась «срезание калахта».

«Она заключается в том, что в углу последнего поля последний пучок колосьев оставляют несрезанным. Его заплетают, он и называется калахт. Жнецы вооружаются секачами (серпами) и, стоя на разумном расстоянии, каждый по очереди делает бросок, чтобы срезать его. Затем удачливый претендент надевает его на шею жены хозяина поля... и торжественно ведет ее в дом, требуя первой чарки. После этого пучок вешают в центре кухни, где приготовлено достаточное количество горячительного угощения для всех, за этим следует чаепитие и общее празднество»¹⁷.

Туй – свадьба. Вся свадьба насыщена семантикой взаимного угощения и совместной еды. Любопытно, что в словаре П. С. Палласа зафиксировано значение свадьбы как *яшкасини* (букв. «есть суп»). А в словаре В. Г. Егорова – как «насыщаться, наедаться досыта»¹⁸. Начинается с хождения на кладбище на могилы родственников. Им отделяют жертвенную пищу. Просят позволить провести свадьбу без скандалов и в традиционной манере. Во время обхода родственников жениха младший дружка в каждом доме берет со стола понемногу хлеба, мяса, ложку и кладет в свою сумку. А в доме отца невесты он выкладывает все это на стол и приглашает всех угоститься. Так происходит угощение родственников невесты едой, собранной со столов рода жениха. Старший дружка, явившись во главе мужской свадьбы к свату в дом, прямо

заявляет, что пришли, чтобы «попить-поесть». Во дворе свекра в первую очередь проводится символическое кормление молодой пары из одной ложки¹⁹. В доме отца жениха происходит коллективное символическое кормление жениха и невесты. Совершив коленопреклонение, молодые встают у печи лицом к участникам свадьбы. Сноха покрывает головы молодоженов кошмой. Присутствующие в доме черпают со стола по ложке супа и бросают кто на кошму, кто прямо в лицо жениху и невесте. Один мальчик начинает пританцовывать перед молодой, держа в руке трехконечную деревянную вилку. В это время за столом сидит старик-шутник. Мальчик подходит к нему, а тот накалывает на вилку три клецки-салмы и шепчет в ухо похабные слова. После этого мальчик подходит к молодым и тычет невесте в губы этими клецками, приговаривая: «Хоть ты и хочешь, но я не дам». Затем срывает с молодых кошму и бежит в клеть, где в муке прячет эти клецки²⁰. Черемисы вводили невесту в молельный дом *кудо* и сажали рядом с женихом. Угощали их лепешкой с заостренной палочкой. «Жених и невеста должны были по разу откусить эту лепешку – и венчание заканчивалось»²¹. В Уганде «жених набирал в рот молоко и обрызгивал им невесту, затем она набирала в рот молоко и обрызгивала жениха»²². Исследователь славянской свадебной культуры А. Л. Топорков считает, что «совместная еда молодых... знаменует собой их вступление в интимную связь» [7: 177]. В клетю, куда закрывают молодых на брачную ночь, молодая кормит мужа. На следующее утро, если находят молодую нецеломудренную,

«то дружка жениха разносит по кругу пиво в кружке с дырочками на дне, через которую пиво вытекает. Увидев это, все смеются, а невеста покрывается краской»²³.

Совместная еда на свадьбе. Моргаушский район Чувашской Республики. 2004 год. Фото М. А. Костарева

Sharing a meal at a wedding. Morgaushskiy district, the Chuvash Republic. 2004. Photo by M. A. Kostarev

Утром молодая в сопровождении идет к роднику и приносит два ведра воды. На этой воде варит суп с клецками *салма*. Этим супом она угощает всех, кто находится в доме. Так она становится хозяйкой у печи, заменив на этом месте свекровь²⁴. Однако молодая в течение года не могла садиться вместе со всеми за общий стол. Она как «чужачка» ела в печном углу, а сидела спиной к семье мужа²⁵.

Юна (букв. «столб») – обрядовые действия по случаю окончательных проводов души умершего родственника. Проводится через 5 или 7 недель после смерти. Иногда через 40 дней. Но чаще всего в месяц *юна* (октябрь – ноябрь). Участники – семья и родственники. В этот день на могилу ставят антропоморфный столб *юна*. Перед тем как резать скот, один из членов семьи выходит на околицу и, смотря в сторону кладбища, зовет по имени: «Эй, (имярек), тебе даем жеребенка (если расходуют жеребенка), приди и возьми!» Затем режут жеребенка. Вместо жеребенка могут резать лошадь, корову, барана, овцу, гуся, утку или курицу. Все зависит от того, что завещал сам покойный и насколько состоятельна семья. Когда все готово, едут на кладбище за душой умершего родственника. Лошадь, сбруи и телегу наряжают как на свадьбу. На дугу вешают два колокольчика. Едут 7–8 человек, с собой берут ведро пива и немного вина. В других вариантах этого обряда приглашать умершего на кладбище едет мальчик-всадник. На кладбище зовут умершего присоединиться к совместной еде и начинают угощаться. По возвращении начинаются поминки. На середине стола размещают каравай, на него – сырок, а на сырок ставят и зажигают свечу. Эта свеча горит всю ночь, наращивают ее снизу. Из еды на столе также бывает пиво, домашнее вино или покупная водка, блины, лепешки, мясо, яйца. Родственники приносят с собой водку, мед, пиво, блины, курятину, а также по одной свече. Поминаемому еду отделяют в отдельную чашку. Антропоморфный столб, символизирующий умершего, в это время покоится на кровати. Затем совершается совместная трапеза. Тех, кто не является членом семьи и рода, к ней не допускают. Утром чашку еды для умершего выносят на улицу и пляшут вокруг нее под музыку волынки *шӓпӓр*. Обычно чашку устанавливают на ступу. В конце концов ее опрокидывают, будто бы нечаянно, и уходят в дом. Оставшиеся на улице остатки еды съедают собаки. Потом вывозят столб на кладбище, устанавливают. Еще раз совершают обильную совместную трапезу²⁶.

Хёртсурт – божество, хранитель домашнего очага. Является в образе женщины в чувашском наряде. Полагали, что она – хозяйка дома. Раз в год специально для *Хёртсурта* варили пшенку, заправив маслом способом «глазок». Обращались к ней с просьбой хранить и беречь семью, дом. Вечером кашу ставили на шесток печи, чтобы божество попробовало. В некоторых домах кашу подавали на печку, подстелив под чашку подушку. На чашку клали ложку, сверху покрывали лепешкой. В этот вечер домашние не засиживались долго, чтобы не помешать *Хёртсурту* полакомиться. Если в доме были кошки, то их на эту ночь закрывали в чулане. Утром кашу съедали всей семьей. Чужих людей этой кашей не угощали. Чтобы *Хёртсурт* не ушел из дома, каждый раз, возвращаясь из гостей, домочадцы клали на печку гостинец. Пока божеству не дали кусочек еды, дети не могли просить. Принесенными гостинцами могли быть палишки *сӓхӓ*, сырок *чӓкӓт*, пирог, блины²⁷.

Аналогичное божество имелось в домах и других народов. Например, у осетин – *Бынаты хицау*, которому в определенный день приносили в жертву баранину или мясо домашней птицы. «Мясо жертвенного животного полагалось съесть только членам семьи»²⁸.

Верно утверждение, что «для идентичности мифология показательнее любых экономических и демографических расчетов – если есть своя мифология, есть и самобытность» [3: 49].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проанализировали основные «пищевые» традиционные обряды и верования чувашского народа. Если сгруппировать их, то получится такая картина: межсельский обряд *Учук*, общесельские (*сумӓр чӓк*, *сӓрен*), родовые (*мункун*, *кӓр сӓри*, *чӓклем*), семейные (*ака пӓтти*, *туй*, *юна*) обряды, а также обрядовые моления, адресованные божеству *Хёртсурт*. Все эти примеры показывают, что люди держались друг за друга, что называется, и в радости, и в горе.

Совместная еда сплачивает людей на всех уровнях, будь то население нескольких деревень или род. Как правило, продукты для такого действия собираются со всех участников. В молениях просьбы доводятся до адресатов (божеств, духов предков). Примечательно: перед тем как приступить к совместной еде, отправляют глашатаев созывать участников церемонии. В обрядовые действия обязательно включают всех: собирают у них продукты, заботятся о сельчанах (например, в *сӓрен* изгоняют злых духов не только из строений, но из людей), созывают на место

обрядовых церемоний нужных адресатов, выражают благодарность за содействие (оставляют долю на загоне, на шише овина и т. д.). Совместный труд (например, работа артелью на пашне или севе) и совместный прием пищи символизируют единство людей. Во время совместной еды участники угощают друг друга и проводят игры, таким образом они становятся еще ближе. Это касается не только межсельских, общесельских и родовых обрядов, но и семейных. На них закрепляется ценность не только общества, но и индивида (например, в виде награды победителю в борьбе или проведения семейных обрядов от имени каждого члена семьи). Более того, совместная еда сближает и на интимном уровне (первая совместная еда молодых на свадьбе практически равна началу их интимной жизни). Чувашки не выключали из совместной еды и умерших соплеменников. Они заботились о немощных стариках (с общесельских обрядов приносили

еду и угощали). В то же время не допускались к совместной еде чужаки. В целом наблюдается укрепление родства посредством совместной еды (родства по пище).

Уход в прошлое по разным причинам бытовавших в повседневной жизни «дедовских» праздников, обрядов и верований, составляющих фундаментальную основу традиционной культуры, приводит к потере самобытности чувашского народа. Задача общества, рода и семьи – сохранить наиболее ценные традиции, по крайней мере, в виде передачи знаний о них растущему поколению. Эта задача актуальна в наши дни, ибо многие родственники живут разрозненно на больших расстояниях друг от друга. Складываются иные формы повседневного общения и поддержания родственных отношений. В том числе формируются иные варианты «родства по еде». В них содержатся не только новые, но и вполне традиционные ценности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ксенофонт. Киропедия / Изд. подгот. В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. М.: Ладомир, 1993. С. 156.
- ² Фукс Александра. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Казан. ун-т, 1840. С. 14–15.
- ³ Охотников Н. М. Записки чувашина о своем воспитании // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1920. Т. 31. Вып. 1. С. 19–48.
- ⁴ Фрээр Джеймс Джордж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1986. С. 475.
- ⁵ ПМА (Полевые материалы автора) 1990 – экспедиция автора в 1990 году в Шенталинский р-н Куйбышевской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 250.
- ⁶ Бадмаев В. Н. Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград: ВГФСУ, 2005. С. 5.
- ⁷ ЧГИ (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук), т. 6 – Ашмарин Н. И. Этнография, фольклор. 1841–1903 гг. Л. 651.
- ⁸ ПМА 1989 – экспедиция автора в 1989 году в Бузулукский, Грачевский, Державинский и Курманаевский р-ны Оренбургской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 56; ЧГИ 6: 651.
- ⁹ ЧГИ 216 – Никольский Н. В. Этнография. 1910–1911 гг. Л. 443.
- ¹⁰ ПМА 1988 – экспедиция автора в 1988 г. в Базарно-Карабулакский р-н Саратовской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Л. 31; ПМА 1989. Л. 58.
- ¹¹ ПМА 1990. Л. 274; ЧГИ 21 – Ашмарин Н. И. Археология, этнография, фольклор. 1895–1943 гг. Л. 164.
- ¹² Фрээр Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Доп. т. М.: Рефл-бук, 1998. С. 351.
- ¹³ ЧГИ 160 – Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1899–1910 гг. Л. 223; ЧГИ 207 – Никольский Н. В. История, этнография. 1909–1911 гг. Л. 75.
- ¹⁴ ПМА 1990. Л. 171; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149. Л. 116.
- ¹⁵ ПМА 1989. Л. 80; ЧГИ 151 – Никольский Н. В. Этнография. 1887–1905 гг. Л. 41.
- ¹⁶ ЧГИ 174 – Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1908–1910 гг. Л. 421; ЧГИ 179 – Никольский Н. В. Этнография. 1910–1911 гг. Л. 118.
- ¹⁷ Фрээр Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Доп. т. С. 373.
- ¹⁸ Паллас П. С. Сравнительный словарь всех языков и наречий. Ч. 1. СПб.: Тип. Шнора, 1787. С. 209; Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. С. 255.
- ¹⁹ ЧГИ 5 – Ашмарин Н. И. Песни. 1900–1903 гг. Л. 87; ЧГИ 29 – Ашмарин Н. И. Этнография, фольклор (в том числе татарские тексты). 1897–1922 гг. Л. 364.
- ²⁰ ЧГИ 1 – Сказки. 1937–1938 гг. Л. 158; ЧГИ 40 – Этнография, литература. 1907–1924 гг. Л. 247.
- ²¹ Смирнов И. Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань: Имп. ун-т, 1889. С. 132.
- ²² Фрээр Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Доп. т. С. 357.
- ²³ Georgi J. G. Bemerkungen einer Reife im Rußifchen Reich in den Jahren 1773. Und 1774. В. II. St.-Petersburg: Acad. Der Wiffenfchaften, 1775. S. 853.
- ²⁴ ПМА 1990. Л. 187; ЧГИ 1. Л. 90.
- ²⁵ ЧГИ III-452 (II) – Макаров Г. Т. История, религия и этнография с. Старое Ганькино Похвистневского р. Куйбышевской обл. 1976–1977 гг. Л. 113.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149 – Географические и исторические ведомости, собранные и присланные в Академию В. Н. Татищевым. 1737–1738 гг. Л. 116 об.; ЧГИ 6. Л. 576.

²⁷ ЧГИ 21. Л. 6–7.

²⁸ Калоев Б. А. Бынаты хицау // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М.: Совет. энциклопедия, 1987. С. 204.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутинов Н. А. К вопросу о концепции родства // Советская этнография. 1990. № 3. С. 65–75.
2. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Кормление // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 601–606.
3. Головнёв А. В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 40–49.
4. Данилко Е. С., Садиков Р. Р. Видеосъемка полевого моления некрещеных чувашей в Башкирии // VI Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 382.
5. Никитина Э. В. Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. Чебоксары: Новое время, 2005. 148 с.
6. Рашитов Ф. А. О соотношении этничности и религиозности в идентичности татар // Этнорелигиозная идентичность татарского народа в условиях глобализации. Казань: АН РТ, 2019. С. 78–90.
7. Топорков А. Л. Еда // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. Т. 2. М.: Эллис Лак, 1995. С. 176–178.

Поступила в редакцию 27.07.2020; принята к публикации 30.11.2020

Original article

Anton K. Salmin, Dr. Sc. (History),
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-1072-9933; antsalmin@mail.ru

SHARED MEALS AS INDIGENOUS CULTURAL PHENOMENON OF THE CHUVASH

Abstract. The article presents the first-of-its-kind discussion of shared meals practice through the prism of the Chuvash culture. Eating together at the inter-village, all-village, generic and family levels is analyzed in the context of traditional ritual actions and prayers. The purpose of the study is to reveal the role of shared meals in uniting people and keeping the ancestral traditions. The work is based on a broad set of primary sources, including the author's field notes (made in Saratov, Orenburg and Kuibyshev regions), archival sources (from the Saint Petersburg Branch of the RAS Archive and the Scholarly Archive of Chuvash State Institute for Humanitarian Research), various published materials, and previous research works. The research results suggest that the Chuvash people have always supported each other, and shared meals helped uniting them. The ritual meals brought people together on an intimate level. Special attention has been paid to the feeble old people and late relatives. The similar attitude was expressed to the deities. Therefore, the conclusion can be made about the existence of some food-based feeling of affinity or kinship.

Key words: shared meals, uniqueness, kinship, ethnography, Chuvash

Acknowledgments. The study was conducted as part of the research project “Factors of ethnocultural identity” of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Salmin, A. K. Shared meals as indigenous cultural phenomenon of the Chuvash. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.592

REFERENCES

1. Butinov, N. A. The concept of kinship. *Soviet Ethnography*. 1990;3:65–75. (In Russ.)
2. Vinogradova, L. N., Tolstaya, S. M. Feeding. *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. Vol. 2. Moscow, 1999. P. 601–606. (In Russ.)
3. Golovnev, A. V. Ural ethnicity and identity. *Ural Historical Journal*. 2011;2:40–49. (In Russ.)
4. Danilko, E. S., Sadikov, R. R. Video recording of the field prayer of the unbaptized Chuvash in Bashkiria. *VI Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: Proceedings*. St. Petersburg, 2005. P. 382. (In Russ.)
5. Nikitina, E. V. Chuvash ethnomentality: essence and peculiarities. *Cheboksary*, 2005. 148 p. (In Russ.)
6. Rashitov, F. A. Correlation between ethnicity and religiosity in the Tatar identity. *Ethno-religious identity of the Tatar people under the conditions of globalization*. Kazan, 2019. P. 78–90. (In Russ.)
7. Toporkov, A. L. Food. *Slavic mythology: Encyclopedic dictionary*. Vol. 2. Moscow, 1995. P. 176–178. (In Russ.)

Received: 27 July, 2020; accepted: 30 November, 2020

ИЛЬЯ РОМАНОВИЧ ШЕГЕЛЬМАН

(20.11.1944 – 03.12.2020)

Доктор технических наук, профессор,
заслуженный тренер России

С Ильей Романовичем я познакомился в 2000 году, будучи студентом IV курса исторического факультета ПетрГУ, когда он совместно с С. Г. Веригиным стал моим научным руководителем курсовой, а затем дипломной работы, посвященной истории восстановления и развития лесной промышленности Карелии в послевоенный период. Именно тогда он начал прививать мне интерес к истории отечественного лесопромышленного комплекса. В последующие годы этот интерес перерос в настоящее научное увлечение. Чем больше я узнавал Илью Романовича, тем больше удивлялся разносторонности его талантов и увлечений: известный ученый, много времени и сил уделявший популяризации науки, член нескольких российских и международных академий, автор более 600 печатных трудов, 380 изобретений и патентов, нескольких словарей по лесной промышленности и лесному хозяйству, заслуженный тренер, воспитавший чемпионов Карелии, России, Европы и мира по самбо, дзюдо и рукопашному бою. Он стоял у истоков возрождения журнала «Ученые записки ПетрГУ».

Больше всего из того периода нашего знакомства запомнились рассказы Ильи Романовича о детстве и рабочей юности. Его родителям приходилось много работать для того, чтобы поднимать детей, восстанавливать страну, сохраняя веру в самое хорошее. Илья Романович, чье детство пришлось на тяжелые послевоенные годы, знал цену человеческой стойкости, трудолюбию и оптимизму. Рассказывал он и о работе в лесу в качестве сучкоруба, чокеровщика, помощника вальщика, сплавщика, разнорабочего.

В 2011 году в постоянном сотрудничестве с Ильей Романовичем началась моя работа над темой будущей докторской диссертации. В самом начале этой работы Илья Романович выступал соавтором большинства публикаций, помогая своими материалами, знаниями, опытом и советами.

Важным направлением стало создание обобщающих работ по истории отечественной лесной промышленности. Главное, чему я не устал удивляться, это его неумемное желание интересоваться совершенно разными вещами, узнавать новое, анализировать и придумывать буквально «из ничего» новые идеи и проекты. Еще одно качество, которое меня всегда вдохновляло, это умение заниматься несколькими вещами одновременно.

На мой традиционный вопрос-пожелание о том, удалось ли отдохнуть, Илья Романович неизменно отвечал примерно следующее: «Ты ведь знаешь, как я отдыхаю... Вот книгу закончил, патент утвердили, ученик защитился, победил на соревнованиях...». Внимание к судьбам учеников, постоянное стремление помочь им и словом, и делом, неформальность и неформатность отношения к любой трудности на жизненном пути – это то, что мы, его ученики, видели постоянно и стремились перенять.

В трудных жизненных ситуациях Илья Романович всегда помогал советом и психологически поддерживал. Когда нужно, мог выслушать, не задавая лишних вопросов, а мог, как и подобает настоящему учителю и заслуженному тренеру, мобилизовать все ресурсы своего ученика для достижения цели. Для меня такой целью стала подготовка и защита докторской. Когда в сентябре 2020 года в г. Саранске состоялась успешная защита диссертации, одним из первых, кому я позвонил, был Илья Романович. Он сердечно поздравил меня, памятуя весь тот сложный путь, который мы прошли к этой цели как ученик и учитель.

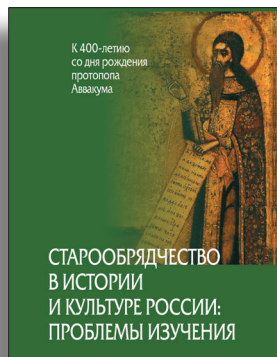
В моей памяти и, уверен, не только моей Илья Романович Шегельман останется примером Учителя и Человека с большой буквы.

*О. И. Кулагин,
доктор исторических наук,
Петрозаводский государственный университет*

CONTENTS

<p>Editorial note 7</p> <p>ARCHEOLOGY</p> <p><i>Zhulnikov A. M.</i> SVYATILISHCHE SITE IN THE CONTEXT OF THE WHITE SEA PETROGLYPHS DATING AND FUNCTIONING 8</p> <p>HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH</p> <p><i>Ivanchenko M. R.</i> ESTABLISHING THE AUTHORSHIP OF THE DIARIES OF THE SECOND PACIFIC SQUADRON SAILORS 20</p> <p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Kozhevnikova Yu. N.</i> MONASTICISM OF OLONETS AND KARGOPOL UYEZDS IN THE TIMES OF “PROHIBITIVE” DECREES 28</p> <p><i>Tkachenko S. N.</i> FIGHTING FOR THE VILLAGE OF BAKSAN AS AN EXAMPLE OF THE CRIMEAN PARTISANS’ TACTICS DEVELOPMENT 36</p> <p><i>Shevchenko T. I.</i> “FINNISH ISSUE” IN CORRESPONDENCE BETWEEN PATRIARCH ALEXIS I AND THE CHAIRMAN OF THE COUNCIL FOR THE AFFAIRS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH G. G. KARPOV 44</p> <p><i>Bertosh A. A.</i> INSTITUTIONALIZATION OF THE SOVIET TOURISM SYSTEM IN THE KOLA NORTH 55</p> <p><i>Petrova M. I.</i> SWEDISH CITIES ON THE NORTHERN COAST OF LAKE LADOGA IN THE XVII AND THE EARLY XVIII CENTURIES 61</p>	<p>OLD BELIEVERS OF THE RUSSIAN NORTH</p> <p><i>Yukhimenko E. M.</i> VENERATION OF SAINT EQUAL-TO-THE-APOSTLES PRINCE VLADIMIR: HOLIDAY AND ICON OF ALL RUSSIAN MIRACLE WORKERS 71</p> <p><i>Pigin A. V.</i> “A TREE GROWS FROM ITS ROOT”: IVAN NIKIFOROVICH ZAVOLOKO AND HIS CORRESPONDENTS IN KARELIA 77</p> <p><i>Kozhurin K. Ya.</i> NEWLY FOUND DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE OLD BELIEVERS IN KUSHEREKA VILLAGE OF ONEGA UYEZD 85</p> <p><i>Melnikov I. A.</i> SAINTS OF NOVGOROD AND NORTHERN RUSSIA IN ONE MANUSCRIPT FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM COMPLEX IN VELIKY NOVGOROD 92</p> <p><i>Staritsyn A. N.</i> THE RULES OF ALL-FEMALE LEKSA COMMUNITY OF THE EARLY PERIOD 98</p> <p>ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY</p> <p><i>Razumova I. A.</i> THE DYNAMICS OF SOCIAL BOUNDARIES: POWER IN THE MEMORIES OF FORCED LABORERS 106</p> <p><i>Salmin A. K.</i> SHARED MEALS AS INDIGENOUS CULTURAL PHENOMENON OF THE CHUVASH 115</p> <p>Memory</p> <p><i>Kulagin O. I.</i> Ilya Romanovich Shegelman 123</p>
--	--

СТАРООБРЯДЧЕСТВО В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (К 400-летию со дня рождения протопopa Аввакума)

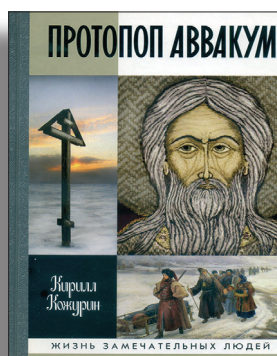

В сборник, посвященный 400-летию со дня рождения протопopa Аввакума, вошли статьи по актуальным проблемам истории старообрядчества. Особое внимание уделено литературному наследию протопopa Аввакума, формированию идеологии старообрядчества, старообрядческим центрам, взаимоотношениям с окружающим населением, отношению к старообрядчеству иерархов официальной церкви, влиянию старообрядчества на религиозные поиски интеллигенции и народа, сохранению старообрядцами древнерусского духовного наследия. Исследователи предлагают разные методы и разные подходы к изучению этого важного феномена русской культуры, анализируют новые источники.

Сборник составлен по материалам конференции, проведенной 26–27 октября 2020 г. совместно ИРИ РАН, ГИМ, ИМЛИ.

Старообрядчество в истории и культуре России : проблемы изучения : (к 400-летию со дня рождения протопopa Аввакума) [Текст] / [отв. ред. Захаров В. Н.]. – М. : Институт Российской истории РАН , 2020. – 572 с.

Кирилл Кожурин ПРОТОПОП АВВАКУМ

Протопоп Аввакум Петров (или Аввакум Петрович, 1620–1682) принадлежит к числу наиболее ярких фигур русской истории. С необыкновенной мощью явил он миру те качества, в которых отразился русский человек во всем многообразии его характера, – несокрушимую волю, силу духа, страстность, готовность к самопожертвованию во имя великой идеи. Помимо прочего, Аввакум – несомненно, гениальный писатель, на столетия опередивший свое время. Написанное им в пустозерском заточении автобиографическое «Житие» – жанр, прежде немыслимый в отечественной литературе! – одно из самых сильных произведений не только русской, но и мировой словесности. Представленная в серии «ЖЗЛ» книга о нем во многих отношениях необычна. Прежде всего потому, что она принадлежит перу старообрядческого историка и дает именно старообрядческий, во многом непривычный и неожиданный для неподготовленного читателя взгляд и на биографию «огнепального» протопopa, и на церковный раскол второй половины XVII века, и на всю русскую историю этого и последующего времени.

Протопоп Аввакум: Жизнь за веру / Кирилл Кожурин. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 396 [4] с.

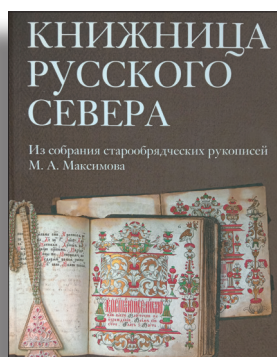
БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ ТОМ 20

В истории освоения древнерусского письменного наследия это первая столь обширная издательская серия. Благодаря своему объему, строгим принципам издания древнерусских текстов, параллельному переводу их на современный русский язык, комментариям «Библиотека литературы Древней Руси» представляет практически все богатство древнерусской литературы. В последнем – 20 – томе опубликованы Литургические произведения нового времени; Паломничества XIX в.; Агиографические сочинения, Видения потустороннего мира, Дневник (фрагменты) мезенского старообрядца Г. Я. Ситникова и др.

Библиотека литературы Древней Руси. Том 20. XVIII–XX века. Санкт-Петербург: «Наука», 2020. 403 с.

КНИЖНИЦА РУССКОГО СЕВЕРА

Каталог включает атлас изображений и описание старообрядческих рукописей и предметов декоративно-прикладного искусства, представленных на выставке «Книжница Русского Севера. Из собрания старообрядческих рукописей М. А. Максимова» в музее-заповеднике «Кижи» (18 марта – 28 апреля 2020 г.). Для демонстрации выбраны 76 предметов XVII–XX вв., происходящих из различных регионов Русского Севера – из Карелии, Каргополья, Архангельской и Вологодской земель. Рукописи содержат памятники письменности, вышедшие из-под пера представителей нескольких поколений старообрядческих писателей – пустозерских узников (дьякона Федора и попа Лазаря – «соузников» протопopa Аввакума по пустозерской ссылке) (XVII в.), выговских киновиархов Андрея и Семена Денисовых (XVIII в.), северо-двинского филипповского наставника Симеона Гаврилова (XIX – начало XX вв.) и многих других.

Издание предназначено для филологов, историков, искусствоведов и всех интересующихся историей и культурой старообрядчества.

Книжница Русского Севера. Из собрания старообрядческих рукописей М. А. Максимова: Каталог выставки / Автор-составитель М. А. Максимов. – Петрозаводск, 2020. – 136 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004